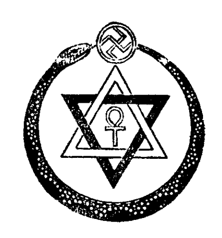

ВѢСТНИКЪ ТЕОСОФІИ

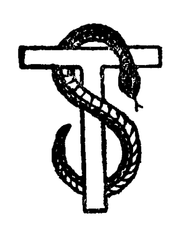
РЕЛИГІОЗНО-ФИЛОСОФСКО-
НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛЪ.

Satyât Nasti Paro Dharmah

(Нѣтъ религіи выше истины).

7 февраля.

№ 2.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ

1910

СОДЕРЖАНІЕ

февральской книжки „Вѣстника Теософіи“.

Исправленіе ошибки:

Въ январскомъ № „Вѣстникъ Теософіи“ *по ошибкѣ* стихотвореніе Фета (И неподвижно на огненныхъ розахъ) было подписано именемъ Влад. Серг. Соловьева.

Опечатки:

Въ Бхагавадъ-Гитѣ: стихъ 8:—угасило *достиженіе* (а не движеніе) высочайшей власти на землѣ...

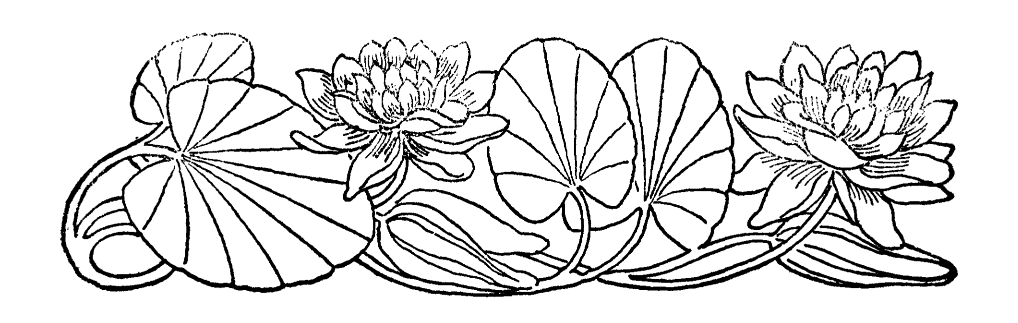
Въ „Свѣжей Листвѣ“: 2 опечатки:

	Напечатано:	Слѣдуетъ читать:
стр. 42 5-я стр. снизу . . .	земная	зеленая.
„ 44 10-я „ сверху . . .	отдѣльныхъ.	отдѣльномъ.

Спб. Городская Типографія, Садовая, 55. уголъ Вознесенскаго.

SOMMAIRE.

*) Professeur chirurgièn, fondateur d'une Université libre à Pétersbourg, décédé le 27 Novembre 1909.

Памяти П. Ф. Лесгафта.

Путей много, истина одна. Различными путями, разными методами, съ разныхъ сторонъ и разные люди подходятъ къ истинѣ, и она открывается всѣмъ серьезно ищущимъ по мѣрѣ ихъ роста и духовной готовности принять ея дары. Начало всѣхъ исканій—основаніе пирамиды, конецъ ихъ—верхушка ея, та точка, въ которой всѣ они рано или поздно сольются.

Кто стоялъ однажды среди открытаго поля жизни, ища руководящую нить, и растерянный и одинокій въ глубокой тоскѣ озирался вокругъ, тотъ пойметъ, что значитъ найти руководителя, почувствовать его силу, услышать бодрый призывъ, увидѣть зажженный имъ свѣтъ. Кто зажегъ свой свѣтильникъ, тотъ освѣщаетъ путь другимъ.

Яркимъ пламенемъ горѣлъ свѣтильникъ, зажженный П. Ф. Лесгафтомъ, и свѣтилъ и согрѣвалъ вокругъ. Глубокой вѣрой въ человѣка, въ его высшее призваніе проникнуто слово, брошенное имъ въ міръ—*уваженіе къ человѣческой личности*. Страстнымъ призывомъ къ духовному росту и къ высшей жизни прозвучало другое его слово—*работа*. Работа внутренняя надъ самимъ собою, надъ облагораживаніемъ, возвышеніемъ и просвѣтленіемъ себя, и работа внѣшняя въ формѣ служенія міру.

На мою долю выпало огромное счастье учиться у Петра Францовича. Его вліяніе сыграло большую роль въ моей жизни, какъ я увѣрена, и въ жизни всѣхъ тѣхъ, кто близко его зналъ, кто учился у него. А таковыхъ было очень много. Со всѣхъ концовъ обширной, жаждущей свѣта Руси къ нему съѣзжались ученики и ученицы, тѣсной семьей окружали Учителя Жизни и учились у него жить и работать.

Біологъ и педагогъ, читая анатомію и педагогику, П. Ф. въ сущности знакомилъ насъ, своихъ слушателей, съ жизнью. Его лекціи были цѣлымъ откровеніемъ для насъ. Такъ мы узнали, что жизнь есть прежде всего огромное поле дѣятельности и что мы призваны работать на немъ. Только всесторонняя, настойчивая и неустанная работа можетъ насъ сдѣлать нужными и полезными людьми. Внѣ работы нѣтъ смысла, нѣтъ цѣли, нѣтъ роста и жизни. Жизнь есть вся движеніе впередъ и кто въ этомъ движеніи не участвуетъ, тѣхъ сама жизнь не поддерживаетъ. Слабость, физическое, нравственное и умственное безсиліе, преждевременный упадокъ и разрушеніе являются удѣломъ тѣхъ, кто не работаетъ, кто по его выраженію „лежитъ на боку". И наоборотъ, здоровье, сила, выносливость, бодрость и ясность духа являются результатомъ кипучей дѣятельности. Энергія—источникъ всего, всѣхъ безконечно — разнообразныхъ проявленій жизни и энергія развивается только путемъ дѣятельности, путемъ усилій и работы.

Цѣль жизни, основа міозданія—безконечное совершенствованіе формъ и духа. Высшая форма жизни—человѣкъ. Въ немъ заложено божественное начало, начало мудрости и любви, т. е. стремленіе къ свѣту, къ добру и правдѣ. Отсюда глубокое уваженіе къ человѣческой личности. Всякій человѣкъ способенъ расти и подыматься безпредѣльно. Какъ бы низко ни стоялъ онъ въ данный моментъ, всегда должно помнить въ немъ высшаго человѣка, который въ немъ заложенъ и который можетъ при благопріятныхъ условіяхъ въ немъ развернуться. Не только дѣломъ или словомъ, но даже мысленно не слѣдуетъ никого осуждать, презирать, унижать. Какъ человѣкъ, всякій имѣетъ право на уваженіе, на помощь, на участіе.

Для раскрытія высшаго человѣка необходимымъ условіемъ является развитіе отвлеченнаго мышленія и воли. Интеллектъ и воля должны итти рука объ руку. Мысль и дѣло должны быть тѣсно и неразрывно связаны. Одна голая мысль приводитъ къ мертвой схоластикѣ. Дѣятельность, не руководимая мыслью— слѣпа, стихійна, случайна, полна ошибокъ. Особенно большое значеніе отдавалъ П. Ф. мысли. Ей отводилъ первенствующее мѣсто. Научиться разсуждать и думать нужно прежде всего. Всему должна предшествовать мысль—„мысль впередъ" его любимое выраженіе. Но непосредственно за ней должна слѣдовать повѣрка мысли на опытѣ. Только мысль, провѣренная самою жизнью, ея объектами и фактами, можетъ считаться научною, т. е.

отвѣчающей дѣйствительности, а не фантазіи. Только такія провѣренныя мысли являются тѣмъ цѣннымъ матеріаломъ, на которомъ можетъ быть построено настоящее, правильное развитіе и образованіе человѣка.

Подъ настоящимъ развитіемъ и образованіемъ слѣдуетъ понимать выработанную способность къ отвлеченному мышленію, т. е. способность на основаніи собраннаго матеріала дѣлать широкіе выводы и обобщенія и уже на фундаментѣ общихъ провѣренныхъ положеній строить свою жизнь и дѣятельность.

Большимъ подспорьемъ въ развитіи интеллекта служитъ воображеніе. Безъ него интеллектъ не можетъ выработаться въ настоящую силу. Безъ силы воображенія не можетъ быть и творчества въ настоящемъ смыслѣ этого слова, т. е. способности воплощать идеи въ жизни.

Памятью можно захватить много знаній, но это не будутъ еще настоящія, живыя знанія, хлѣбъ жизни, а будутъ мертвыя, безплодныя, неприложимыя къ жизни знанія, балластъ, камни. Мысль и знаніе только тогда могущественны и плодотворны, когда они намъ совершенно ясны, когда они стали нашей плотью и кровью, когда мы живемъ и дышимъ ими и они не отдѣлимы отъ насъ и нашей дѣятельности.

Развивая мысль, развивая попутно и волю, человѣкъ долженъ научиться самообладанію. Онъ долженъ научиться искусству въ совершенствѣ владѣть собою, т. е. подчинить себѣ свою низшую, животную природу во имя высшаго разума. Человѣкъ, скованный своими страстями, есть видъ самого ужаснаго рабства. Человѣкъ, побѣдившій свои страсти,—свободный человѣкъ.

Въ основу развитія какъ интеллекта, такъ и воли должны лечь постепенность, послѣдовательность. Только шагъ за шагомъ, ступень за ступенью, усиліе за усиліемъ можетъ правильно развиваться то и другое. Никакихъ скачковъ, никакой непослѣдовательности здѣсь допустить нельзя. Какъ въ природѣ все развивается, растетъ и совершенствуется путемъ постепенной, медленной эволюціи, такъ растетъ и развивается человѣкъ. Сначала медленно, потомъ все быстрѣе и быстрѣе.

Упражняя постоянно свою мысль, свою волю, свои органы въ работѣ, человѣкъ ихъ постепенно совершенствуетъ и вмѣстѣ съ тѣмъ можетъ выполнять болѣе тонкую, болѣе сложную работу. Съ помощью болѣе совершенныхъ и утонченныхъ органовъ мышленія и органовъ чувствъ онъ становится способнымъ подмѣчать болѣе тонкія, болѣе сложныя и глубокія явленія въ жизни,

все совершеннѣе дифференцировать, анализировать и обобщать ея факты. Дѣлаясь все утонченнѣе и сложнѣе самъ, онъ живетъ и въ болѣе тонкой, духовной атмосферѣ. Все менѣе и менѣе удовлетворяютъ его грубыя земныя радости и переживанія. Онъ все чаще и чаще уходитъ отъ нихъ въ высь, навстрѣчу своему идеалу, который по мѣрѣ его духовнаго роста и просвѣтленія все полнѣе и шире раскрывается передъ нимъ. Мало по малу передъ его напряженнымъ, пытливымъ взоромъ начинаютъ раскрываться дали будущаго съ ихъ безконечной перспективой истины, добра и красоты. Онъ достигаетъ той высшей точки, которая есть любовь и мудрость. Тогда онъ какъ бы отрывается отъ земли и уносится въ безконечность. Отнынѣ онъ духъ, который живетъ въ вѣчности, онъ—безсмертенъ.

Такъ подымается только тотъ, кто нашелъ свой идеалъ и весь отдался служенію ему, кто призналъ свой долгъ и ему принесъ себя въ жертву.

Глубоко убѣжденно текли живыя, горячія рѣчи П. Ф., будили насъ и влекли за собою. Огромный міръ вставалъ передъ нами, какъ одно живое цѣлое, и звалъ насъ къ работѣ, къ росту, къ свободѣ. П. Ф. будилъ въ насъ мужество и довѣріе къ самимъ себѣ, къ своимъ силамъ и призывалъ насъ къ простой, нетребовательной, довольствующейся лишь необходимымъ жизни здѣсь на землѣ, и къ сложной, широкой и глубокой жизни на ея высшемъ планѣ, въ царствѣ мысли и идеаловъ.

Стремитесь къ знаніямъ и свободѣ, развивайте энергію и силу, боритесь за эти высшія цѣнности на землѣ и вы ихъ получите, они станутъ вашими. Но ставъ сильными и мудрыми, помогайте неимущимъ и слабымъ.

Долгъ человѣка помогать человѣку; какъ вы сами получили отъ другихъ, выросли благодаря другимъ, боровшимся прежде васъ, такъ и вы помните о тѣхъ, кто ждетъ помощи отъ васъ. Вашъ долгъ передавать дальше то, что вы пріобрѣли; служить міру, какъ міръ служитъ вамъ. Въ природѣ всюду царитъ обмѣнъ. Захватъ безъ отдачи—нарушеніе закона гармоніи, закона обмѣна.

А главное и прежде всего научитесь не угнетать, не насиловать, не забивать. Великія силы дремлютъ въ каждомъ человѣкѣ, но онѣ, какъ нѣжный ростокъ, могутъ не подняться, будучи смяты, забиты, исковерканы въ началѣ. Учитесь понимать и уважать человѣка. Осуждать—легко. Понять—трудно.

Такъ говорилъ П. Ф. и у него слово не расходилось съ дѣломъ. И въ этомъ была его сила и обаяніе какъ человѣка и Учи-

теля. Онъ самъ воплощалъ въ жизни то, о чемъ говорилъ, и такимъ образомъ служилъ живымъ примѣромъ, яркимъ образцомъ для всѣхъ тѣхъ, съ кѣмъ какъ нибудь соприкасался. Онъ не только училъ, онъ въ то же время и воспитывалъ. Его безкорыстіе, его неустанное служеніе идеалу, его горячая, дѣятельная любовь къ людямъ, все это неотразимо дѣйствовало на насъ, его учениковъ, озаряло и подымало. И мы, глубоко и беззавѣтно вѣря ему, шли за нимъ къ правдѣ и свѣту.

Е. Л.

Изреченія изъ „Упанишадъ".

Путешественникъ, всѣ мысли котораго сосредоточены на лежащей впереди цѣли, не чувствуетъ передвиженія своихъ ногъ по дорогѣ; поступайте такимъ образомъ во всемъ, что вы дѣлаете.

Сердце злого не откроется добру, хотя бы онъ изучилъ всѣ Веданты.

Куда бы ни направился разумъ—блаженство его неизмѣнно, если эгоизмъ оторванъ отъ плоти и потопленъ въ блескѣ Высшаго Я.

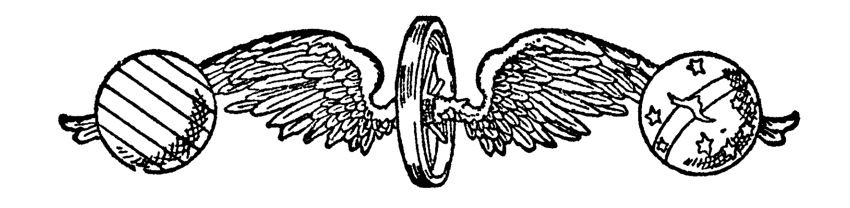
Единеніе съ невѣдѣніемъ, происходящее отъ затменія свѣта Я, исчезаетъ съ развитіемъ Духовности.

Духовность—огонь, который сжигаетъ солому желаній.

Весь міръ—Духъ, въ дѣйствительности больше ничего не существуетъ.

Человѣкъ становится тѣмъ, о чемъ онъ постоянно думаетъ.

Терпѣніемъ можно капля за каплей высушить океанъ черезъ соломинку травы; непрестанно поддерживаемое, оно приведетъ къ достиженію власти надъ разумомъ.

Древняя Мудрость на протяженіи вѣковъ.

Д-ра **Теофиля Паскаля.**

Великіе Учители **Человѣчества** (Доисторическіе).—**Великіе** Учители **Человѣчества** (Историческіе).—Современная Теософія (Нѣкоторыя изъ ея ученій).—**Теософія** опытная (Путь).—Теософія мистическая (Законъ жертвы).—Приложеніе.

Великіе Учители человѣчества.

ЛЕКЦІЯ ПЕРВАЯ.

Доисторическіе Учители.

Главная моя цѣль—показать въ этой серіи лекцій истинную природу Теософіи, ея происхожденіе, ея предметъ и ея цѣль, а также показать тотъ свѣтлый слѣдъ, который она, начиная съ доисторическихъ временъ, оставила за собой на протяженіи вѣковъ, и провести передъ вами непрерывающуюся цѣпь Учителей, которые передавали ее міру.

Я постараюсь также доказать полную неоспоримую тождественность ученій, методы и цѣли Теософическаго Общества нашихъ дней съ великими философскими и религіозными школами предшествовавшихъ временъ.

Указанный мной краткій планъ даетъ понятіе, какимъ образомъ я намѣреваюсь подойти къ этому обширному предмету. Я буду говорить сегодня о Великихъ Учителяхъ человѣчества, вопросѣ трудномъ и на много превосходящемъ мои силы, поэтому я прошу всей вашей снисходительности.

Поистинѣ, я не знаю, какое дать имя тому прошлому, тѣмъ отдаленнымъ эпохамъ, куда я долженъ перенести ваше вниманіе. Мнѣ надо говорить съ вами о Лемуріи, покрытой въ настоящее

время водами Тихаго океана, той эпохи, когда она не была еще погребена на днѣ океана.

Я буду говорить объ Европѣ, Африкѣ, Азіи, нисколько не похожихъ на материки, носящіе эти названія въ настоящее время. Географія и даже геологія этихъ доисторическихъ вѣковъ совершенно уничтожены; что касается городовъ и памятниковъ, которые могли бы сообщить объ этомъ далекомъ прошломъ,—песокъ и море покрываютъ ихъ, если время еще не успѣло разрушить ихъ окончательно. Такимъ образомъ, на свидѣтелей тѣхъ отдаленныхъ временъ мы уже не можемъ разсчитывать.

Съ точки зрѣнія палеонтологіи—тѣ же трудности. Кости человѣческихъ расъ той эпохи, куда мы должны перенестись, погребены вмѣстѣ съ исчезнувшими материками; кости же тѣхъ племенъ, что жили на нашихъ материкахъ, были обращены въ пепелъ, такъ какъ, судя по лѣтописямъ „Посвященныхъ“, прошло около 80.000 лѣтъ съ тѣхъ поръ, какъ сожженіе труповъ перестало быть обязательнымъ.

Очень мало осталось и отъ историческихъ библіотекъ. Библіотеки Египта были расхищены нѣсколькими римскими императорами и первыми христіанскими монахами; Александрійская библіотека, частью сожженная Цезаремъ (въ 48 г. до Р. Х.), была почти совершенно уничтожена христіанами въ IV вѣкѣ (390 г. по Р. Х.) и окончательно докончена Омаромъ (640 г. по Р. Х.). То немногое, что отъ нея осталось, было переписано Арабами, но костры не пощадили и этихъ остатковъ. Библіотека Персеполиса была уничтожена Александромъ, котораго Персы прозвали вслѣдствіе этого „Проклятымъ“. Китайскія библіотеки были уничтожены за 213 л. до Р. Х. основателемъ династіи Тзинъ; большая часть индусскихъ библіотекъ была разрушена императоромъ Акбаромъ въ XVI вѣкѣ, а ассирійскія клинообразныя черепицы стали извѣстны недавно и то лишь въ разбитыхъ осколкахъ.

Но все же намъ осталось кое-что, и прежде всего—миѳологія. Но какое же значеніе, скажутъ многіе, могутъ имѣть эти дѣтскія сказки? Ошибаетесь! Миѳологія не есть сборникъ наивныхъ сказокъ; для тѣхъ, кто имѣетъ къ ней ключъ, миѳологія является въ одно и тоже время исторіей, наукой, философіей и религіей, и мы постараемся это доказать.

Рядомъ съ миѳологіей мы имѣемъ другой рядъ документовъ болѣе или менѣе измѣненныхъ и извращенныхъ въ подробностяхъ, но въ цѣломъ заключающихъ въ себѣ истину, это—преданія.

Когда преданіе передаетъ о цѣломъ материкѣ, поглощенномъ водами, событіе, породившее это преданіе, можетъ быть извращено во второстепенныхъ подробностяхъ, но оно, тѣмъ не менѣе, произошло въ дѣйствительности. Рядомъ съ преданьемъ есть еще легенда, про которую Августинъ Тіерри (Revue des deux mondes. 1865) сказалъ: „легенда—живое преданіе, почти всегда болѣе истинное, чѣмъ то, что мы называемъ исторіей".

Наконецъ, мы имѣемъ исторію. У древнихъ, какъ напр. у Геродота, она отличается краткостью, лишена подробностей, но имѣетъ преимущество точности. Можно было осмѣивать „Отца Исторіи", но нельзя сомнѣваться въ его точности. Часто его разсказы считали вымысломъ, напримѣръ, что онъ говорилъ о Харибдѣ и Сциллѣ, двухъ скалахъ, двигавшихся по водамъ, и о пигмеяхъ. Но и это нашло свое объясненіе: пучина, о которой онъ говоритъ, была найдена въ сѣверныхъ моряхъ; это—Мальстрёмъ, движущіяся скалы—ледяныя горы; что же касается пигмеевъ, такъ долго считавшихся сказкой, они найдены нѣсколько лѣтъ тому назадъ въ Центральной Африкѣ среди племени Акка (Akkas), которое состоитъ изъ настоящихъ мохнатыхъ карликовъ съ чрезмѣрно длинными руками, живущихъ, какъ истинные дикари, прячась въ высокой травѣ, скрывающей ихъ съ головой.

Итакъ, хотя исторіи Геродота недостаетъ много подробностей, но ни одно изъ передаваемыхъ имъ событій нельзя считать вымышленнымъ.

Рядомъ съ его свидѣтельствами имѣются и свидѣтельства Санконіатона, Эратосфена, Птоломея, Платона и въ особенности Египетскихъ жрецовъ, на которыхъ чаще всего ссылается Солонъ.

Наконецъ, есть еще источникъ свѣдѣній, которому вы можетъ быть не пожелаете довѣриться, это—лѣтописи тѣхъ, кого мы называемъ членами Великаго Братства.

Сохраненныя съ самаго начала существованія человѣчества и накоплявшіяся въ теченіе вѣковъ, эти лѣтописи передаютъ всѣ великія событія, интересующія человѣчество. И хотя они еще необнародованы, но ученики „Великихъ Учителей", составляющихъ это Братство, нашли возможнымъ открыть нѣкоторую часть этихъ лѣтописей и обѣщали въ будущемъ не прекращать своихъ сообщеній.

Современная наука не знаетъ о существованіи этихъ лѣтописей или отрицаетъ ихъ; нельзя ее за это упрекать, такъ какъ ея долгъ ничего не принимать за истину, что не провѣрено ея

методами, между тѣмъ упомянутыя лѣтописи—вполнѣ достовѣрныя для тѣхъ, кто могъ ихъ изучить—для людей науки не были доступны до сихъ поръ.

Тѣмъ не менѣе, именно объ этихъ лѣтописяхъ я буду говорить съ вами и вкратцѣ излагать ихъ, хотя бы въ видѣ гипотезы; судите о нихъ по тому свѣту, который онѣ проливаютъ на темныя проблемы прошедшихъ цивилизацій. Сравнивая ихъ съ историческими и миѳологическими документами, о которыхъ я буду еще имѣть случай говорить, можно убѣдиться, что онѣ имѣютъ твердое основаніе и достойны серьезнаго вниманія.

* * *

Поставимъ же прежде всего важный для нашей цѣли вопросъ: содѣйствовалъ ли кто либо человѣчеству на зарѣ его существованія? Окружали ли Старшіе Братья колыбель человѣчества, чтобъ предохранить его отъ опасностей, которыя угрожаютъ новорожденному? Или человѣчество явилось на свѣтъ одинокимъ, беззащитнымъ, какъ стадо первобытныхъ людей, дикихъ, невѣжественныхъ и окруженныхъ міромъ животныхъ, сильнымъ и угрожающимъ?

Мнѣніе людей, изучавшихъ это прошлое, не одинаково: одни говорятъ—да, другіе—нѣтъ; постараемся освѣтить эти противорѣчивыя мнѣнія. Представители миѳологіи говорятъ, что человѣчеству ничто не помогало и что оно своими собственными усиліями достигло современной цивилизаціи. Ихъ заключеніе не должно насъ удивлять, и вотъ почему: они установили громадную роль миѳологіи въ первобытныхъ цивилизаціяхъ,—у дикарей, напримѣръ, она замѣняетъ все: науку, философію, религію и исторію,—но они не съумѣли понять смыслъ этой роли, они не могли объяснить тѣ странныя загадки, которыми она кажется на первый взглядъ переполненной, а такъ какъ человѣческая самонадѣянность пропорціональна человѣческому невѣжеству, то они и поспѣшили заключить, что религіозные миѳы могли имѣть цѣну только для самыхъ первобытныхъ умовъ. „Человѣкъ", говорили они, „родился невѣжественнымъ и миѳологіи не болѣе, какъ расцвѣтъ этого невѣжества".

„Но", возражаютъ другіе изслѣдователи: „миѳологія уважается не одними дикарями—всѣ замѣчательные люди древности высоко чтили ее, и она составляла часть обученья, передававшагося избранными ограниченному числу способныхъ учениковъ".

Итакъ, миѳологія цѣнится не одними дикарями. И притомъ, что такое современные дикари? Это расы, дошедшія до большей или меньшей степени вырожденія, какъ говоритъ Максъ Мюллеръ. Но что знаемъ мы о періодахъ, предшествовавшихъ ихъ вырожденію? Что знаемъ мы о первыхъ годахъ ихъ существованія? *Откуда* они заимствовали свою систему миѳологіи? Все это неизвѣстно намъ.

Кто можетъ утверждать, что первобытный человѣкъ былъ сходенъ съ современнымъ дикаремъ? Какъ мы увидимъ далѣе, первобытный человѣкъ былъ лишенъ способности высшаго мышленія, но онъ не имѣлъ жестокихъ инстинктовъ современныхъ дикарей.

Повторяю, для миѳологіи необходимъ ключъ, даже нѣсколько ключей. Она обладаетъ ключами: *космогоническимъ, антропологическимъ* и *духовнымъ*. Слѣдуетъ употреблять тотъ или другой ключъ, смотря по тому, съ какой стороны ее хотятъ изслѣдовать.

Что, наприм., представляетъ собою миѳъ о *Фаэтонѣ*, кажущійся столь ребяческимъ и забавнымъ? Это—исторія великихъ космическихъ событій, отдѣлявшихъ два ледяныхъ періода. Спящій „ледяной драконъ“, котораго пробудилъ герой, это—полюсъ, льды котораго растаяли подъ дѣйствіемъ повышенія температуры, вызванной измѣненіемъ въ прогрессивномъ наклоненіи земной оси. Эриданъ, въ волны котораго былъ брошенъ Фаэтонъ—не рѣка По, это—сѣверныя моря; какъ доказательство можно привести слезы сестеръ несчастнаго принца, превратившіяся въ янтарь: янтарь, какъ извѣстно, встрѣчается только въ полярныхъ моряхъ.

Возьмемъ еще миѳъ о Касторѣ и Поллуксѣ, близнецахъ дѣвственной Леды, которые живутъ—одинъ днемъ—другой ночью. Можно ли допустить, что Великіе Учители прежнихъ временъ были настолько наивны, чтобы сочинять миѳы, не имѣющіе никакого значенія? Одна изъ сторонъ этого миѳа о двухъ близнецахъ имѣетъ антропологическій смыслъ. Касторъ и Поллуксъ суть двѣ стороны человѣческой личности: Поллуксъ—сторона высшая, душа, дѣйствующая въ ментальномъ тѣлѣ; Касторъ—сторона низшая, душа, дѣйствующая въ физическомъ тѣлѣ. Касторъ живетъ днемъ, жизнью физической, жизнью воплощенія; Поллуксъ живетъ ночью, высшей жизнью человѣка спящаго, или сбросившаго съ себя плоть. И, дѣйствительно, когда человѣкъ умираетъ, Поллуксъ продолжаетъ существовать,—близнецъ продолжаетъ жить въ потустороннемъ мірѣ.

Далѣе, что такое Протей, это чудесное существо, мѣняющее постоянно свой видъ, и только тогда говорящее правду, когда его схватятъ и парализуютъ его силы? Протей символизируетъ высшую тончайшую матерію, которая принимаетъ всевозможные образы подъ воздѣйствіемъ мысли, и вслѣдствіе этого мѣняетъ постоянно свой видъ. Эти образы, подобно видѣніямъ нашего полусна, переходятъ изъ одного въ другой, изъ ангела въ чудовище, изъ человѣческой формы въ животную, при малѣйшемъ усиліи мысли. Вотъ, слѣдовательно, причина лживости Протея, вотъ почему нельзя схватить его мѣняющійся образъ. Но, если его сдѣлать неподвижнымъ, Протей скажетъ правду, т. е., если человѣкъ успокоитъ неустанно движущіяся волны своего мышленія, онъ можетъ увидѣть нѣчто истинное и постоянное: образы, мысли, представленія, вдохновенія его души, дѣйствующей въ ментальномъ тѣлѣ, могутъ отразиться, какъ въ спокойныхъ водахъ затихшаго озера. Итакъ, вы видите изъ приведенныхъ примѣровъ, что въ миѳологіи имѣются элементы серьезные и истинные.

Но миѳологія не является единственной свидѣтельницей генія Великихъ Учителей человѣчества; кромѣ нея мы имѣемъ, какъ я уже упомянулъ, исторію, легенды, преданія и различныя дошедшія до насъ лѣтописи; мы имѣемъ внушительное зрѣлище первобытныхъ религій, одинаково великихъ, какъ и при своемъ возникновеніи, такъ и въ настоящее время; мы имѣемъ философію Великихъ Учителей, которая остается наивысшей въ своей области, и, наконецъ, у насъ есть памятники, наука, искусство, тысячи осязаемыхъ вещей, о которыхъ я сейчасъ буду говорить и которыя доказываютъ существованіе Великихъ Наставниковъ юнаго человѣчества, содѣйствовавшихъ ему на зарѣ его историческаго бытія.

Доисторическія расы.

Прежде всего, скажу нѣсколько словъ о первобытномъ человѣчествѣ.

Человѣчество есть коллективное существо, во всемъ схожее съ отдѣльнымъ индивидомъ; оно, подобно отдѣльному человѣку, развиваетъ сперва тѣло, т. е. орудіе, служащее для проявленія души и разума. Этотъ эволюціонный процессъ, очень медленный и трудный, во всемъ соотвѣтствуетъ подобному же эволюціонному процессу человѣка. Прежде чѣмъ человѣческое тѣло приметъ

свою опредѣленно человѣческую форму, ему нужно жить и развиваться въ теченіе семи мѣсяцевъ; точно также и для человѣчества необходимо пройти черезъ семь періодовъ или семь расъ прежде, чѣмъ оно достигнетъ своего полнаго развитія.

Первые періоды человѣческаго развитія заключаются въ коренныхъ, совершенно опредѣленныхъ измѣненіяхъ формы, что и составляетъ тѣ особые признаки, которыми отличаются различныя расы. Въ эмбріональномъ состояніи человѣка каждый мѣсяцъ видоизмѣняетъ его тѣло; первые три мѣсяца даютъ только зачаточныя формы; къ четвертому мѣсяцу — человѣческая форма уже ясно обрисовывается, къ седьмому—она уже совсѣмъ готова; два же послѣдніе мѣсяца предназначены для довершенія индивида въ нѣдрахъ матери, хотя онъ уже обладаетъ полной жизнеспособностью. Тоже самое и для человѣчества: семь главныхъ ступеней эволюціи составляютъ семь расъ. Почему семь? спросите вы. Я долженъ на этотъ разъ ограничиться указаніемъ на то, что это число передано намъ древностью; если бы моей задачей было обсужденіе этого вопроса, я доказалъ бы вамъ, что число это находится въ корнѣ нашей эволюціи и что не безъ причины говорится, что божественное творчество совершается по „геометрическимъ“ началамъ.

Египетскій глифъ, изображающій расы, имѣетъ видъ разжатой руки, но съ мизинцемъ на половину укороченнымъ, чтобы показать, что четыре расы совершили свою эволюцію вполнѣ, а пятая достигла лишь половины своего развитія. Гностики также имѣли свой глифъ: „Древо Жизни“, на вершинѣ котораго возсѣдаетъ на тронѣ „небесный Пріапъ“; это дерево имѣетъ пять обрѣзанныхъ вѣтвей, представляющихъ пять расъ, совершившихъ свою эволюцію. У Грековъ расы обозначались гласными, изъ которыхъ пять были высѣчены на стѣнахъ „Храма посвященія“, остальныя двѣ принадлежатъ будущему. У Латинянъ расы изображались также пятью гласными: *a, e, i, o, u*. Въ Апокалипсисѣ расы символизируются семью королями: „пять появились, одинъ существуетъ, седьмой долженъ придти“.

На всемъ этомъ лежитъ таинственный покровъ, чтобъ сбить со слѣда непосвященныхъ. Это намѣреніе видно въ словахъ: „одинъ существуетъ“; слѣдовало бы сказать: шестой скоро явится. Подобные покровы наброшены на всѣ древнія священныя писанія.

Минуя подобныя неясности, перехожу къ доисторическимъ расамъ, къ первымъ тремъ, которыя носятъ названіе *Преадамитовъ*, затѣмъ къ *Лемурійцамъ* и къ *Атлантамъ*.

Соотвѣтствуя зачаточному періоду человѣчества, три первыя расы Преадамитовъ не имѣли нашего тѣла. Платонъ въ своемъ „Пирѣ“ и въ „Федонѣ“ описываетъ первую расу обладающей болѣе или менѣе сферическими тѣлами, которымъ преданіе приписывало крылья. Эти символическія крылья обозначаютъ ту быстроту, съ какой тѣла эти могли двигаться въ пространствѣ. Аристофанъ также говоритъ о нихъ въ своихъ театральныхъ произведеніяхъ, и „колеса“ видѣнія Іезекіила могутъ быть отнесены отчасти сюда же.

Вторая раса обладала уже зачатками опредѣленной формы, а третья имѣла уже человѣческій видъ. Но въ первыхъ подрасахъ этой третьей расы различія половъ еще не существовало. Вотъ почему, при изученіи человѣчества этой отдаленной эпохи, постоянно встрѣчается представленіе о двуполости. Въ „Каббалѣ“ раввинъ Симеонъ говоритъ своимъ „посвященнымъ“ собесѣдникамъ: „Товарищи, человѣкъ, какъ эманація, при своемъ началѣ соединяетъ въ себѣ мужское и женское начало, представляетъ собою двойственнаго человѣка“. Египетскій *Пимандръ* добавляетъ: „Такова скрытая до сего дня тайна.... Небесный человѣкъ совершилъ чудо.... Онъ сотворилъ семерыхъ человѣкъ и всѣхъ двуполыхъ“.... Изучающіе Герметизмъ были настолько смущены этими и подобными изреченіями, что принуждены были признать перваго человѣка *Адама Кадмона* двуполымъ.

„Тайная доктрина“ Е. П. Блаватской объясняетъ намъ, что двѣ первыя расы не имѣли пола, что въ третьей произошло раздѣленіе половъ: сначала почкованіе, т. е. яйцеобразное наростаніе снаружи тѣла, аналогичное съ процессомъ, существующемъ въ настоящее время у рыбъ; затѣмъ яйцеобразованіе внутри тѣла, настоящее зачатіе, образующее сначала безполый зародышъ, позднѣе—двуполый и, наконецъ—однополый.

Двуполость существуетъ еще и понынѣ въ большей части природы,—у многихъ растеній и простѣйшихъ животныхъ, и физіологія признаетъ у человѣка зачаточные органы, указывающіе на первичную двуполость.

Все это находитъ свое подтвержденіе въ древнихъ писаніяхъ. Такъ, въ Каббалѣ—сказано: „Есть *четыре* Адама“; выраженіе *Адамъ* равнозначаще съ расой; слѣдовательно, существуетъ четыре расы.

Первый Адамъ „святой и совершенный, подобный проходящей тѣни“. Дѣйствительно, съ нравственной точки зрѣнія первая раса должна была быть святой и совершенной: она не была еще одарена мышленіемъ, слѣдовательно не могла и грѣшить; выра-

женіе „проходящая тѣнь“ есть намекъ на тонкость матеріи, изъ которой состояло тѣло человѣка въ эту эпоху.

Второй Адамъ — „Адамъ двуполый протопластическій“, т. е. изъ тонкой матеріи, которая съ необыкновенной легкостью могла принимать надлежащую форму.

Третій—„Адамъ изъ земли“, тѣло котораго состояло изъ матеріи физической. Матерія, какъ и тѣло, измѣнялась и становилась все болѣе и болѣе плотной до четвертой расы включительно, которая находится внизу эволюціонной дуги, въ точкѣ поворота творческой силы. Библія, символизируя тотъ же процессъ, одѣваетъ Адама и Еву въ шкуры животныхъ послѣ „грѣхопаденія“ (что символизируетъ раздѣленіе половъ, измѣненіе въ способѣ размноженія): таково одно изъ многочисленныхъ объясненій грѣхопаденія.

Четвертая раса, о которой говоритъ Каббала,—„Адамъ грѣховный“, т. е. раса, согрѣшившая послѣ раздѣленія половъ.

Библія, съ своей стороны, говоритъ тоже самое. Она также имѣетъ четыре „Адама“, безъ труда различимыхъ, если внимательно изучать ея различныя главы и стараться понять исторію Каина и Авеля, Исава и Іакова.

Первая раса — „Адамъ Единый“, потомъ слѣдуетъ „Адамъ—Ева“ — начало мужеское и женское. Къ сожалѣнію, переводчики Библіи не всегда понимали это и, не понявъ, хотѣли исправить предполагаемую ошибку и поэтому стали писать: „Адамъ и Ева“, между тѣмъ какъ въ неисправленной еврейской Библіи стоитъ: „Адамъ—Ева“.

Третья раса—„Адамъ *и* Ева“, слѣдующая за раздѣленіемъ половъ; Богъ, во время сна Адама, беретъ у него ребро и сотворяетъ Еву. Потомъ слѣдуютъ Каинъ и Авель, замѣняющіе, по словамъ знатоковъ Библіи, Адама и Еву, и отмѣчающіе особую фазу третьей расы, когда способъ размноженія сталъ такимъ, какимъ онъ существуетъ и теперь.

Четвертая раса нашла себѣ выраженіе въ миѳѣ объ Исавѣ и Іаковѣ. Исавъ—красный и мохнатый, какъ Атланты, Іаковъ—безволосый и бѣлый, какъ Арійцы. Съ самого рожденія они враждуютъ, это—исторія борьбы четвертой и пятой расъ. Ничего нѣтъ противорѣчиваго въ томъ, что пятая раса родилась, когда еще существовала четвертая, ибо расы возникаютъ одна изъ другой. Когда одна находится въ полномъ расцвѣтѣ, другая уже начинаетъ возникать. Исавъ и Іаковъ символизируютъ исторію великихъ войнъ, которая передается многочисленными миѳологи-

ческими и историческими сказаньями, войнъ, происходившихъ между двумя расами, двумя братьями.

Читаемая съ оккультной точки зрѣнія, Библія даетъ много откровеній. Сонъ Адама представляетъ первоначальное состояніе сознанія, граничащее съ его отсутствіемъ, которое предшествовало появленію человѣчества во второй половинѣ третьей расы. Разумное сознаніе отсутствовало на той ступени такъ же, какъ оно отсутствуетъ на нашей ступени у человѣческаго зародыша; проявляться оно начало мало по малу, по мѣрѣ усовершенствованія организаціи, по мѣрѣ созданія нервныхъ центровъ. Адамъ, вполнѣ пробужденный, тотъ, который „позналъ добро и зло",это—Адамъ конца третьей расы, когда совершилось раздѣленіе половъ.

Тѣла въ то время были гигантскихъ размѣровъ, долговѣчность жизни была чрезвычайная. Мнѣ нѣтъ надобности напоминать здѣсь всѣ преданія, свидѣтельствующія о томъ; вспомнимъ хотя бы долгіе годы жизни Маѳусаила. Долговѣчность и огромный ростъ сокращались постепенно, по мѣрѣ развитія расы, и то что относилось къ человѣку, происходило также и въ животномъ мірѣ.

Въ наше время, крокодилъ, аллигаторъ и маленькая ящерица остались приблизительно единственными представителями гигантскихъ пресмыкающихся, этихъ чудовищъ былыхъ временъ въ 15—20 метровъ длиною. Такимъ же образомъ всѣ измѣненія въ размѣрахъ и въ строеніи формъ шли параллельно.

Первобытныя расы населяли особые материки. Мѣстопребываніе первой расы былъ полярный материкъ. Вторая занимала то, что можно назвать древней Скандинавіей, земли, окружавшія сѣверный полюсъ огромнымъ кольцомъ, часть котораго составляетъ теперешняя Гренландія и Шпицбергенъ. Страны эти отличались въ тѣ отдаленныя времена жаркимъ климатомъ. Третья раса жила въ Лемуріи, занимавшей необозримое пространство на мѣстѣ теперешняго Тихаго Океана; острова этого океана являются единственными слѣдами этого былого материка.

Эта раса была огромнаго роста, о чемъ свидѣтельствуютъ гигантскія статуи, сохранившіяся до того времени, когда Кукъ высадился на островѣ „Пасхи". Но это доказательство не единственное; въ египетскихъ преданіяхъ встрѣчается племя *Героевъ;* у Индусовъ—*Данавы* и *Даитіи*; на Цейлонѣ—*Ракшазы*; въ Сиріи и Халдеѣ—*Издубары* (такъ Немвродъ былъ Издубаръ); въ Греціи — *Титаны*, у Евреевъ — *Оги*, *Голіафы*, сыны Енаковы (Числа, гл. 13), *Гибборимы* и др.

Другимъ доказательствомъ служатъ пять статуй въ Бамьянѣ, въ центральной Азіи; первая, самая большая, имѣетъ 60 метровъ въ высоту, вторая—40 метр., третья—20 метр., четвертая—10 метр. и пятая—равная по росту съ современнымъ человѣкомъ. Словомъ, преданія о великанахъ находятся всюду, и было бы удивительно, еслибы они не существовали.

Третья раса была свѣтложелтаго цвѣта (Адамъ послѣ грѣхопаденія); здѣсь я могъ бы сдѣлать большую вставку, если бы позволило время и рамки обсуждаемаго вопроса. Позднѣе эта окраска перешла въ темно-желтый и черный цвѣта, по мѣрѣ того, какъ усиливались послѣдствія развращенности.

Что касается четвертой расы, то она обитала въ Атлантидѣ, на томъ материкѣ, который занимаетъ часть современной Америки, а на остальномъ своемъ протяженіи покрытъ — послѣ „потопа“ — водами Атлантическаго океана.

Эта раса состояла изъ людей уже менѣе колоссальныхъ, но все еще очень большаго роста; въ первой половинѣ своего существованія они были краснаго цвѣта, во второй—желтаго.

Эта раса переселилась не только въ Африку и Европу, но и въ большую часть Азіи, и эта часть ея исторіи представляетъ не меньшій интересъ, если ее изучать по показаніямъ „посвященныхъ“, учениковъ Великаго Братства.

(Продолженіе слѣдуетъ).

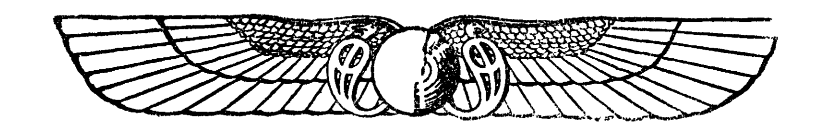
Пер. **А. Гралевская.**

Освобожденіе не въ небесахъ, не въ преисподней и не на землѣ; освобожденіе заключается въ разумѣ, очищенномъ Духовнымъ Познаніемъ.

Все, что зависитъ отъ „Я“—блаженство; все, что зависитъ отъ „я“—бѣдствіе.

(Изреченія изъ „Упанишадъ“).

Дхарма.

*(Продолженіе *)*

II.

Эволюція.

Сегодня вечеромъ мы будемъ изучать вторую часть вопроса, къ которому мы приступили вчера. Вы помните, что я раздѣлила этотъ предметъ, для большей легкости, на три части: *Раздѣльности, Эволюція, Проблема Добра и Зла.* Вчера мы разсмотрѣли вопросъ о „Раздѣльностяхъ“ и причину, по которой различные люди имѣютъ различныя Дхармы. Я позволю себѣ напомнить вамъ принятое нами опредѣленія Дхармы:—Дхарма есть та внутренняя природа, которая характеризируется достигнутой степенью эволюціи + (плюсъ) Законъ роста для слѣдующей ступени эволюціи. Я васъ попрошу не терять изъ виду этого опредѣленія, такъ какъ безъ этого вы не можете примѣнить понятіе Дхармы къ тому, что намъ придется изучать въ третьей части нашего предмета.

Подъ названіемъ „Эволюція“ мы будемъ изучать, какимъ образомъ зачатокъ жизни становится, путемъ эволюціи, совершеннымъ образомъ Божьимъ. Мы видѣли (будемъ это помнить), что единственно возможное представленіе этого образа Божія заключалось въ совокупности многочисленныхъ предметовъ, части которыхъ составляютъ вселенную—и что индивидуумъ достигаетъ совершенства только выполняя свою частную роль въ великомъ цѣломъ.

Чтобы понять Эволюцію, надо найти ея источникъ и ея причину: жизнь, проникающую въ матерію прежде развитія всякаго рода сложныхъ организмовъ. Мы исходимъ изъ того основного положенія, что все отъ Бога и все въ Немъ. Ничто въ мірѣ не можетъ быть изъято изъ Него. Нѣтъ жизни, которая не была бы

*) См. „Вѣстникъ Теософіи“ 1910 г., № 1, стр. 6.

Его жизнью; нѣтъ силы, которая не была бы Его силой; нѣтъ энергіи, которая не была бы Его энергіей; нѣтъ формы, которая не была бы Его формой—всѣ онѣ результаты Его мысли. Вотъ наше основное положеніе. Вотъ принципъ, на которомъ мы должны обосноваться, дерзая принять все, что онъ заключаетъ въ себѣ, осмѣливаясь допустить всѣ его послѣдствія.

„Сѣмя всѣхъ существъ"—сказалъ Шри-Кришна, говоря какъ Всевышній Ишвара—„вотъ что Я есмь, о Арджуна! И нѣтъ ничего одушевленнаго или неодушевленнаго, что могло бы существовать, лишенное Меня" (Бхагавадъ-Гита, 39).

Не побоимся принять это.

Не остановимся подъ тѣмъ предлогомъ, что жизни въ эволюціонномъ теченіи несовершенны, ни передъ какимъ выводомъ, къ которому насъ можетъ привести эта истина.

Въ другой Шлокѣ *) Шри-Кришна сказалъ: „Я есмь фальшивыя кости, я—блескъ драгоцѣнностей" (тамъ же).

Каковъ смыслъ этихъ словъ, кажущихся столь странными? Какъ объяснить эту фразу, которая кажется почти профанаціей? Въ этой рѣчи не только выраженъ нашъ основной принципъ, но мы видимъ еще, что Ману поучаетъ именно той же самой истинѣ: „Изъ Его сущности проистекаетъ Вселенная". Жизнь, истекая изъ Всевышняго Источника, накладываетъ одно за другимъ покровы Майи, подъ которыми жизнь должна развивать, путемъ эволюціи, всѣ совершенства, находящіяся въ ней въ скрытомъ состояніи.

Но прежде всего является вопросъ: Не содержитъ-ли въ себѣ эта жизнь, исходящая отъ Ишвары, съ самаго начала всѣ вещи уже въ развитомъ состояніи, всякое могущество проявившимся, всякую возможность дѣйствительно осуществившейся? Отвѣтомъ на этотъ вопросъ, много разъ даннымъ въ символахъ, въ аллегоріяхъ и въ точныхъ выраженіяхъ, является „Нѣтъ". Жизнь содержитъ все въ потенціи, но вполнѣ не содержитъ ничего въ проявленіи. Она содержитъ все въ зачаткѣ, но вначалѣ не содержитъ ничего въ видѣ развитого организма. Сѣмя это то, что помѣщено въ великихъ волнахъ матеріи. Только зачатокъ данъ Жизнью Міра. Эти зачатки, исходящіе изъ жизни Ишвары, разбиваютъ шагъ за шагомъ, фазу за фазой на каждой послѣдовательной ступени всѣ силы, присущія Отцу-родителю—названіе, которое даетъ Себѣ Ишвара въ „Бхагаватъ-Гитѣ". Онъ еще разъ возвѣщаетъ это: „Мое лоно—Махадъ-Брама; въ него помѣщаю я зачатокъ, таково

*) По санскритски—„двустишіе", стихъ.

начало всѣхъ существъ, о Бхарата! Каково бы ни было лоно, порождающее смертныхъ, О Каунтейя *), Махатъ-Брама есть ихъ лоно и Я ихъ Отецъ-родитель**).

Изъ этого сѣмени, изъ этого зачатка, содержащаго всѣ вещи въ состояніи потенціи, но еще ничего не проявившаго, изъ этого сѣмени должна развиться жизнь, поднимаясь отъ уровня къ уровню все выше и выше, пока не образуется сознательный центръ, способный достигнуть, расширяясь, самаго сознанія Ишвары, оставаясь въ то же время центромъ, способнымъ сдѣлаться новымъ Логосомъ или Ишварой, дабы произвести новую вселенную.

Разсмотримъ подробно этотъ широкій розмахъ мысли. Жизнь, проникающая въ матерію—вотъ наша точка отправленія. Эти зачатки жизни, эти миріады сѣмянъ, или, употребляя выраженіе Упанишадъ, эти безчисленныя искры, всѣ исходятъ изъ единаго Пламени, которое есть Всевышній Браманъ. Теперь въ этихъ сѣменахъ должны пробудиться свойства. Эти свойства—силы, но силы, проявившіяся черезъ матерію. Одна за другой эти силы появляются. Онѣ составляютъ жизнь Ишвары, окутанную Майей. Медленно это возрастаніе въ первыхъ періодахъ и скрыто, какъ зерно скрыто подъ землею, когда оно внѣдряетъ свой корень въ глубину и шлетъ на поверхность свой нѣжный ростокъ, дабы стало возможнымъ будущее появленіе молодого дерева. Оно выращиваетъ въ тишинѣ божественное сѣмя и отдаленное начало скрыто во мракѣ, какъ корни подъ землей.

Эта сила, присущая жизни, или скорѣе, эти безчисленныя силы, проявляемыя Ишварой, дабы возможно было существованіе вселенной, эти миріады силъ съ самаго начала не появляются въ зачаткѣ. Ни одного указанія на великое будущее, ни одного предзнаменованія того, чѣмъ онъ сдѣлается позднѣе. Относительно этого проявленія въ матеріи было произнесено слово, проливающее много свѣта на этотъ предметъ, если только намъ удастся схватить его внутренній утонченный смыслъ: Шри-Кришна, говоря о Своей Пракрити—или низшемъ проявленіи—сказалъ: „Земля, вода, огонь, воздухъ, эѳиръ,—Манасъ, Будди и Аханкара ***)—таковы восемь элементовъ Моей Пракрити—этого низшаго проявленія“. Затѣмъ онъ опредѣляетъ Свое высшее проявленіе: „Познай Мое другое Пракрити, высшее, жизненный элементъ, поддерживающій все-

*) „Каунтейя“—эпитетъ Арджуны; Арджуна потомокъ Кунти (его бабушки).

**) Бхагавадъ-Гита“—XIV 3—4.

***) Манасъ, Будди, Аханкара—по санскритски: „Разумъ, Мистическое Сознаніе, Сущность (Я) каждой вещи.

ленную, о могучій воинъ!“ (Бхагавадъ-Гита VII 4, 5). Далѣе, немного позднѣе, но отдѣленныя отъ предшествовавшихъ словъ многочисленными Шлоками, такъ что часто даже теряется связь между ними, произнесены другія слова: „Трудно прорвать эту Мою божественную Майю, Майю, созданную изъ Гунъ. Приходящіе ко Мнѣ—тѣ могутъ проникнуть сквозь эту Майю“ (оттуда же VII 14). Эта Іога-Майя дѣйствительно трудно проницаема. Немногіе могутъ обрести Его, окутаннаго Майей—такъ она трудно проницаема.— „Лишенные Будди (т. е. мистическаго сознанія) считаютъ Меня, Меня не проявившагося, имѣющимъ проявленіе. Они не знаютъ Моей возвышенной природы, безсмертной, все превосходящей. Не всѣ обрѣтаютъ Меня подъ Моей Іога-Майей“ (оттуда же VII 24, 25). Далѣе Онъ объясняетъ, что Его непроявленная жизнь есть то, что проникаетъ всю вселенную. Жизненное начало или высшая Пракрити есть непроявленное; низшая Пракрити есть проявленное. Тогда Онъ говоритъ: „Изъ непроявленнаго исходитъ, при зарожденіи дня, потокъ проявившихся предметовъ. Когда наступаетъ ночь, они снова растворяются въ томъ, что названо непроявленнымъ“ (оттуда же VIII 18). Это повторяется снова и снова. Далѣе Онъ намъ говоритъ: „Поистинѣ существуетъ также надъ непроявленнымъ еще другое непроявленное, вѣчное. Когда всѣ существа разрушаются, оно не разрушается“ (оттуда же VIII 20). Есть тонкое различіе между Ишварой и Его собственнымъ образомъ, который Онъ посылаетъ во внѣшній міръ. Этотъ образъ есть отраженное непроявленное—но Самъ Онъ есть высшее, непроявленное, вѣчное, во вѣки неразрушимое.

Понявъ это, мы подходимъ къ развитію силъ. Здѣсь поистинѣ начинается наша эволюція. Изливающаяся жизнь проникла въ матерію, дабы сѣмя могло помѣститься въ матеріальную среду и сдѣлать эволюцію возможной. Затрудненіе наступаетъ, когда мы подходимъ къ началу зарожденія. Надо, дѣйствительно, перенестись мысленно къ тому времени, когда не существовало въ этомъ зачаточномъ „я“ ни разума, ни способности воображенія, ни памяти, ни сужденія—словомъ, ни одной изъ извѣстныхъ намъ условныхъ душевныхъ способностей; когда вся проявившаяся жизнь была той жизнью, которую мы находимъ въ минеральномъ царствѣ, помѣщенною въ низшія условія сознанія. Минералы доказываютъ присутствіе сознанія способностью притяженія и отталкиванія, сцѣпленіемъ ихъ частицъ, ихъ сродствомъ и антипатіями, но они не проявляютъ совсѣмъ того сознанія, которое можно назвать различеніемъ „Я“ и „не-Я“.

Въ каждой изъ этихъ примитивныхъ формъ минеральнаго царства начинаетъ развиваться жизнь Ишвары. Не только эволюція происходитъ въ жизненномъ зачаткѣ, но Онъ—Самъ, Ишвара, во всей Своей силѣ и мощи присутствуетъ въ каждомъ атомѣ своей вселенной. Его движущая жизнь дѣлаетъ эволюцію неизбѣжной. Его сила осторожно расширяетъ оболочки матеріи съ безграничнымъ терпѣніемъ и бдительной любовью, такъ, чтобы онѣ не разорвались при этомъ напряженіи. Богъ, который Самъ—Отецъ Жизни, заключаетъ въ Самомъ Себѣ эту жизнь, какъ Мать, развивая сѣмя по Своему подобію. Онъ всегда терпѣливъ, никогда не обнаруживаетъ поспѣшности. Онъ хочетъ взять у безчисленныхъ вѣковъ все то время, которое нужно маленькому зачатку. Время ничто для Ишвары, ибо Онъ вѣченъ и для Него все *есть*. Онъ хочетъ совершеннаго проявленія. Въ Его работѣ нѣтъ поспѣшности. Позднѣе мы увидимъ, какъ упражняется это безконечное терпѣніе. Человѣкъ, предназначенный стать образомъ своего Отца, отражаетъ въ самомъ себѣ „Я“, съ которымъ онъ составляетъ одно и изъ котораго онъ исходитъ.

Жизнь должна пробудиться. Но какъ?—Толчками, вибраціями эта внутренняя сущность вызвана къ дѣятельности. Жизнь возбуждается къ дѣйствію соприкосновеніемъ со внѣшними вибраціями. Природа пользуется миріадами средствъ, дабы столкнуть эти миріады жизненныхъ сѣмянъ, еще безсознательныхъ, заключенныхъ въ матерію. Но „природа“ только риза Божья, Его низшее проявленіе въ матеріальной сферѣ. Формы сталкиваются; онѣ такимъ образомъ потрясаютъ внѣшнія матеріальныя оболочки, прикрывающія жизнь, и внутренняя жизнь отвѣчаетъ содроганіемъ на этотъ ударъ.

Природа удара не имѣетъ значенія. Прежде всего надо, чтобы ударъ былъ силенъ. Всякій опытъ полезенъ. Все, что поражаетъ оболочку съ энергіей, достаточной для пробужденія этой жизни, достаточно для начала. Надо, чтобы жизнь—внутри—содрогнулась! Это будетъ пробужденіемъ въ ней рождающейся способности. Сначала будетъ только внутреннее содроганіе, безъ дѣйствія на внѣшнюю оболочку. Но по мѣрѣ того, какъ удары слѣдуютъ за ударами, какъ вибрація за вибраціей производитъ свои толчки, подобные землетрясенію, внутренняя жизнь отвѣчаетъ черезъ свою собственную оболочку содроганіемъ, проявляющимся во внѣ. Ударъ вызываетъ отвѣтъ. Такимъ образомъ достигнута одна лишняя ступень: отвѣтъ данъ скрытой жизнью и черезъ ея оболочку. Эти опыты слѣдуютъ одинъ за другимъ въ царствѣ минеральномъ

и растительномъ. Въ царствѣ растительномъ отвѣты на вибраціи, рождающіеся изъ соприкосновенія, начинаютъ показывать, что жизнь обладаетъ новой способностью—ощущеніемъ. Жизнь начинаетъ обнаруживать то, что мы называемъ „впечатлѣніями". Иначе говоря, она отвѣчаетъ различнымъ образомъ на удовольствіе и на страданіе. Сущность удовольствія—гармонія. Все, что доставляетъ удовольствіе—гармонично. Все, что заставляетъ страдать—диссонансъ. Вспомните музыку. Гармоничныя ноты, взятыя въ одномъ аккордѣ, даютъ уху ощущеніе удовольствія; но если вы ударите пальцемъ по струнамъ, не заботясь о нотахъ, вы произведете диссонансъ, рѣжущій ухо. Что вѣрно въ музыкѣ, вѣрно повсюду. Здоровье—гармонія, болѣзнь—диссонансъ; сила—гармонія, слабость—диссонансъ; красота—гармонія, безобразіе—диссонансъ. Повсюду въ природѣ удовольствіе означаетъ отвѣтъ существа, одареннаго ощущеніемъ, на гармоническія и ритмическія вибраціи,—а страданіе означаетъ его отвѣтъ на вибраціи диссонирующія и не ритмическія. Ритмическія вибраціи открываютъ каналъ, дающій возможность расширенію жизни, и потокъ, идущій наружу, составляетъ „удовольствіе". Не ритмическія вибраціи закрываютъ выходы, мѣшая потоку распространиться—и эта помѣха составляетъ страданіе. Жизненный потокъ, направляющійся ко внѣшнимъ предметамъ, составляетъ то, что мы называемъ „желаніемъ". Слѣдовательно, удовольствіе становится удовлетвореніемъ желанія. Это различіе начинаетъ чувствоваться въ растительномъ царствѣ. Является ударъ! Онъ гармониченъ. Жизнь отвѣчаетъ на эти гармоническія вибраціи, расширяется и въ этомъ расширеніи испытываетъ „удовольствіе". Является ударъ! Это диссонансъ! Жизнь отвѣчаетъ ему диссонансомъ, уходитъ въ себя и въ этой задержкѣ находитъ причину—„страданіе". Удары слѣдуютъ за ударами безостановочно и только послѣ безконечнаго числа повтореній они пробуждаютъ въ этой плѣнной жизни чувства различія между удовольствіемъ и страданіемъ. Установленіе различій—единственный способъ, которымъ нашему сознанію, по крайней мѣрѣ въ данный моментъ, удается различать предметы. Возьмемъ очень обычный примѣръ. Если вы помѣстите на ладонь монету и надавите на нее пальцами, вы ее почувствуете; но по мѣрѣ того, какъ давленіе продолжается безъ всякаго измѣненія, чувство соприкосновенія исчезнетъ въ рукѣ, и вы не сможете сказать, есть ли что въ вашей рукѣ. Пошевелите пальцами—вы почувствуете монету, оставьте руку неподвижной—ощущеніе исчезаетъ. Сознаніе, слѣдовательно, можетъ познавать предметы только по

различіямъ, и когда различіе исчезаетъ, сознаніе перестаетъ отвѣчать. Мы приходимъ къ новой способности, проявившейся въ эволюціи жизни черезъ животное царство. Чувствительность къ удовольствію и къ страданію теперь велика, и способность устанавливать отношенія между предметами и ощущеніями появляется въ зачаткѣ: мы зовемъ ее—„воспріятіе". Что означаетъ это слово?—Оно означаетъ, что жизни удается установить связь между предметомъ, который производитъ на нее впечатлѣніе, и ощущеніемъ, которымъ она этому предмету отвѣчаетъ. Когда же эта рождающаяся жизнь, въ соприкосновеніи со внѣшнимъ предметомъ, узнаетъ въ немъ предметъ, вызывающій удовольствіе, или страданіе,—мы говоримъ, что предметъ воспринятъ, и что развилась способность воспріятія или установленія связи—между внѣшними и внутренними мірами. Когда осуществится это движеніе впередъ, въ организмѣ начинаютъ зарождаться и расти умственныя способности. Мы находимъ ихъ у высшихъ животныхъ.

Возьмемъ дикаря, что намъ позволитъ скорѣе покончить съ этими болѣе ранними ступенями эволюціи. Мы находимъ, что въ немъ медленно устанавливаются понятія „Я" и „не-Я"; причемъ оба процесса совершаются одновременно.—„Не-Я" касается его, и „Я" это чувствуетъ; „не-Я" даетъ ему удовольствіе, пріятныя ощущенія и „Я" это познаетъ; „не-Я" приноситъ ему страданія и „Я" терпитъ. Развивается различіе между чувствомъ, мыслящимъ какъ „Я",—и всякой его причиной, мыслящей какъ „не-Я". Здѣсь начало пониманія, здѣсь зарождается корень самосознанія, т. е., образуется нѣкоторый *центръ,* къ которому все стремится и отъ котораго все исходитъ.

Я говорю о повтореніи вибрацій, а теперь повтореніе творитъ результаты быстрѣе, чѣмъ прежде. Какъ только оно вызоветъ перцепцію дающихъ наслажденіе предметовъ, развивается слѣдующая ступень эволюціи—ожиданіе наслажденія еще до соприкосновенія. Мы узнаемъ тотъ предметъ, который давалъ намъ въ предыдущихъ случаяхъ пріятныя ощущенія, мы ожидаемъ ихъ повторенія и теперь это ожиданіе—расцвѣтъ памяти, начало воображенія, сплетеніе интеллекта съ желаніемъ. Такъ какъ данный моментъ далъ намъ наслажденіе, то мы опять ожидаемъ отъ него удовольствія. Такимъ образомъ ожиданіе вноситъ въ проявленіе другое зарождающееся качество—разсудокъ. Если мы распознаемъ предметъ и ждемъ отъ него удовольствія, то слѣдующая ступень состоитъ въ созданіи и оживотвореніи мысленнаго (интеллектуальнаго) образа этого предмета, памяти о немъ, и такимъ обра-

зомъ вырастаетъ желаніе обладать этимъ предметомъ, стремленіе къ нему, наконецъ исканіе его, источника пріятныхъ ощущеній. Такъ человѣкъ исполняется активными желаніями. Онъ желаетъ пріятныхъ ощущеній, и это заставляетъ его искать ихъ посредствомъ своего разсудка. Въ теченіе длиннаго времени онъ оставался на животной ступени, не желая искать никакого предмета, пока актуальное ощущеніе въ его внутреннемъ тѣлѣ не заставляло его нуждаться въ чемъ нибудь со стороны внѣшняго міра. Вернемся на мгновеніе къ животному міру. Подумайте, что побуждаетъ животное къ дѣйствію! Жажда избавиться отъ непріятнаго ощущенія. Оно чувствуетъ голодъ, оно желаетъ пищи, и отправляется ее искать; оно чувствуетъ жажду, ему хочется утолить ее, и оно ищетъ воду. Такимъ образомъ, оно всегда ищетъ только такого предмета, который можетъ удовлетворить его потребности. Дайте ему это удовлетвореніе, и оно будетъ спокойно. Побужденіе къ дѣйствію должно идти извнѣ. Правда, голодъ ощущается внутреннимъ тѣломъ, но онъ—внѣ центра сознанія. Эволюція сознанія можетъ быть выражена соотвѣтственнымъ преображеніемъ внѣшнихъ стимуловъ во внутренніе, самостные. Низшее сознаніе побуждается къ дѣйствію импульсами внѣшними, высшее—побужденіями, самопроизвольно рождающимися въ немъ самомъ.

Возвращаясь къ нашему дикарю, мы находимъ, что удовлетвореніе желаній есть законъ его прогресса. Какъ странно это звучитъ для многихъ изъ васъ!—Вѣдь Ману говоритъ: „стремленіе избавиться отъ желаній посредствомъ ихъ удовлетворенія, подобно тому, какъ если бы вы старались потушить огонь, подливая въ него масла. Надо ломать и сдерживать желаніе; надо истреблять ихъ до конца“. Это, конечно, вѣрно, но только, если человѣкъ уже достигъ извѣстной ступени эволюціи. На раннихъ ступеняхъ удовлетвореніе желаній есть ея законъ. Если человѣкъ не исполняетъ своихъ желаній --ему невозможно расти далѣе. Вы должны понять, что на этой ступени развитія еще не можетъ существовать того, что мы называемъ нравственностью. Здѣсь еще нѣтъ различія между добромъ и зломъ. На этой низшей ступени Дхарма дикаря или высшаго животнаго навязывается ему, у него нѣтъ выбора. Его внутренняя природа, главная, характерная черта которой—желаніе, требуетъ удовлетворенія. Удовлетвореніе желаній—вотъ законъ его роста. И такъ, Дхарма дикаря состоитъ въ исполненіи желаній, и вы не найдете въ немъ ни сознанія добра и зла, ни даже самаго слабаго намека на понятіе о томъ, что исполненіе желанія можетъ быть запрещено высшимъ Закономъ.

Безъ этого удовлетворенія—дальнѣйшій ростъ невозможенъ. Вѣдь ему должны предшествовать разсвѣтъ разума и сужденія и развитіе высшихъ способностей памяти и воображенія. Все это вырабатывается удовлетвореніемъ желаній. Опытъ—Законъ жизни, онъ же и Законъ роста. Пока человѣкъ не покажетъ достаточнаго запаса всякаго опыта—онъ не будетъ въ состояніи постичь, что онъ живетъ въ мірѣ Закона. У Закона два пути воздѣйствія на человѣка: удовольствіе отъ исполненія Закона и страданіе отъ противорѣчія ему. Если люди на этой ранней ступени развитія не соберутъ достаточнаго опыта, какъ узнаютъ они о существованіи Закона. Какъ можетъ расти различіе добра и зла, если люди не испытаютъ на опытѣ хорошаго и дурного? Вселенная можетъ реально существовать только благодаря парамъ противоположностей, а на извѣстной ступени онѣ сознаются лишь, какъ хорошее и дурное. Вы не знали бы свѣта безъ тьмы, движенія, если не было бы покоя, удовольствія безъ страданія; также вы не можете познать хорошее, т. е. гармонію съ Закономъ, безъ дурного, т. е. несогласія съ Закономъ. Хорошее и дурное—пара противоположностей въ дальнѣйшей эволюціи человѣка, и онъ не можетъ познать и различать ихъ, пока не испытаетъ ихъ на опытѣ.

Теперь мы приближаемся къ перелому въ эволюціи. Человѣкъ развилъ въ себѣ извѣстную силу различенія. Предоставьте его совершенно самому себѣ, и онъ со временемъ узнаетъ, что однѣ вещи помогаютъ ему, усиливаютъ его, улучшаютъ его жизнь; что другія—ослабляютъ его, ухудшаютъ его жизнь. Опытъ научитъ его этому. Предоставьте его только воспитанію опыта, и онъ познаетъ добро и зло, отожествитъ удовольствіе, дѣлающее его жизнь болѣе полною съ добромъ, а страданіе, сокращающее его жизнь—со зломъ, и такимъ образомъ выведетъ заключеніе, что всякое счастье, всякій ростъ зависитъ отъ повиновенія Закону. Но слишкомъ долго было бы для этого разсвѣтающаго сознанія накапливать опытъ наслажденія и страданія; накапливать также тотъ смутный опытъ, что злоупотребленіе удовольствіемъ приводитъ къ страданію и изъ всего этого вывести принципъ Закона. Прошло бы слишкомъ много времени, прежде чѣмъ человѣкъ свелъ бы въ одно безчисленныя данныя опыта и вывелъ изъ нихъ идею добра и зла: это явленіе хорошо, а то—дурно. Но ему помогаютъ сдѣлать этотъ выводъ. Къ нему, изъ тьмы прошедшихъ міровъ, нисходятъ болѣе высоко-развитые, чѣмъ онъ, Учители, которые являются, чтобы помочь ему въ его эволюціи, руководить его ростомъ, сказать ему о существованіи Закона, опредѣляющаго

то, что можетъ ускорить его эволюцію, увеличивая его счастье, сознательность и силу. Дѣйствительно, откровеніе изъ устъ Учителя ускоряетъ эволюцію. Не предоставляя человѣка медленному обученію опытомъ, откровеніе Закона устами высшихъ Существъ помогаетъ его росту.

Учитель приходитъ и говоритъ этому разсвѣтающему разуму: „Если ты убьешь этого человѣка, ты совершишь поступокъ, который я, божественной властью, запрещаю тебѣ. Этотъ поступокъ есть *зло*. Онъ принесетъ несчастье". Учитель говоритъ: „Помогать голодному есть *добро*; этотъ голодный человѣкъ—братъ твой; покорми его, не давай ему голодать; раздѣли съ нимъ то, что ты имѣешь. Этотъ поступокъ—есть *добро* и если ты будешь повиноваться этому Закону, тебѣ будетъ хорошо".—Награды за поступки указываются для того, дабы привлечь зарождающійся разумъ къ добру, а наказанія и угрозы, дабы предостеречь его отъ зла. Земное благосостояніе связано съ повиновеніемъ Закону, земное несчастіе слѣдуетъ за ослушаніемъ ему. Это возвѣщеніе Закона, что несчастіе слѣдуетъ за тѣмъ, что запрещаетъ Законъ, а счастье—за тѣмъ, что повелѣваетъ Законъ, это возвѣщеніе возбуждаетъ зарождающійся разумъ. Человѣкъ преступаетъ Законъ, наказаніе слѣдуетъ, онъ страдаетъ, и онъ говоритъ: „Учитель сказалъ мнѣ такъ". Воспоминаніе заповѣди, подтвержденной опытомъ, оставляетъ въ сознаніи гораздо болѣе сильное (скорѣй и сильнѣе) впечатлѣніе, чѣмъ одинъ опытъ безъ откровенія. Этимъ провозглашеніемъ того, что ученые называютъ основными принципами морали, а именно, что одинъ родъ дѣйствія замедляетъ эволюцію, а другой—ускоряетъ ее, этимъ провозглашеніемъ безгранично возбуждается разумъ.

Если человѣкъ не хочетъ повиноваться возвѣщенному Закону, тогда ему предстоитъ тяжелое обученіе опыта. Если онъ говоритъ: „Я хочу этого, хотя Законъ запрещаетъ", тогда ему предстоятъ суровые уроки горя, и бичъ страданія научитъ его тому, чему онъ не захотѣлъ научиться отъ устъ любви. Какъ часто это случается теперь! Какъ часто молодой человѣкъ, самодовольный и много-разсуждающій, не хочетъ слушать Закона, не хочетъ слушать опытныхъ людей, ни обращать вниманія на уроки прошлаго. Желаніе побѣждаетъ разумъ. Сердце отца его разрывается на части: „Сынъ мой погрязъ въ порокахъ", говоритъ онъ, „мой сынъ ходитъ во злѣ. Я училъ его поступать хорошо, но вотъ онъ сталъ лжецомъ; и сердце мое болитъ о сынѣ моемъ". Но Ишвара, Отецъ болѣе любящій, чѣмъ всякій земной отецъ, онъ терпѣливъ. Ибо Онъ въ

сынѣ такъ же, какъ и въ отцѣ. Онъ въ сынѣ и Онъ учитъ его тѣмъ единственнымъ способомъ, которымъ желаетъ учиться эта душа. Онъ не хотѣлъ учиться путемъ примѣра или авторитета. Но во всякомъ случаѣ это желаніе зла, останавливающее его эволюцію, должно быть искоренено въ немъ. Если онъ не хочетъ учиться кротостью, пусть онъ учится страданіемъ. Пусть опытъ научитъ его; пусть онъ погрязнетъ въ порокѣ, и пожинаетъ горькія муки, происходящія отъ попиранія Закона. Время есть; онъ выучитъ урокъ непремѣнно, хотя и съ болью. Богъ въ немъ и Онъ дозволяетъ ему идти этимъ путемъ; Онъ даже открываетъ этотъ путь, дабы онъ могъ идти по немъ. Когда юноша спрашиваетъ, Богъ отвѣчаетъ ему: „Дитя мое, если ты не хочешь слушать, иди своимъ собственнымъ путемъ и учи свой урокъ въ огнѣ страданія своего и въ горечи униженія своего. Я все еще съ тобою, Я наблюдаю за тобою и твоими поступками, Я—Исполнитель Закона и Отецъ твоей жизни. Въ грязи униженія ты познаешь отрѣшеніе отъ желанія, которое ты не захотѣлъ познать черезъ мудрость и любовь“. Вотъ почему онъ говоритъ въ Гитѣ: „Я игральныя кости обманщика“. Ибо Онъ всегда терпѣливо работаетъ для славнаго конца, заставляя насъ идти грубыми путями, если мы не хотимъ идти по гладкимъ дорогамъ. Мы не способны понять эту безконечность страданія, не понимаемъ Его, но Онъ работаетъ съ терпѣніемъ вѣчности для того, дабы желаніе было въ концѣ концовъ искоренено и дабы Сынъ Его былъ совершеннымъ, какъ совершененъ Его Отецъ, который на небесахъ.

Перейдемъ ко второй ступени. Есть нѣкоторые великіе Законы развитія, общіе для всѣхъ. Мы научились смотрѣть на одни вещи, какъ на добро, а на другія, какъ на зло. У каждаго народа есть свое собственное мѣрило нравственности. Лишь немногіе знаютъ, какъ образовалось это мѣрило и гдѣ недостатки его. Для обыкновенныхъ поступковъ это мѣрило достаточно хорошо. Опытъ народа, руководимый Закономъ, нашелъ, что извѣстныя дѣйствія задерживаютъ эволюцію, тогда какъ другія ускоряютъ ее. Великій Законъ правильной эволюціи, слѣдующей за болѣе ранними стадіями, есть Законъ четырехъ послѣдовательныхъ ступеней позднѣйшаго развитія человѣческаго. Это является послѣ того, какъ человѣкъ достигъ извѣстнаго пункта, послѣ того, какъ предварительное обученіе кончилось. Это узнаетъ каждый народъ при извѣстной стадіи развитія, но въ древней Индіи это было провозглашено, какъ опредѣленный Законъ развивающейся жизни, какъ послѣдовательный порядокъ роста души, какъ основной

принципъ, черезъ который можно постигнуть Дхарму и слѣдовать ей. Помните, что Дхарма содержитъ въ себѣ двѣ вещи—внутреннюю природу въ моментъ достиженія, и Законъ ея роста въ слѣдующей стадіи. Для каждаго человѣка должна быть извѣстная Дхарма. Первая Дхарма есть Дхарма *служенія.* Все равно, въ какой бы странѣ ни родилась душа, когда она прошла уже болѣе раннія стадіи, ея внутренняя природа требуетъ дисциплины—служенія, и она должна черезъ служеніе научиться качествамъ, необходимымъ для развитія въ слѣдующей стадіи. Въ этой стадіи сила самостоятельнаго дѣйствія весьма ограничена. Въ этой, сравнительно ранней, стадіи гораздо сильнѣе стремленіе подчиниться импульсу извнѣ, чѣмъ проявлять уже развитое сужденіе, выбирающее себѣ опредѣленное направленіе, исходящее извнутри. Въ этомъ разрядѣ—всѣ, кто принадлежитъ къ типу служащихъ. Вспомните эти мудрыя слова Бхишмы: „Если отличительныя черты Брамана всрѣчаются въ Судрѣ и не встрѣчаются въ Браманѣ, тогда значитъ Браманъ не есть Браманъ, и Судра не есть Судра".— Другими словами отличительныя черты внутренней природы указываютъ на стадію развитія души, отмѣчаютъ ея принадлежность къ тому или другому великому естественному подраздѣленію природы. Тамъ, гдѣ невелика сила посвященія, гдѣ не воспитано сужденіе, гдѣ разумъ бѣденъ и мало развитъ, гдѣ *Я* не сознаетъ своего высокаго назначенія, гдѣ оно, главнымъ образомъ, движимо желаніемъ, гдѣ оно все еще должно развиваться черезъ удовлетвореніе большинства, но не всѣхъ желаній, Дхарма такого человѣка есть служеніе. Только при исполненіи этой Дхармы онъ можетъ слѣдовать Закону развитія, черезъ который онъ достигаетъ совершенства. И такой человѣкъ всегда есть Судра, какимъ бы именемъ ни назывался онъ въ различныхъ странахъ. Въ древней Индіи души съ характерными чертами этого типа рождались въ классахъ, подходившихъ для нихъ, ибо Девы управляли ихъ рожденіями. Теперь же наступило смѣшеніе.

Какой Законъ развитія въ этой стадіи?—Повиновеніе, преданность, вѣрность. Вотъ въ чемъ Законъ развитія этой стадіи! Повиновеніе—потому что сужденіе не развито еще. Тотъ, чья Дхарма—служеніе, долженъ слѣпо повиноваться тому, кому онъ служитъ. Не его дѣло осуждать приказанія высшихъ, не ему разсуждать, мудро или нѣтъ то, что ему приказываютъ. Онъ получилъ приказаніе, и его Дхарма—повиноваться. Только такимъ путемъ онъ можетъ научиться. Люди сомнѣваются въ этомъ ученіи, но оно истинно. Я возьму примѣръ, который наиболѣе поразитъ

васъ, напримѣръ: армію и отдѣльнаго солдата подъ начальствомъ своего офицера. Если каждый отдѣльный солдатъ начнетъ примѣнять свое собственное сужденіе относительно приказаній, исходящихъ отъ генерала, самъ будетъ говорить: „Это нехорошо, потому что, по моему мнѣнію, вотъ мѣсто, гдѣ я буду наиболѣе полезенъ“, что станется тогда съ арміей? Солдата разстрѣляютъ, если онъ ослушается, ибо его долгъ есть повиновеніе. Когда ваше сужденіе слабо, когда вы, главнымъ образомъ, движимы импульсомъ извнѣ, если вы не можете быть счастливы безъ шума, треска и стука вокругъ васъ, то ваша Дхарма есть служеніе, гдѣ бы вы ни родились; и счастье ваше, если ваша Карма приведетъ васъ къ положенію, гдѣ дисциплина воспитаетъ васъ!

Итакъ, человѣкъ учится и готовится къ слѣдующей стадіи. И обязанность тѣхъ, кто находится въ положеніяхъ власти, помнить, что Дхарма Судры исполнена, когда онъ послушенъ и вѣренъ своему начальнику, и они не должны ждать отъ человѣка на этой ступени эволюціи проявленія высшихъ качествъ. Спрашивать съ него веселости въ страданіяхъ, чистоты въ мысляхъ и силы претерпѣвать притѣсненія безропотно, это спрашивать слишкомъ многаго. Вѣдь мы сами часто не проявляемъ этихъ качествъ, такъ какже можемъ мы требовать ихъ отъ тѣхъ, кого мы зовемъ низшими классами? Долгъ высшаго—проявлять высшія качества; но онъ не вправѣ требовать ихъ отъ тѣхъ, кто ниже его. Если слуга проявляетъ вѣрность и послушаніе—его Дхарма выполнена вполнѣ, и за другія ошибки его нельзя наказывать, но онъ кротко долженъ быть руководимъ учителемъ, который, дѣлая это, воспитываетъ тѣмъ самымъ эту молодую душу. Ибо дѣтская еще душа должна быть ласково направляема на пути и развитіе ея не должно быть остановлено грубымъ обращеніемъ, какъ мы по большей части это дѣлаемъ.

Далѣе душа, выучивъ этотъ урокъ въ теченіе многихъ жизней, повиновалась Закону роста и, слѣдуя своей Дхармѣ, приблизилась къ слѣдующей ступени, на которой она постигнетъ, *какъ* слѣдуетъ ей пользоваться силой, пріобрѣтая благосостояніе. И Дхарма этой души заключается въ эволюціи всѣхъ качествъ, уже подготовленныхъ теперь для развитія и проявленныхъ въ такой жизни, которой требуетъ внутренняя природа. Т. е. душа выполняетъ то, что отъ нея требуетъ ея слѣдующая ступень эволюціи, ступень, гдѣ пріобрѣтеніе благосостоянія является заслугой. Дхарма Ваишіа (гдѣ бы то ни было на бѣломъ свѣтѣ) состоитъ въ развитіи извѣстныхъ опредѣленныхъ способностей: онъ долженъ

обладать чувствомъ справедливости, понимать настоящее взаимное отношеніе людей (человѣка къ человѣку), не поступаться долгомъ передъ чувствомъ, вырабатывать въ себѣ осмотрительность и проницательность, сохранять должное равновѣсіе при столкновеніи различныхъ обязательствъ, образцово вести счета, обладать полнымъ безпристрастіемъ, щедростью, отсутствіемъ мотовства и расточительности, требовать отъ каждаго своего подчиненнаго точнаго исполненія обязательствъ и добросовѣстно оплачивать (только добросовѣстно) его трудъ: таковы характерныя черты, способствующія его дальнѣйшему росту. Ваишіи ставится въ заслугу быть щедрымъ, но въ то же время отказываться давать болѣе, чѣмъ это нужно, и вести точный счетъ въ дѣлахъ: все это формируетъ качества, которыя ему пригодятся и поведутъ его къ будущему совершенствованію. На низшихъ ступеняхъ эти качества являются иногда непріятными для человѣка, но съ высшей точки зрѣнія они составляютъ его Дхарму. Если же она не будетъ выполнена, то обнаружится слабость его характера, которая проявится позднѣе и станетъ помѣхой эволюціи. Щедрость на самомъ дѣлѣ является Закономъ его дальнѣйшаго роста, но она не должна выражаться въ потворствѣ и поблажкѣ.—Ваишіа долженъ собирать свое благосостояніе путемъ сочетанія щедрости и точности, а затѣмъ употребить его на благородныя дѣла, на пользу людямъ или посвятить его достойному общественному служенію. Энергично и умно накапливать, щедро и съ разумной заботливостью распредѣлять это накопленное—есть Дхарма Ваишіа, результатъ его природныхъ способностей и Законъ его послѣдующаго роста.

Это ведетъ насъ къ слѣдующей ступени, на которой стоятъ правители и воины, къ ступени борьбы и битвъ, гдѣ внутренняя природа является воинствующей, сражающейся, нападающей, стоящей на своемъ посту и готовой защитить каждаго въ правомъ дѣлѣ. Отвага, неустрашимость, великодушіе, готовность положить свою жизнь въ защиту слабаго, самоотреченіе отъ своихъ личныхъ привязанностей, все это—Дхарма Кшатріа. Его долгъ—защищать то, что ему поручено, оберегать отъ всякаго внѣшняго нападенія, даже если бы ему это стоило жизни. Онъ долженъ исполнять свой долгъ: защищать и охранять—это его дѣятельность. Сила его должна препятствовать насилію, одерживать верхъ надъ слабостью, она должна стать между беззащитнымъ и тѣмъ, кто его попираетъ. Кшатрію свойственно участвовать въ войнахъ и бороться съ дикими звѣрями. Вы поражаетесь ужасами войны только потому, что вы не понимаете, что такое эволюція, и въ

чемъ заключается Законъ роста. Но великіе Риши, которые создали касту Кшатріевъ (воиновъ), знали, что пока душа слаба, она не можетъ достичь совершенства. Вы не можете пріобрѣсти силу безъ отваги, а твердость и отвага не могутъ быть достигнуты безъ столкновенія съ опасностью и готовности положить свою жизнь, когда долгъ требуетъ самопожертвованія.

Наши сентиментальные слабо-нервные моралисты дрожатъ передъ такимъ ученіемъ. Но они забываютъ, что въ каждомъ народѣ есть души, нуждающіяся именно въ такомъ воспитаніи, и ихъ дальнѣйшая эволюція зависитъ отъ того, смогутъ ли онѣ его добиться. Я снова обращаюсь къ Бхишмѣ, воплощенію Дхармы, и вспоминаю его слова, что долгъ Кшатріа убивать его враговъ тысячами, если его призываетъ къ этому его обязанность, какъ защитника. Война ужасна, бойня отвратительна; она возмущаетъ наше сердце, и мы содрагаемся передъ мученіями изувѣченнаго и обезображеннаго тѣла. Но это, главнымъ образомъ, происходитъ отъ того, что насъ обманываетъ форма. Тѣло нужно намъ лишь для того, дабы въ немъ могла развиваться жизнь. Но какъ только душа познаетъ все, что это тѣло можетъ ей дать, оно должно быть отброшено, и душа должна освободиться, дабы взять себѣ новое тѣло, которое дало бы ей возможность проявить высшія способности. Мы не можемъ прорвать Майю Господа. Эти наши тѣла погибаютъ одно за другимъ, но каждая смерть есть воскресеніе къ высшей жизни. Само это тѣло ничто иное, какъ одежда, въ которую одѣвается душа, и ни одинъ разумный человѣкъ не могъ бы пожелать, чтобы оно было вѣчно. Вѣдь мы одѣваемъ нашихъ дѣтей въ маленькое платье и мѣняемъ его по мѣрѣ того, какъ ребенокъ растетъ. Не будемъ же мы дѣлать платье изъ желѣза и такимъ образомъ душить ростъ ребенка! Такъ тѣло есть наша одежда. Нужно ли ему быть изъ желѣза, чтобы никогда не погибнуть? Не нуждается-ли душа въ новомъ тѣлѣ для своего дальнѣйшаго и высшаго роста? Такъ пусть же это тѣло погибнетъ. Это тотъ тяжелый урокъ, который учитъ Кшатріа; онъ отбрасываетъ свою тѣлесную жизнь, но отбрасывая ее, его душа пріобрѣтаетъ способность самопожертвованія; онъ учится терпѣнію, силѣ душевной, мужеству, изобрѣтательности, служенію идеалу, преданности своему дѣлу и за все это онъ платитъ своимъ тѣломъ; тогда торжествующая безсмертная душа его возвышается и готовится къ новой благороднѣйшей жизни.

Тогда то наступаетъ послѣдняя ступень—ступень учительства. Дхарма этой ступени—есть учительство. Душа должна пройти

всѣ низшія испытанія, прежде чѣмъ она сможетъ учительствовать. Если бы она не прошла черезъ всѣ предыдущія ступени и не пріобрѣла мудрости черезъ послушаніе, усилія и борьбу, то какъ она могла бы быть учителемъ? Она достигла той ступени эволюціи, на которой естественнымъ проявленіемъ роста ея внутренней природы является учительство по отношенію къ ея болѣе невѣжественнымъ братьямъ. Эти свойства не искусственны. Они—врожденныя свойства души и проявляются всюду, гдѣ только они существуютъ. Браминъ—не Браминъ, если онъ не учитель по своей Дхармѣ.

Законъ его развитія—знаніе, благочестіе, всепрощеніе, ибо онъ другъ всего живущаго. Какъ измѣнилась Дхарма! Но онъ не могъ бы быть другомъ всего живущаго, если бы онъ не научился тдавать свою жизнь по призыву долга, и сами битвы воспитываютъ Кшатрію такъ, дабы на слѣдующей ступени развитія онъ сталъ другомъ всякой твари. Каковъ же еще Законъ развитія Брамина? Онъ не долженъ ни оскорбляться, ни терять самообладанія. Онъ никогда не долженъ ожесточаться. Онъ долженъ постоянно быть мягкимъ: иначе онъ уклоняется отъ своей Дхармы (грѣшитъ противъ нея). Онъ долженъ быть весь чистота. Онъ не долженъ вести развратной жизни. Онъ долженъ оторваться отъ дѣлъ міра сего, если они хоть сколько нибудь вліяютъ на него. Можетъ быть я выставляю недостижимый идеалъ? Но я только формулирую Законъ, данный великими Учителями; я лишь слабый отзвукъ ихъ словъ. Законъ уже низвелъ Идеалъ на землю, и кто осмѣлится еще болѣе понизить его? Если Шри-Кришна Самъ провозгласилъ это, какъ Дхарму Брамина, то это и должно быть Закономъ его развитія, а концомъ его развитія является освобожденіе. Передъ нимъ освобожденіе, но только, если онъ покажетъ тѣ качества, которыя должны были быть достигнуты имъ, и осуществитъ тотъ высокій идеалъ, который и есть его Дхарма. Въ этомъ единственное оправданіе имени Брамина.

Идеалъ этотъ такъ прекрасенъ, что всѣ глубоко мыслящіе люди желаютъ достигнуть его. Но здѣсь вступается мудрость и говоритъ: „Да, онъ будетъ вашимъ, но вы должны заслужить это. Вы должны развиваться, должны работать; конечно, онъ вашъ, но онъ только тогда будетъ вашимъ, когда вы за него заплатите его цѣну". Чрезвычайно важно, какъ для нашего собственнаго развитія, такъ и для развитія народовъ, понять, что это различіе въ Дхармахъ зависитъ отъ степени этого развитія. Это даетъ намъ возможность узнать нашу собственную Дхарму по

тѣмъ характеристичнымъ признакамъ, которые мы находимъ въ нашей собственной природѣ. Если мы поставимъ передъ неподготовленной еще душою слишкомъ высокій для нея идеалъ, такъ, что онъ не будетъ на нее дѣйствовать, то это только задержитъ ея развитіе. Если вы дадите мужику идеалъ Брамина, то вы дадите ему недостижимый, невозможный для него идеалъ, и въ результатѣ онъ ничего не будетъ дѣлать. Если вы скажете кому нибудь что либо слишкомъ для него высокое, то онъ подумаетъ, что вы говорите безсмыслицу, ибо рекомендуете ему дѣлать то, чего онъ не можетъ дѣлать. Глупо дѣйствовать на человѣка такими мотивами, которые ему ничего не говорятъ. Но мудры Учители древности. Они давали дѣтямъ сахарные пряники, а къ болѣе глубокимъ урокамъ приступали впослѣдствіи. Мы же такъ разумны, что хотимъ дѣйствовать на самаго низкаго грѣшника такими мотивами, которые понятны лишь для величайшихъ святыхъ, и этимъ не ускоряемъ, а замедляемъ его развитіе. Возвышайте вашъ собственный идеалъ, насколько это только возможно для васъ, но не навязывайте его вашему брату, Законъ развитія котораго, можетъ быть, совершенно отличенъ отъ вашего. Учитесь терпимости, которая помогаетъ каждому дѣлать то, что слѣдуетъ на его мѣстѣ, и соотвѣтствуетъ его природѣ. Помогайте ему, оставляя его на его мѣстѣ. Учитесь такой терпимости, которая никого не отвергаетъ, хотя бы величайшаго грѣшника, которая въ каждомъ человѣкѣ видитъ дѣятельное Божество и каждую минуту готова ему помочь. Развивая его юную душу, не возноситесь на высочайшія вершины духовности, не проповѣдуйте самопожертвованія, которое для него еще совершенно непонятно, но пользуйтесь его высшимъ эгоизмомъ, дабы этимъ самымъ уничтожить его низменные инстинкты, низшій эгоизмъ. Не говорите мужику, что своей лѣностью онъ грѣшитъ противъ идеала, но скажите ему: „Вотъ твоя жена, ты любишь ее, а она умираетъ съ голоду. Садись за работу и прокорми ее“. Такимъ мотивомъ, разумѣется очень еще эгоистичнымъ, вы его больше поднимете, чѣмъ всякими проповѣдями о Браманѣ, о безусловномъ и непроявленномъ. Научитесь понимать, что такое Дхарма и вы будете полезны міру.

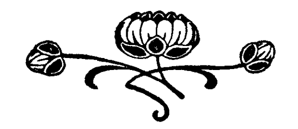
Я не хочу ни на іоту понизить вашъ идеалъ. Вы не можете стремиться къ слишкомъ высокому еще. Уже тотъ фактъ, что вы можете его понять, дѣлаетъ его вашимъ. Но онъ не можетъ быть идеаломъ вашихъ менѣе развитыхъ братьевъ. Стремитесь къ наивысшему, что, только вы можете мыслить и любить. Но въ вашемъ стремленіи соразмѣряйте цѣль, силы и идеалъ. Пусть ваши

порывы будутъ высоки: они зародыши вашихъ качествъ въ будущей жизни. Лишь высоко поднимая свой идеалъ, вы можете расти вверхъ, и къ чему вы стремитесь теперь, тѣмъ вы будете завтра. Но имѣйте терпимость знающаго и терпѣніе Божества. Каждый предметъ на своемъ мѣстѣ—находится на правильномъ мѣстѣ. Когда разовьется высшая природа, вы можете взывать къ самоотреченію, къ нравственной чистотѣ и къ высшему самоуглубленію, къ волѣ, крѣпко соединенной съ Божествомъ. Вотъ идеалъ, къ которому должны стремиться высшія натуры. Дайте намъ идти къ нему постепенно, иначе мы его вовсе не достигнемъ.

Пер. **Н. В. Пшенецкая.**

Москва.

(Продолженіе слѣдуетъ).

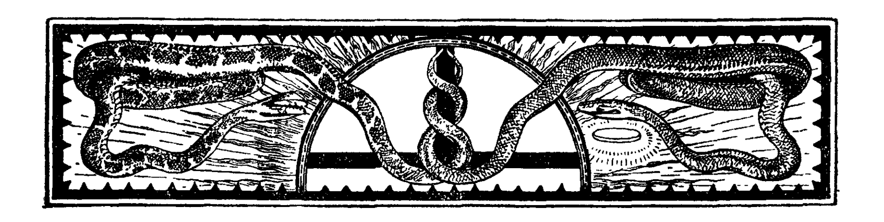

Оселъ, нагруженный сандаловымъ деревомъ, ощущаетъ одну только тяжесть, а не благовонное дерево. Точно также несетъ одну лишь поклажу тотъ, кто, изучивъ Священныя книги, не позналъ истинную ихъ сущность и силу.

Наблюдать за собой, давать, сочувствовать—вотъ три правила, исполненіе которыхъ необходимо.

Единственно вѣрное средство освобожденія—духовное познаніе; безъ него освобожденіе немыслимо, такъ же какъ немыслимо изжарить рыбу безъ огня.

(Изреченія изъ „Упанишадъ").

Бхагавадъ-Гита.

*(Продолженіе *).*

Пѣснь III.

1.

Арджуна сказалъ:

Если ты думаешь, что познаніе выше дѣйствія, о Джанардана [1]), отчего побуждаешь ты меня къ такому ужасному дѣлу?

2.

Запутанной рѣчью ты смущаешь мое пониманіе и потому, рѣшивъ, повѣдай, какимъ образомъ могу я достигнуть блаженства.

3.

Благословенный молвилъ:

На этомъ свѣтѣ есть двоякій путь, какъ мною было сказано и ранѣе, о, безгрѣшный: единеніе Санкія черезъ познаніе [2]) и единеніе Іоги черезъ дѣйствіе.

4.

Человѣку не достичь свободы бездѣйствіемъ и совершенства—отреченіемъ.

5.

Никто даже на одинъ мигъ не можетъ остаться истинно-бездѣйствующимъ, ибо всѣхъ безпомощно влекутъ къ дѣйствію качества, природой рожденныя.

---

*) См. „Вѣстникъ Теософіи" 1910 г. № 1.

1) Джанардана—эпитетъ Кришны, означающій: Тревожащій людей.

2) Путь отвлеченной философіи школы Веданты Санкія.

6.

Человѣкъ, умомъ овладѣвшій своими органами чувствъ, но помышляющій о предметахъ чувствъ, человѣкъ съ такимъ помутившимся разумомъ и смущенной душой, называется двуличнымъ.

7.

Но тотъ, кто мыслью овладѣлъ своими чувствами и свободно [1]) совершаетъ Карму-Іогу [2]) дѣйствіемъ, тотъ достоинъ почитанія.

8.

Выполняй же праведныя дѣйствія, ибо дѣятельность лучше бездѣйствія; при бездѣйствіи невозможно поддержать даже собственнаго тѣла.

9.

Міръ скованъ всѣми дѣйствіями, кромѣ совершенныхъ ради жертвы; ради жертвы свободно и ты выполняй свои дѣйствія, о сынъ Кунти!

10.

Въ началѣ актомъ жертвы были созданы люди, и Господь [3]) сказалъ: „Жертвой размножайтесь; да будетъ она источникомъ желаній".

11.

Ею питайте Свѣтозарныхъ и да питаютъ Они Васъ! Питая другъ друга, вы достигнете высшаго блага.

12.

Питаемые жертвой, Лучезарные ниспошлютъ вамъ желанное. Воистину тотъ воръ, кто на дары не отвѣчаетъ дарами.

---

[1]) Т. е. безъ привязанности къ плодамъ дѣятельности, съ полнымъ отреченіемъ.

[2]) Карма-Іога это жертвоприношеніе физической энергіи на Божественный алтарь, преображеніе всей дѣятельности въ одинъ актъ служенія, повиновеніе закону и Богу.

[3]) Буквально: Господь Эманаціи.

13.

Праведный, питающійся остатками отъ жертвъ [1]), освобождается отъ грѣховъ; тѣ же, которые заботятся о пищѣ исключительно для себя, питаются грѣхомъ.

14.

Отъ пищи созидаются твари; отъ дождя происходитъ пища; дождь возникаетъ отъ жертвы; жертва рождается отъ дѣйствія.

15.

Знай, что отъ Брахмы [2]) происходитъ дѣйствіе, а Брахманъ [3])—отъ Вѣчнаго. Потому вездѣсущій Брахманъ вѣчно пребываетъ въ жертвѣ.

16.

Тотъ, кто здѣсь не слѣдуетъ вращенію колеса, живя въ грѣхѣ и наслаждаясь чувственно, тотъ живетъ напрасно, о Партха!

17.

Но тому, кто обрѣлъ радость въ Я, удовлетворенъ Я (Самимъ)[4]) и счастливъ лишь въ Я (Самомъ), тому ничего не остается совершить.

18.

Его не касаются больше дѣла, совершенныя или не совершенныя здѣсь, и помыслы его не зависятъ отъ твореній.

19.

И потому непрестанно, безъ привязанности, совершай должныя дѣйствія. Воистину, свободно совершая дѣйствія, человѣкъ достигаетъ Всевышняго.

---

[1]) Т. е. тотъ, кто трудится во имя всѣхъ и не думаетъ о себѣ, заботится о другихъ и довольствуется тѣмъ, что ему остается послѣ всѣхъ.

[2]) и [3]) Брахма—1 лицо Индусской Троицы (Trimurti). Брахманъ—проявившійся Богъ.

[4]) Буквально: Само, т. е. истинная, Божественная Суть человѣка, его Высшее Я.

20.

Дѣятельностью достигъ Джанака воистину совершенства раньше другихъ. Дѣйствуй и ты такъ во имя блага міра.

21.

То, что дѣлаетъ совершенный, то дѣлаютъ и другіе; данному примѣру слѣдуетъ народъ.

22.

Въ трехъ мірахъ, о Партха, нѣтъ ничего, что бы мнѣ подлежало совершить или что Мною не было бы достигнуто; а между тѣмъ, Я пребываю въ дѣйствіи.

23.

Ибо если бы я не пребывалъ неустанно въ дѣйствіи, о Партха, то люди всюду послѣдовали бы моему примѣру.

24.

Міръ былъ бы разрушенъ, если бы я не совершалъ дѣйствій; я сталъ бы причиной смѣшенія кастъ и виной гибели народа.

25.

Отъ привязанности къ дѣйствію дѣйствуетъ немудрый, о Бхарата; мудрый же долженъ дѣйствовать безкорыстно ради блага міра.

26.

Мудрый не долженъ смущать невѣждъ, привязанныхъ къ дѣйствію, но слившись со Мною, да совершаетъ онъ благозвучно всѣ дѣйствія свои, внушая и другимъ любовь къ дѣятельности.

27.

Всѣ дѣйствія всегда совершаются тремя свойствами природы [1]). Обольщенный себялюбіемъ, (само) Я думаетъ: „Я совершаю".

---

[1]) Это три Гуны (gunas): tamas—инерція; rajas—страстнос;ть Sattwa—гармонія.

28.

Но тотъ, о могущественный, кто знаетъ сущность соотношеній качествъ и дѣйствій, и помнитъ, что „качества пребываютъ въ свойствахъ“, тотъ свободенъ.

29.

Обманутые свойствами природы, люди привязаны къ дѣйствію этихъ свойствъ. Человѣкъ совершеннаго знанія не долженъ смущать тѣхъ, чье знаніе еще несовершенно.

30.

Предоставивъ всѣ дѣйствія Мнѣ, устремивъ свои мысли на Высшее Я, свободный отъ вожделѣній и себялюбія, исцѣлившись отъ душевной горячки, сражайся, Арджуна!

31.

Тѣ, которые неизмѣнно слѣдуютъ Моему ученію, исполненные вѣры и свободные отъ лукавства, тѣ также освобождаются отъ дѣяній.

32.

Знай, что безумные, которые, хуля Мое ученіе, не слѣдуютъ ему, лишены всякаго познанія и обречены на погибель.

33.

Даже мудрый человѣкъ поступаетъ согласно своей природѣ; всѣ существа слѣдуютъ законамъ природы. Къ чему же насиліе?

34.

Влеченіе и отвращеніе [1]) къ чувственнымъ предметамъ коренятся въ чувствахъ; не поддавайся имъ; воистину они препятствія на пути [2]).

---

[1]) Человѣкъ, постигшій Божественную Суть, не испытываетъ больше страшнаго влеченія и отвращенія къ предметамъ, ибо эти волнующія чувства не совмѣстимы съ знаніемъ Сути.

[2]) Личныя эмоціи являются препятствіями на пути, потому что отвлекаютъ въ свою пользу часть энергіи, которая вся должна быть направлена на помощь міру.

35.

Собственная дхарма, даже самая скромная, лучше хорошо исполненной дхармы чужой. Лучше умереть исполняя свою дхарму; чужая дхарма полна опасности.

36.

Арджунâ сказалъ:

Но что толкаетъ человѣка противъ воли къ грѣху, о Варшнея? [1]) Воистину, его какъ бы толкаетъ къ нему невѣдомая сила.

34.

Благословенный сказалъ:

„Это желаніе, это гнѣвъ, рожденные отъ движенія; познай въ немъ нашего ненасытнаго, опаснѣйшаго врага на землѣ.

38.

Подобно пламени, облеченному дымомъ, подобно зеркалу, покрытому пылью, или зародышу, завернутому въ плеву, такъ имъ облечено „Это".

39.

Мудрость окутана этимъ непрестаннымъ врагомъ мудраго въ образѣ ненасытнаго, какъ пламя, желанія.

40.

Оно именуется обителью чувствъ, ума и чистаго разума [2]); окутывая ими мудрость [3]), оно смущаетъ воплощеннаго.

41.

И потому, овладѣвъ чувствами, о лучшій изъ Бхарата, убей это порожденіе грѣха, врага знанія и мудрости.

---

[1]) Имя рода, къ которому принадлежитъ Кришна.

[2]) т. е. высшаго разума въ отличіе отъ конкретнаго малаго разума.

[3]) мудрость, budhi, духовное начало.

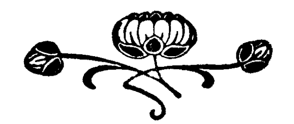
42.

Сказано, что чувства велики; выше чувствъ—умъ; выше ума—чистый разумъ; выше чистаго разума—Онъ [1]).

43.

Постигнувъ, что Онъ выше разума, овладѣвъ своимъ „я" черезъ „Я" [2]), о могучій, убей врага въ образѣ трудно-преодолимаго желанія".

Такъ гласитъ третья бесѣда славной Бхагаватъ—Гиты, именуемая **Іогой дѣйствія.**

Одно лишь размышленіе можетъ привести къ истинному духовному познанію. Одинъ лишь свѣтъ обнаруживаетъ существованіе вещей.

Какъ не поддерживаемый топливомъ огонь тухнетъ, такъ изсякаетъ и источникъ всякой мысли, если онъ не питается.

Духовный свѣтъ лишь неполностью освѣщаетъ ничтожную вещь, отуманенную боязнью міра, гордостью знанія и любовью къ жизни.

Можно выпить океанъ до послѣдней капли; можно до основанія срыть гору Меру; можно глотать огонь. Но, о Всеблагій, труднѣе всего этого пріобрѣсти власть надъ своимъ разумомъ.

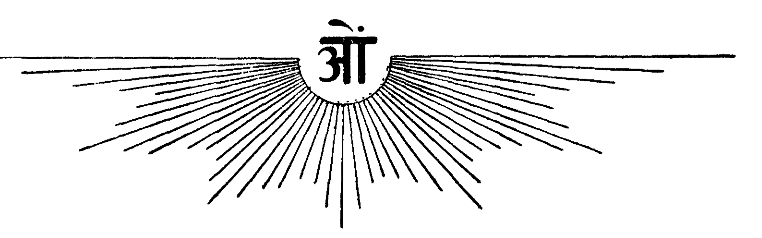
Одно лишь знаніе разсѣиваетъ невѣдѣніе, какъ свѣтъ разсѣиваетъ тьму.

(Изреченія изъ „Упанишадъ").

---

1) Онъ--Духъ, т. е. Божественная Суть.

2) „я"—временная личность человѣка; „Я" его безсмертная индивидуальность. Также „я" человѣка и Божественное „Я" вселенной.

Радость и страданіе *).

М. Коллинзъ.

Глава I.

Вся наша жизнь, въ ея теперешней формѣ, состоитъ изъ радостей и страданій, и мы не можемъ даже представить себѣ состоянія, когда бы сознаніе наше дѣйствовало внѣ этихъ противоположныхъ ощущеній души; не только вся наша здѣшняя жизнь состоитъ изъ нихъ, но они же являются тѣми Златыми Вратами, которыя открываютъ намъ доступъ въ потустороннюю жизнь. Черезъ нихъ проходитъ тропа, ведущая къ безконечной силѣ, къ абсолютному знанію, къ совершенной любви. Когда человѣкъ достигъ крайняго предѣла въ наслажденіи и страданіи и научился познавать ихъ тождественность, тогда врата готовы раскрыться передъ нимъ. Первыя семь правилъ „Свѣта на Пути" касаются исключительно той части ощущеній, которую мы зовемъ страданіемъ, но это не страданіе обыкновеннаго человѣка, это страданіе оккультиста. Обыкновенный человѣкъ страдаетъ исключительно за себя или за тѣхъ, которые ему наиболѣе близки и

*) Эта небольшая книжка М. Коллинзъ, состоящая изъ четырехъ главъ, служитъ комментаріемъ къ оккультному трактату „Свѣтъ на Пути", вышедшему въ русскомъ переводѣ въ 1905 г. (изданіе Посредника). Комментаріи эти относятся, главнымъ образомъ, къ первымъ четыремъ изреченіямъ, которыя мы и приводимъ для читателей, незнакомыхъ съ самой книгой „Свѣтъ на Пути":

„Прежде чѣмъ очи увидятъ, они должны быть недоступны слезамъ.

„Прежде, чѣмъ ухо услышитъ, оно должно утратить свою чувствительность.

„Прежде, чѣмъ голосъ можетъ заговорить въ присутствіи Учителей, онъ долженъ утратить способность наносить боль.

„Прежде, чѣмъ душа можетъ предстать передъ Учителемъ, стопы ея должны быть омыты кровью сердца.

Прим. редакціи.

дороги, оккультистъ страдаетъ за весь міръ и со всѣмъ міромъ. Стонъ міра не перестаетъ раздаваться въ его ушахъ. И пока онъ не опустится до глубочайшей преисподней бѣдствій, раздирающихъ этотъ міръ, пока онъ не распнетъ себя вмѣстѣ съ замученными и угнетенными, до тѣхъ поръ стоны его души не могутъ „быть омыты кровью сердца". Наступаетъ минута, когда самая жизнь изолированной личности какъ бы разрываетъ свои оковы и становится безпредѣльной въ своемъ состраданіи; и хлынетъ тогда кровь сердца и устремится въ глубину вмѣстѣ съ кровью замученныхъ жертвъ міра сего. Но прежде, нежели этотъ часъ наступитъ, ученикъ долженъ утратить безъ слѣда способность скорбѣть о своихъ собственныхъ бѣдахъ, и такимъ образомъ его очи становятся дѣйствительно недоступны для слезъ. Ибо тотъ, передъ кѣмъ раскрылась вся бездна страданій, въ которую міръ погруженъ, тотъ не найдетъ облегченія въ слезахъ, даже и при потерѣ собственнаго ребенка или при видѣ страданія своихъ близкихъ. Слезы слишкомъ тривіальны, чтобы приносить ихъ на тотъ страшный алтарь, гдѣ ежечасно приносятся жертвы эгоизма, жестокости и жадности слѣпого человѣчества. Спасители міра проходятъ съ сухими очами черезъ мрачныя мѣста человѣческаго безумія, поглощенные созерцаніемъ безжалостной власти страданія, возсѣдающей, подобно богинѣ возмездія, на тронѣ міра сего. Собственное горе спасителя, его потери или страданія, лишь капли въ великомъ океанѣ скорби, и онъ знаетъ, что слезы лишь для тѣхъ, кто все еще отдѣляетъ себя отъ цѣлаго и возстаетъ противъ судьбы, постигающей его. Личное горе—принадлежность человѣка, пока онъ еще не повернулъ къ духовному свѣту. Онъ стонетъ подобно раненому животному, которое возстаетъ противъ страданія, какъ противъ несправедливости. Въ началѣ великаго урока жизни мы смотримъ на оба ощущенія—наслажденіе и страданіе, какъ на двѣ совершенно различныя вещи, какъ смотритъ на нихъ животное. Утеря этого чувства по отношенію нашего личнаго я отмѣчаетъ первые шаги на великомъ Пути. Вотъ почему, для отверзтыхъ очей уже нѣтъ болѣе слезъ. Вотъ почему, когда божественный призывъ коснется уха, оно утрачиваетъ свою чувствительность, — не чуткость свою къ звукамъ жизни, а свою чувствительность къ личному страданію. Оно болѣе не внимаетъ обиднымъ выраженіямъ, жестокимъ словамъ, злобнымъ насмѣшкамъ, направленнымъ противъ его личности, его собственной индивидуальной жизни. Эти вещи утратили для него всякое значеніе и ухо не передастъ болѣе ни единой ноты страданія вни-

мающему внутри духу. Оно имѣетъ иную задачу, которая возникаетъ, когда порвутся оковы личности,—повторять душѣ звучаніе голосовъ *Цѣлаго*, и не только божественный шопотъ небесъ, но и крики земли и голоса изъ ада. Все это доносится до слуха лишь тогда, когда ухо утратило свою собственную чувствительность. И всѣ эти звуки достигаютъ уха нераздѣльно, сливаясь вмѣстѣ, иногда заглушая другъ друга. Это неизбѣжно, пока человѣкъ все еще человѣкъ. И никогда не забывайте, что всѣ голоса имѣютъ одинаковое значеніе. Лишь вкусивъ *весь* опытъ земли, до послѣдняго предѣла, можемъ мы перейти въ рай. Пребывающему въ небесныхъ видѣніяхъ и утерявшему смыслъ земной жизни придется въ другой разъ пройти тяжелую школу, чтобы, такимъ образомъ, расплатиться за дни, проведенные въ мечтахъ. Поэтому, хотя ухо и должно утратить чувствительность, но оно должно сохранить способность слышать. Эта способность должна развиться, расшириться, усилиться, подобно всему, что составляетъ принадлежность орудія духа этого храма божественности. То же относится и къ голосу. Ранѣе, нежели духъ въ состояніи будетъ провозглашать истину и пробуждая души, призывать ихъ къ жизни, голосъ человѣка долженъ стать неспособнымъ произнести что-либо грубое или жестокое, задѣть чью либо личность, обидѣть кого нибудь. Когда зрѣніе, слухъ и рѣчь очистятся отъ грѣха обособленности, душа можетъ подняться до того источника безконечнаго милосердія, которое названо „кровью сердца". Многіе, искренно стремящіеся итти по великому Пути, сбиваются съ него потому, что не могутъ понять, что значитъ „потерять всякое чувство обособленности". Они воображаютъ, что это — опытъ души лишь въ области внутреннихъ переживаній, что онъ происходитъ лишь въ состояніи душевнаго экстаза. Несомнѣнно, что въ экстазѣ человѣкъ теряетъ свою обособленность, но если это реальный фактъ, а не одна лишь мечта, результаты его проявятся въ измѣненіи всей жизни человѣка. Эта перемѣна не носитъ на себѣ никакихъ рѣзкихъ признаковъ, она происходитъ такъ естественно, что никого не удивляетъ. Ибо она не есть результатъ размышленія или принятаго рѣшенія; она порождается убѣжденіемъ и знаніемъ. Истинный оккультистъ инстинктивно чувствуетъ, что живетъ *съ* цѣлымъ и *для* цѣлаго съ того момента, какъ онъ впервые позналъ божественный воздухъ свободной жизни. Онъ можетъ быть несвѣдущимъ новичкомъ, когда эта заря высшаго разумѣнія впервые засвѣтится передъ нимъ; но онъ преодолѣетъ всѣ препятствія, поборетъ всѣ трудности на этомъ пути. Это

неизбѣжно, ибо онъ началъ расти и онъ долженъ безошибочно тянуться къ свѣту, какъ ростокъ, выходящій изъ земли. И все же есть много преданныхъ учениковъ, много учителей великихъ истинъ, много серьезныхъ и благородныхъ душъ, внутри которыхъ живетъ источникъ зла, живетъ и приноситъ плоды. Это зло есть личное я, желѣзный затворъ, преграждающій входъ во врата, чрезъ которыя должно пройти высшее Я, чтобы узкій горизонтъ своей собственной личной жизни замѣнить безграничнымъ просторомъ единой общей жизни. Это Чудо или Воскресеніе должно совершиться именно здѣсь въ водоворотѣ трудящагося, страждущаго и веселящагося міра. Ни одинъ оккультистъ не имѣетъ права стремиться вонъ изъ этого міра или удаляться отъ него, пока его жизнь еще продолжается. Ибо онъ и міръ—одно, также какъ онъ — одно со всѣмъ, что лежитъ *за* предѣлами міра, онъ есть часть цѣлаго и поэтому отвѣтственъ за все. Пока есть обида, которую надо загладить, несправедливость, которую слѣдуетъ уничтожить, пока есть страданіе и грѣхъ, все это представляетъ для него непрестанную работу, отъ которой онъ не имѣетъ права уклоняться. Ибо, кто бы онъ ни былъ, и какъ бы не было незначительно мѣсто его въ жизни, онъ долженъ помогать страждущимъ и спасать грѣшниковъ. Ибо онъ принадлежитъ къ арміи Любви и долженъ бороться противъ могучихъ и сплоченныхъ рядовъ Ненависти. Онъ не можетъ покинуть свой постъ; если онъ это сдѣлаетъ, онъ перестанетъ быть воиномъ, осѣненнымъ силою, „Борцомъ" своего высшаго Я, онъ станетъ отверженнымъ. Человѣческое „я" такъ сильно, что съ нимъ надо бороться непрестанно. Многіе, не понимающіе, что путь къ освобожденію отъ него проходитъ черезъ радости и страданія, борются напрасно. Великимъ натурамъ мѣшаетъ часто ихъ собственное величіе. Онѣ чувствуютъ въ себѣ болѣе высокія дарованія, чѣмъ у остальныхъ людей, и въ проявленіи ихъ онѣ находятъ все возрастающее довольство. Онѣ кажутся великими, но въ то же время внутри ихъ личное я растетъ такъ быстро и сильно, что оно способно подъ конецъ совсѣмъ заглушить и покорить божественную часть ихъ души. Ибо онѣ сдѣлали ошибку, живя въ радости своей собственной творческой работы и забывая, что горе и страданіе, какъ часть міровой земной жизни, составляютъ также и ихъ наслѣдіе. Онѣ должны жить среди этого страданія непрестанно, претворяя его зло въ добро, онѣ должны спуститься на самое дно человѣческихъ бѣдствій, страдая съ тѣми, которые погружены въ наиболѣе глубокій мракъ. Пока хотя одна ослѣпленная душа бьется

въ тенетахъ порока, пока существуетъ среди насъ безпросвѣтная бѣдность, пока наши законы ложны, односторонни и несправедливы, пока всѣ ужасы старой инквизиціи разрѣшены и совершаются въ нашихъ лабораторіяхъ,—для оккультиста есть довольно работы здѣсь, и когда наступитъ часъ его освобожденія, онъ долженъ сожалѣть, что оставляетъ такъ много невыполненнаго дѣла. Ибо онъ не можетъ отдѣлить себя отъ міра; не можетъ отдѣлить себя даже отъ послѣдняго животнаго, испускающаго крикъ страданія или страха. Его дѣло превратить это страданіе въ радость, этотъ страхъ въ довѣріе и, такимъ образомъ, уничтожить создавшее ихъ зло. Пусть оккультисты, стремящіеся къ божественной Мудрости, посвятятъ себя этому первому уроку и постигнутъ его въ совершенствѣ, иначе, на своемъ дальнѣйшемъ пути они встрѣтятся съ тяжкой необходимостью исправлять ложные шаги. Личное „я" убивается страданіемъ; уничтоженіе его не можетъ быть пріятной или легкой задачей. Но пріятнѣе и легче сдѣлать это, шагъ за шагомъ оттѣсняя его постоянно назадъ и набираясь силъ для этой борьбы въ постоянномъ сліяніи съ жизнью цѣлаго, чѣмъ встрѣтиться въ концѣ жизни съ гигантской „сорной травой", настолько заглушившей ростъ души, что она не можетъ ни видѣть, ни слышать, ни говорить, ни твердо стоять. Вмѣсто того, чтобы воспрянуть, богоподобно, въ присутствіи Учителей, душа окажется безпомощной, какъ младенецъ. Не забывайте, что дерево познается по плодамъ его. Вы можете познать себя и познать другихъ по степени эгоизма, проявляемаго въ повседневной жизни. Уничтоженіе эгоизма—великій шагъ впередъ, но онъ останется отрицательной величиной, пока не отверзнутся очи и не пробудится душа.

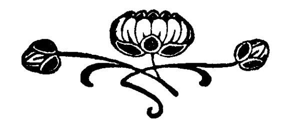
Безкорыстныя усилія труда, полныя энтузіазма,—вотъ первый признакъ оккультиста. И поэтому, хотя честолюбіе является первой опасностью, которую слѣдуетъ избѣгать, онъ долженъ работать для „цѣлаго" съ тѣмъ же рвеніемъ, съ какимъ честолюбецъ работаетъ для самого себя. И, хотя онъ и постигъ всю мимолетность этой жизни, онъ будетъ цѣнить жизнь цѣлаго такъ же высоко, какъ и цѣпляющійся за нее со всею страстью неутоленной жажды. Цѣнность жизни не подлежитъ опредѣленію, потому что именно она преподаетъ урокъ, который ничѣмъ не можетъ быть замѣненъ; и поэтому къ ней нельзя относиться слегка, будь то жизнь воробья или насѣкомаго. Если она должна быть пожертвована, жертва эта не должна приноситься легкомысленно. Ибо эта божественная и таинственная вещь—жизнь, которую отнять

мы можемъ, но возстановить не можемъ никакими силами, хотя бы это была жизнь ничтожнѣйшаго существа. Живите въ атмосферѣ вѣчной мысли и вы познаете какъ велика цѣнность каждаго существа, большого и малаго, и какъ велика цѣнность каждаго шага по пути, какъ бы малъ онъ ни былъ. Жизнь бабочки очень коротка, но все же это *жизнь*, а въ присутствіи вѣчной мысли время и его протяженіе—ничто.

Урокъ страданія встрѣчаетъ оккультиста на первомъ же шагу и онъ никогда не можетъ избѣжать его, не можетъ никуда уйти отъ него. Ибо онъ углубляется болѣе и болѣе въ знаніе и когда онъ изживетъ опытъ страданія и познанія для себя самого, онъ перейдетъ на ступень, гдѣ онъ будетъ страдать и познавать со всѣми и для всѣхъ. Онъ покидаетъ ограниченный опытъ своей собственной личности и выходитъ на обширную арену вселенской жизни. И здѣсь онъ найдетъ товарищей, найдетъ и наставниковъ. Онъ можетъ умолять Учителя войти въ его собственную тихую комнату, чтобы говорить съ его одинокой душой, но онъ будетъ просить тщетно, ибо въ обособленіи говоритъ лишь одинъ голосъ, единый, отъ котораго можно получить настоящее руководство; это голосъ его собственной души. Когда этотъ голосъ достаточно чистъ и силенъ, чтобы приказать ему выступить въ жизнь и работать для другихъ такъ, какъ онъ сталъ бы работать для себя самого, тогда въ больничныхъ палатахъ, въ трущобахъ нищеты, среди ужасовъ вивисекціи, придетъ день, когда онъ почувствуетъ, что его поддерживаетъ сильная рука, которая способна поддерживать слабыхъ съ бо́льшей силой, чѣмъ можетъ это сдѣлать онъ самъ. И въ часы крайняго самопожертвованія во имя гонимой идеи, въ часы напряженной битвы противъ злыхъ силъ тираніи и жестокости, онъ можетъ найти товарища на поприщѣ великаго усилія, ибо только чистыя души, познавшія свою божественность способны на безкорыстный подвигъ и героизмъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Пер. О. Былимъ-Колосовская

Іоанна д'Аркъ.

(Сонетъ).

Средь ужасовъ войны и дикаго разврата
На фонѣ сумрачномъ исторіи людской,
Ликъ чистой дѣвушки на поприщѣ солдата
Сіяетъ одинокъ, нетлѣнной красотой.

* * *

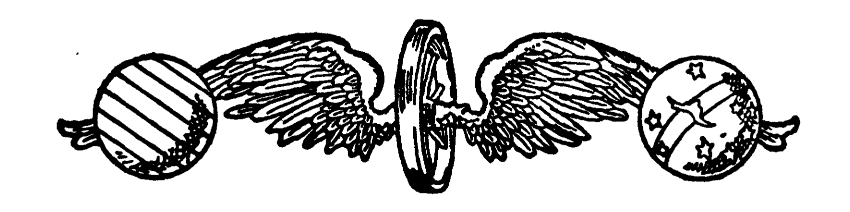
Въ пылу горячихъ битвъ сражая супостата,
Вѣнчая короля короной золотой,
Закована въ цѣпяхъ подъ сводомъ каземата
И въ пламени костра кончая путь земной,
Послушна голосу предвѣчнаго Отца
Простая, слабая пастушка Іоанна
Была великою и вѣрной до конца.

* * *

На жизненномъ пути не вѣдала обмана,
И удостоилась небеснаго вѣнца
Непобѣдимая „дѣвица Орлеана".

Б. Форнъ.

Обзоръ Теософической литературы.

Adyar Bulletin открывается Запиской Президента (Headquarters Notes). А. Безантъ вернулась послѣ своего кругосвѣтнаго путешествія въ Индію и пишетъ снова изъ Адіара. Среди новыхъ гостей главнаго Теософическаго центра можно назвать г. и г-жу Лео, г-жу Керръ и Mlle Bayer. На дняхъ пріѣзжаютъ г. Гарвей и г. Остерманъ. Въ настоящее время всѣ вновь выстроенные домики въ Садахъ Блаватской уже заняты и осталась во всемъ центрѣ одна свободная комната, которая съ будущаго мѣсяца также будетъ занята. Адіаръ становится центромъ большого притяженія для теософовъ и даетъ пріютъ большому числу членовъ-работниковъ, которые желаютъ въ Индіи почерпнуть новыя силы, новыя знанія и новое вдохновеніе для дальнѣйшей работы.

Статья О. „Цивилизація“ сопоставляетъ первобытное состояніе дикарей съ блестящей культурой XX вѣка и отмѣчаетъ тѣ черты варварства, которыя сказываются подъ утонченными нравами современности. Особенно авторъ останавливается на недостаткахъ политической системы, торговли и церковнаго начала.

Разсказъ Е. Е. „Во снѣ“ описываетъ глубокія переживанія души, побѣдившей эгоизмъ и ревность личной страсти пламенемъ чистой любви.

Статья Э. Лаудеръ „Я хочу вѣрить“ разсказываетъ исторію души, искренно искавшей лучшихъ путей, но долго непонимавшей значенія полнаго отреченія во имя всѣхъ.

К. Броунингъ описываетъ чаепитіе, происходившее у Индуса Наранія по случаю семейнаго торжества, на которомъ его сыну была дарована третья нить ожерелья Браминовъ.

Э. Вудъ, въ статьѣ „Методы ученія“, совѣтуетъ при изученіи той или иной книги прибѣгать къ схематическимъ таблицамъ и маленькимъ картограммамъ, при помощи которыхъ знанія легко

укладываются въ памяти въ стройной послѣдовательности. Авторъ иллюстрируетъ свою мысль нѣсколькими таблицами.

Рождественскій № Американскаго Вѣстника („The Theosophic Messenger") весь посвященъ Христіанству и вопросу о Второмъ Пришествіи. Много говорится объ ожиданіи, которое чувствуется въ человѣчествѣ, о приближеніи великаго событія и о рожденіи VI расы, которая проведетъ въ жизнь духовное начало, ибо въ ней родится тотъ мистическій Христосъ, о которомъ говоритъ Апостолъ Павелъ въ словахъ: „Дѣти мои... я снова въ мукахъ рожденія, доколѣ не изобразится въ васъ Христосъ". (Посл. къ Галатамъ, IV, 19).

При журналѣ снимокъ съ изваянія Христа, находящагося въ Парижской часовнѣ, воздвигнутой въ память погибшихъ отъ пожара при благотворительномъ базарѣ. Эта статуя (Христосъ лежитъ въ гробницѣ) поражаетъ красотой исполненія и глубокимъ миромъ и величіемъ, которыми дышитъ ликъ Спасителя.

Очень горячо написана статья Б. Вадія „Наша настоящая работа, какъ подготовленіе къ будущему", въ которой авторъ останавливается на наиболѣе важныхъ чертахъ душевнаго склада человѣка будущаго. Чувство единства и гармоніи будетъ основной нотой этого склада и потому намъ необходимо рости въ этомъ направленіи. Для этого особенно важно развитіе способности оцѣнивать положительное въ противоположность боевому настроенію современнаго человѣка, который все свое вниманіе направляетъ на анализъ и на критику формы и проходитъ мимо жизни, бьющейся подъ этой формой. Такое чисто отрицательное отношеніе къ явленіямъ порождаетъ пессимистическое настроеніе, постоянное недовольство и тревожное, нездоровое состояніе духа, которому надо научиться прежде всего видѣть и цѣнить прекрасное, а не волноваться несовершеннымъ и некрасивымъ. Живя красотой и въ красотѣ, духъ обрѣтаетъ истинную вѣру и истинную любовь; онъ постоянно формуетъ глину для высшаго типа человѣчества грядущаго.

„Revue Théosophique" (Lotus Bleu) даетъ рѣчь А. Безантъ о „Феноменахъ", статью Ч. Ледбитера „о значеніи среды" и статью редактора Д. Курмъ о новомъ орденѣ служенія: „На помощь страданію". Этотъ союзъ ставитъ себѣ цѣлью борьбу съ страданіемъ во всѣхъ его формахъ и духовную помощь скорбящимъ.

Въ своей статьѣ А. Безантъ ставитъ на свое мѣсто тѣ явленія, которыя мы относимъ къ области чудеснаго, и напоми-

наетъ намъ, что мы должны по отношенію къ нимъ сохранять свободный духъ изслѣдованія.

Статья Ледбитера „О значеніи среды“ была уже напечатана въ англійскомъ журналѣ и нами приведена въ одномъ изъ предыдущихъ №№ „Вѣстника“.

„Theosophist“ даетъ статью Волфъ-Мюрей: „Безуміе или религіозный опытъ“, въ которой авторъ разсказываетъ интересную и печальную исторію двухъ выдающихся психиковъ, которые были нѣсколько лѣтъ заперты въ сумашедшемъ домѣ, потому что ихъ видѣнія были приняты за опасныя галлюцинаціи, признаки помѣшательства.

Переведена статья Alba: „Теософія въ Россіи“.

Чрезвычайно интересны статья С. Спуржонъ-Медгэрстъ: „Китайскій Эзотеризмъ“ и статья У. ванъ Манепъ: „Лао Тсе и Гераклитъ“.

Въ первой статьѣ авторъ останавливается на древне-китайскомъ Зерцалѣ чистоты и отдохновенія (Classic of Purity and Rest), на древней книгѣ: „Скрытая сторона печати“ (Yin Fu King) и на знаменитомъ произведеніи Лао Тсе: „Тао Те Кингъ“ (Tao Teh King), изъ которыхъ въ „Вѣстникѣ“ будутъ приведены отрывки.

Во второй статьѣ авторъ проводитъ интересную параллель между жизнью и ученіемъ Лао-Тсе и греческаго философа Гераклита и указываетъ на поразительныя точки соприкосновенія древне-китайскаго и греческаго мудрецовъ, учившихъ оба о „высшемъ пути“ и о Богопознаніи.

Продолжается статья Ч. Ледбитера о Шестой расѣ, въ которой интересны мысли о воспитаніи будущихъ поколѣній. Въ школѣ будущаго, говоритъ авторъ, не будетъ дѣленія на классы; обученіе будетъ больше происходить въ читальняхъ, въ библіотекахъ и въ музеяхъ, чѣмъ въ классахъ. Уроки будутъ даваться на воздухѣ, подъ голубымъ небомъ, среди живой природы. Дѣти будутъ воспитываться индивидуально, въ зависимости отъ своихъ способностей и наклонностей. Въ этой школѣ будущаго, большую роль будутъ играть музыка, математика и символическіе танцы (культура ритма и красоты).

Въ біографическомъ отдѣлѣ дается жизнеописаніе секретаря Ново-Зеландской Секціи, доктора Сандерса, болѣе 20 лѣтъ работающаго на нивѣ Теософіи, піонера движенія въ Новой Зеландіи. При очеркѣ приложенъ портретъ этого выдающагося работника.

Снова появился Болгарскій журналъ „Путь (Путьтъ) въ

тебѣ“. Въ этомъ № стихотвореніе „Вѣрую“, Христофилье'а; статья „Доказательства Теософіи“, А. Безантъ; „Античная поэма“, Грозена; „Видѣніе“, А. Бѣлаго. При журналѣ два приложенія: „Эволюція жизни и формы“, А. Безантъ и Ея же: „Эзотерическое христіанство“.

— „Теософская Жизнь“, органъ Смоленскаго Христіанскаго Братства, появилась въ послѣдній разъ и прощается съ читателями. Заканчиваются статьи: „Индивидуализмъ и безсмертіе“, „Христіанская и нео-буддійская теософія“ и статья д-ра Штейнера: „Какъ достигается познаніе высшихъ міровъ“.

Прощаясь со своими читателями, редакція въ то же время открываетъ подписку на новый спиритуалистическій, религіозно-философскій журналъ: „Жизнь духа“. Въ программу его входятъ 1) изученіе религіозныхъ системъ, философій и наукъ; 2) изслѣдованіе необъяснимыхъ законовъ природы и скрытыхъ въ человѣкѣ силъ; 3) развитіе духовныхъ силъ въ человѣкѣ; 4) статьи по всѣмъ отраслямъ сокровенныхъ знаній; 5) біографіи и труды извѣстныхъ дѣятелей въ духовной области; 6) стихотворенія, разсказы, сообщенія; 7) библіографія и 8) почтовый ящикъ. Редакторъ-издатель В. Штальбергъ (г. Смоленскъ, Пушкинская, № 16). Программа несомнѣнно интересная.

Alba.

Разумъ это то, что лежитъ между бытіемъ и небытіемъ, между духомъ и матеріей, что колеблется между обоими.

Прозрачное масло, находящееся въ коровѣ, не способствуетъ ея п танію; но оно снабжаетъ наилучшимъ питаніемъ, будучи обработано надлежащимъ образомъ. Такъ же и высшее, лучезарное Я, пребывающее въ каждомъ существѣ, подобно прозрачному маслу, не приноситъ существенной пользы, пока не будетъ познано надлежащимъ образомъ черезъ посредство силы благоговѣйнаго поклоненія.

(Изреченія изъ „Упанишадъ“)

Хроника теософическаго движенія.

═ Теософическій съѣздъ въ Индіи назначенъ въ этомъ году въ Бенаресѣ. Во время съѣзда г. Бабу Бхагаванъ Дасъ *) прочтетъ рядъ лекцій „о Законахъ Ману въ свѣтѣ Теософіи“.

Предсѣдательствовать на съѣздѣ будетъ Президентъ, А. Безантъ, только что вернувшаяся въ Индію послѣ своего кругосвѣтнаго путешествія.

═ Г. Фрике, дѣятельный Голландскій піонеръ въ Южной Африкѣ, продолжаетъ читать лекціи по Теософіи въ Каптоднѣ. Ему удалось основать складъ теософическихъ изданій въ этомъ городѣ.

═ Въ образовавшуюся Южную Федерацію французскихъ теософическихъ центровъ вошли Марсель, Тулонъ, Ницца и Монако.

═ Въ Явѣ образовался теософическій Союзъ „Видія Поэстака“, имѣющій цѣлью собирать и популяризировать мистическія и гностическія Писанія Восточной Индіи.

═ Г. Томпсонъ предпринялъ турнэ по Новой Зеландіи и читаетъ рядъ лекцій въ теософическихъ центрахъ.

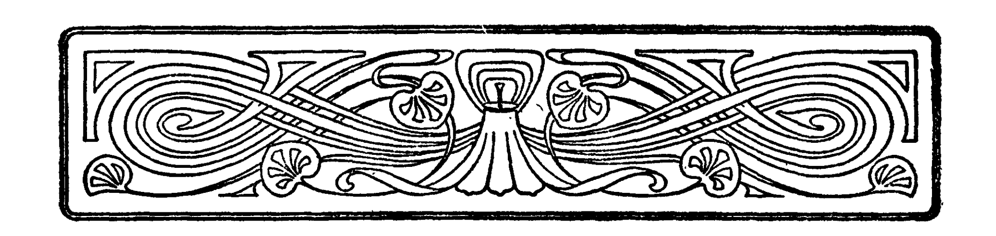
═ Въ Англіи группа артистовъ-теософовъ занялась постановкой лучшихъ произведеній драматической литературы, съ цѣлью устраивать безплатные спектакли въ бѣдныхъ частяхъ Лондона. Первая пьеса, поставленная теософами—„Король Лиръ“. Готовится къ постановкѣ: „Электра“.

═ Съ 2—16 января д-ръ Р. Штейнеръ читалъ курсъ лекцій въ Стокгольмѣ, на тему: „Евангеліе Св. Іоанна и его отношеніе къ остальнымъ 3-мъ Евангеліямъ“. Въ февралѣ, д-ръ Штейнеръ будетъ читать въ Кельнѣ, Элберфельд'ѣ, Бонн'ѣ, Дюссельдорф'ѣ и Кобленцѣ. Въ мартѣ, д-ръ Штейнеръ собирается читать въ Вѣнѣ, а въ маѣ—въ Гамбургѣ.

═ Предсѣдательница Р. Т. О-ва только что вернулась изъ своего турнэ. Она посѣтила Варшаву, Кіевъ, Полтаву и Ростовъ-на-Дону. Въ Кіевѣ и въ Ростовѣ состоялись публичныя лекціи на темы: „Основныя положенія Теософіи“ и „Развитіе психическихъ и духовныхъ силъ“.

---

*) Авторъ „Науки эмоцій“ и „Науки мира“.

Изъ газетъ и журналовъ.

— Въ „Новой Руси“ (№ 13) Иванъ Трегубовъ даетъ чрезвычайно интересное описаніе собранія „народныхъ трезвенниковъ“ въ статьѣ „Сила религіи“. Извѣстный проповѣдникъ „Братецъ Іоаннъ“ убѣдилъ уже свою паству въ необходимости соблюдать полную трезвость. На послѣднемъ собраніи онъ убѣждалъ своихъ слушателей отказаться отъ мяса, не въ силу экономическихъ причинъ, а исключительно изъ мотивовъ нравственныхъ. Онъ вызвалъ такое воодушевленіе своей проповѣдью, что тысячная толпа, какъ одинъ человѣкъ, единодушно кричала: „Отрекаемся отъ мяса, дорогой братецъ, отрекаемся отъ мяса, во вѣкъ не будемъ пить вина и ѣсть мяса“.

„Съ Новымъ годомъ и съ новымъ воздержаннымъ счастьемъ!“ воскликнулъ братецъ, а собраніе запѣло: „Слава въ вышнихъ Богу и на землѣ миръ! Многія лѣта! Многія лѣта“.

Говорятъ, что у „братца Іоанна“ около 50.000 послѣдователей. Авторъ статьи справедливо замѣчаетъ, что отказъ отъ мяса такой крупной части населенія Петербурга не можетъ не имѣть серьезныхъ послѣдствій въ жизни столицы и долженъ вызвать со стороны общества вдумчивое вниманіе.

— Въ „Рѣчи“ (№ 17) Sergius разбираетъ книгу В. Джемса „Религія и наука“. По его мнѣнію книга ярко доказываетъ несостоятельность самаго худшаго изъ суевѣрій, „научнаго суевѣрія“, смотрящаго на религію какъ на пережитокъ минувшей „ненаучной эпохи“. Съ другой стороны она даетъ цѣнныя указанія въ области психологіи религіозныхъ переживаній. Въ позитивистически настроенныхъ кругахъ принято думать, что прогрессъ опытнаго знанія со временемъ вытѣснитъ религію. Но что такое опытное знаніе? Почему опытъ слѣпого считается несовершеннымъ,

а опытъ лицъ, не имѣвшихъ во всю свою жизнь ни одного мистическаго или религіознаго переживанія, считается абсолютно совершеннымъ и точнымъ? Говорить о религіи имѣетъ право лишь тотъ, кто дѣйствительно имѣлъ религіозный опытъ, а не тотъ, кто по ограниченности своей психики оставался ему чуждъ. Джемсъ хочетъ для науки отвоевать новую область „Религіознаго опыта".

— Въ газетѣ „Россія" (№ 1271), въ статьѣ „Теософская теорія" разбирается статья Стэда „Три тѣла человѣка" (Review of reviews, декабрь), въ которой излагается теософическое ученіе о строеніи человѣка и о сферахъ его дѣятельности: міра физическаго (міра дѣяній), міра астральнаго (міра чувствъ) и міра ментальнаго (міра чистаго мышленія).

Всѣ эти экскурсіи современныхъ газетъ въ область сверхчувственную свидѣтельствуютъ о растущемъ въ обществѣ интересѣ къ вопросамъ теософіи вообще и въ частности къ Теософическому движенію.

Камфора не перестаетъ источать благоуханіе, куда бы ее ни положили. Весь вещественный міръ можетъ быть познанъ въ томъ, что называется всесознаніемъ.

Религія имѣетъ троякую опору: Жертву, Изученіе и Милосердіе.

Тѣло подобно городу, имѣющему девять вратъ, въ которомъ обитаетъ нераздѣльное, непреложное Сознаніе. Того, кто знаетъ это, никогда не достигнетъ горе, онъ дважды освобожденъ.

Познавая великое всеобъемлющее Я, черезъ которое познается все происходящее во снѣ и въ бдѣніи, мудрецъ никогда не поддается печали.

Какъ лицо полностью отражается въ чистомъ зеркалѣ, такъ и въ интеллектѣ искренно ищущаго отражается Духъ.

Глазъ не воспринимаетъ звука, ибо природа ихъ различна; матеріальный глазъ не можетъ видѣть духовное Я.

(Изреченія изъ „Упанишадъ").

Письма къ читателямъ.

«Всестороннее развитіе сознанія человѣка и его сліяніе съ природой должно длиться до тѣхъ поръ, пока руки его не будутъ въ состояніи соприкасаться съ звѣздами, глаза его не будутъ видѣть сквозь землю, уши его не будутъ понимать языкъ звѣрей и птицъ, и, благодаря развитію его способности сочувствія, небо и земля не будутъ бесѣдовать съ нимъ».

Эмерсонъ.

Говоря объ эволюціи земныхъ существъ, д-ръ Штейнеръ нарисовалъ такую картину: „Когда земля была окружена холодными туманами, настолько густыми, что солнечный свѣтъ не проникалъ сквозь ихъ покровъ и тьма стояла надъ землей, живыя существа плавали среди этихъ тумановъ, передвигаясь посредствомъ ластообразныхъ конечностей, дыша органами, сходными съ жабрами, и не имѣя еще глазъ. Но туманы эти не висѣли неподвижнымъ покровомъ, они передвигались, и тамъ, гдѣ они мѣстами разрѣжались и становились менѣе плотными, солнечные лучи согрѣвали ихъ; приближаясь къ этимъ мѣстамъ, плавающія существа съ ластообразными конечностями испытывали удовольствіе отъ соприкосновенія съ грѣющимъ дѣйствіемъ солнечныхъ лучей и надолго задерживались здѣсь. Въ нихъ пробуждалось внутреннее стремленіе сохранить это пріятное ощущеніе, познать его сущность, войти въ болѣе непосредственное общеніе съ этой сущностью, и это внутреннее стремленіе положило начало органамъ зрѣнія".

Картина эта даетъ ключъ къ эволюціи человѣческаго организма. Съ одной стороны, воздѣйствіе на организмъ извнѣ всѣхъ силъ природы, съ другой—внутри организма, въ невидимой лабораторіи духа—тяга воспринять дѣйствіе этихъ силъ, стать съ ними въ болѣе непосредственное соприкосновеніе, создать для этой цѣли проводники и развивать ихъ до тѣхъ поръ, пока искомое соприкосновеніе не достигнетъ возможной полноты. Усиліе чело-

вѣческаго духа *познать жизнь внѣ себя* создаетъ проводники, способные передавать ея разнообразныя вибраціи сознанію человѣка.

Вся эволюція организма состоитъ изъ растущаго взаимодѣйствія между объективнымъ міромъ и внутреннимъ и изъ постепеннаго расширенія поля этого взаимодѣйствія. Извнѣ—толчки, изнутри—отвѣтныя вибраціи, медленно творящія органы для воспріятія жизни извнѣ. Такъ создались физическіе органы чувствъ у человѣка, такъ же развивается и его психическая и духовная организація. Только въ первомъ случаѣ на человѣка дѣйствовали стихійныя силы природы, во второмъ—дѣйствуетъ вся совокупность психическихъ и духовныхъ вибрацій, которыя со всѣхъ сторонъ бьютъ на него, будя отвѣтныя вибраціи внутри его мозга, сердца и нервной системы, какъ сказалъ бы европеецъ, внутри его „астральнаго и ментальнаго организма", какъ скажетъ теософъ.

И здѣсь мы имѣемъ такое же взаимодѣйствіе, какъ и при построеніи физическаго организма. Безчисленныя воздѣйствія извнѣ всего культурнаго человѣчества и воздѣйствія, идущія изъ невидимыхъ міровъ, вызываютъ отвѣтныя вибраціи внутри человѣка, стремленіе стать въ болѣе полное общеніе съ ними. Вначалѣ удары извнѣ сильны, рѣзки и однообразны, какъ мы это видимъ въ жизни дикаря, но съ теченіемъ времени они все болѣе усложняются, дѣлаются все быстрѣе, разнообразнѣе, тоньше, и мы не можемъ даже вообразить, на нашемъ уровнѣ развитія, до какакихъ предѣловъ можетъ дойти растущая быстрота и тонкость доступныхъ для человѣка вибрацій жизни.

Съ того наблюдательнаго поста, который доступенъ намъ, распознаваніе смысла жизни отъ того такъ и затруднено, что передъ нами, на міровой сценѣ, сталкиваются, борятся и дѣйствуютъ люди, стоящіе на самыхъ разнообразныхъ ступеняхъ развитія, психическія и духовныя вибраціи которыхъ до того различны и часто такъ враждебны по самымъ свойствамъ своимъ, что ихъ столкновенія должны неизбѣжно порождать ту мучительную напряженность, сложность и неуравновѣшенность у дѣйствующихъ лицъ человѣческой драмы, которыя мы замѣчаемъ кругомъ. Безчисленные токи мыслеобразовъ, неустанно смѣняющіяся волны психической энергіи, въ которыхъ перемѣшаны всѣ элементы: и грубые, дикіе и злые, и смѣшные, и прекрасные, сливаются въ ту невидимую силу, которая бьетъ по внутреннему человѣку, какъ молотъ по наковальнѣ, и выковываетъ свойства, необходимыя для дѣятельной роли въ новыхъ условіяхъ наступающей ступени эволюціи.

Правда, молотъ бьетъ очень сильно и очень больно, но тотъ, кто умѣетъ проникать въ невидимое творчество жизни, знаетъ, что эти удары необходимы; въ міровомъ историческомъ процессѣ, такъ же какъ и въ исторіи отдѣльнаго народа и отдѣльнаго человѣка, одно и то же *не* повторяется: возможность измѣнить условія, которыя въ нашей власти сегодня, завтра замѣнится уже другимъ соотношеніемъ силъ, а между тѣмъ большинство и до сихъ поръ еще такъ инертно, такъ крѣпко держится за призракъ мягкаго ложа, на которомъ хочется поспать еще и еще, что не будь этого громко звучащаго молота, жизнь двигалась бы чрезмѣрно медленно и оказалась бы невыносимой для болѣе дѣятельнаго меньшинства.

Кстати о темпѣ жизни. Одинъ изъ самыхъ ясныхъ признаковъ внутренняго прогресса—сильное ускореніе темпа жизни. Мы уже не будемъ говорить о той исчезнувшей изъ нашего сознанія дали, когда развивался физическій организмъ человѣка, когда природа съ неистощимымъ терпѣніемъ помогала ему создавать физическіе органы чувствъ; здѣсь жизнь двигалась съ такой медленностью, которую намъ трудно даже и вообразить. Но если взять даже жизнь дикаря, обладавшаго уже вполнѣ развитымъ физическимъ организмомъ, она, *для нашего темпа*, протекала безконечно медленно, повторяя безчисленное число разъ все одни и тѣ же несложные уроки первобытной жизни. Съ появленіемъ общественнаго быта и государственнаго строя, съ воздѣйствіемъ всего разнообразія различныхъ культуръ, темпъ жизни все болѣе ускорялся, и мы знаемъ изъ эзотерическихъ ученій, что послѣднія ступени человѣческой эволюціи будутъ безконечно быстрѣе, и не только по сравненію съ ея началомъ, но и съ переживаемымъ нами срединнымъ цикломъ.

Медленность и быстрота темпа нашей эволюціи въ полной зависимости отъ того, который изъ полюсовъ сложной человѣческой природы преобладаетъ. Высшій полюсъ человѣка—его безсмертное божественное начало,—влечетъ человѣка впередъ и вверхъ къ совершенству. Низшій полюсъ—животно-личный является противодѣйствующей силой, которая въ постоянной борьбѣ съ высшимъ полюсомъ и тянетъ человѣка назадъ.

Въ результатѣ этой борьбы развивается человѣческая *индивидуальность*, которую на западѣ такъ часто смѣшиваютъ съ *личностью*, внося этимъ смѣшеніемъ большую путаницу какъ въ анализъ историческаго процесса, такъ и въ психологическія понятія европейца.

Кромѣ животнаго начала, общаго всѣмъ животнымъ организмамъ, и личнаго, которое можно ясно видѣть и у наиболѣе развитыхъ домашнихъ животныхъ, каждый человѣкъ владѣетъ высшимъ началомъ, котораго у животнаго нѣтъ. У дикаря оно—лишь въ зародышѣ, у высокоразвитаго человѣка выражается ясно въ его творчествѣ, у идеальнаго человѣка, приближающагося къ Богочеловѣчеству, сіяетъ уже ярко и всѣми своими свойствами говоритъ о безконечно болѣе широкомъ сознаніи, чѣмъ сознаніе ограниченной мѣстомъ и временемъ личности. Индивидуальное начало отличаетъ человѣка отъ всего животнаго царства; оно выражается двумя признаками: *самопознаніемъ* и *творчествомъ*.

Если мы возьмемъ самое развитое животное, способное къ дрессировкѣ и преданное своему хозяину, мы найдемъ въ немъ иногда ясно выраженныя личныя свойства, но индивидуальности, *сознающей свое я и способной къ творчеству,* мы въ немъ не найдемъ, какъ бы далеко въ глубь вѣковъ не обращалось наше разслѣдованіе. Самому умному слону нѣтъ никакого дѣла до судьбы и достоинства всей слоновой породы, для него не существуетъ историческаго процесса, который въ дѣйствительности ни что иное, какъ различные этапы развивающагося *самопознанія*; или, если мы возьмемъ собаку или лошадь и окружимъ ее на протяженіи любого періода—хотя бы то были тысячелѣтія—самыми прекрасными произведеніями искусства, ни въ собакѣ, ни въ лошади не разовьются художественныя свойства, но не вслѣдствіе недостаточно развитой нервной системы, а потому, что въ ихъ внутренней сути нѣтъ необходимаго для того условія. Животное обогащаетъ своимъ личнымъ опытомъ не себя, а общую душу того вида, къ которому принадлежитъ, изъ его опыта создаются инстинкты, полезные для всего вида; вотъ почему отдѣльное животное не отвѣтственно за свои дѣйствія и не способно къ индивидуальному творчеству. Лишь человѣкъ представляетъ собою *отдѣльный міръ*, сознающій свое *я* и набирающій опытъ для эволюціи этого я; онъ одинъ отвѣчаетъ за свои дѣйствія—„создаетъ свою карму", какъ выражаются на Востокѣ; онъ одинъ способенъ на индивидуальное творчество. У животнаго высшее начало—*личное*; у человѣка оно—низшее и умираетъ вмѣстѣ съ физическимъ организмомъ. Этимъ различіемъ между индивидуальнымъ и личнымъ началомъ слѣдуетъ овладѣть какъ можно лучше, потому что различіе это даетъ ключъ къ вѣрному анализу сложныхъ процессовъ внутри человѣческой души. Личное начало въ человѣкѣ стремится *къ самоутвержденію и къ обособленности*;

оно жадно претворяетъ въ себѣ все, что можетъ захватить для себя, оно—центростремительно. Орудіемъ его являются нервная система и мозгъ, выразителями—интеллектъ и личная любовь, которые кончаются вмѣстѣ съ личной жизнью человѣка. Высшее начало человѣка—стремиться *къ самопознанію и къ единенію;* оно расширяется не поглощеніемъ чужихъ жизней, а участіемъ въ нихъ, оно не захватываетъ, а отдаетъ себя, оно—центробѣжно. Орудіемъ его являются высшіе органы чувствъ *), которые еще въ зачаткѣ у большинства людей, а выразителемъ—совѣсть, интуиція и сверхличная любовь, которыя не угасаютъ со смертью личности, а служатъ нетлѣннымъ содержаніемъ безсмертной человѣческой души.

Да не подумаетъ читатель, что я хочу умалить значеніе личности. Чѣмъ ярче, талантливѣе и оригинальнѣе личность, тѣмъ сильнѣе ручательство, что и высшій полюсъ этой яркой личности разовьется въ большую индивидуальную величину. Личное начало необходимо какъ переходъ отъ животнаго полюса къ божественному, но нужно твердо помнить, *что есть нѣчто высшее, и къ этому высшему стремиться.* Питая и обоготворяя свою „личность", мы идемъ къ эгоизму, задерживаемся на низшей ступени, слѣдовательно мѣшаемъ истинному прогрессу. Обуздывая ее и заставляя служить высшему, мы дѣлаемъ изъ нея подножіе развивающагося внутри насъ Бога и содѣйствуемъ истинному прогрессу.

Какой же выводъ можно сдѣлать изъ этихъ бѣглыхъ указаній на внутреннюю эволюцію человѣка?

Съ европейской точки зрѣнія, не признающей перевоплощенія, познать истиннаго человѣка, или хотя бы отчасти разрѣшить темную загадку о человѣкѣ, невозможно. Оставаясь на этой точкѣ зрѣнія, мы всегда будемъ стоять передъ безмолвнымъ сфинксомъ, таинственно вперяющимъ въ насъ свой загадочный взоръ. Если бы онъ заговорилъ, мы услыхали бы отъ него приблизительно такія рѣчи: „Вы не понимаете человѣка потому, что смотрите на него, какъ на законченное существо, тогда какъ въ дѣйствительности онъ подлежитъ постоянной перемѣнѣ. Въ настоящемъ вы совсѣмъ не тѣ, что были въ прошломъ, и въ будущемъ вы будете совсѣмъ иными. Воплощенный человѣкъ—лишь часть безсмертной индивидуальности, которая есть и корень и центральная причина всей проявленной жизни. Облекаясь въ

*) Высшіе проводники человѣка, которые въ теософической литературѣ носятъ названіе астральнаго и ментальнаго, находятся еще въ періодѣ развитія.

многочисленныя воплощенія, переходя отъ существованія къ существованію, ваша безсмертная душа строила постепенно то тѣло, которымъ вы обладаете нынѣ, медленно развивала мозгъ и нервную систему, которыми вы пользуетесь какъ орудіемъ, чтобы собирать опытъ и соприкасаться съ мірами внѣ васъ. Цѣль вашего страдальческаго опыта — совершенное раскрытіе всѣхъ многочисленныхъ сторонъ вашего сознанія, полное выявленіе всей силы, красоты и величія, сокрытыхъ въ той частицѣ Жизни Бога, которой одаренъ каждый человѣкъ. Ваше прошлое—необозримо, и ваше будущее не имѣетъ предѣловъ, и правъ былъ вашъ философъ-поэтъ, когда говорилъ о человѣкѣ, „руки котораго будутъ соприкасаться съ звѣздами, который будетъ видѣть сквозь землю, понимать языкъ звѣрей и птицъ и отзываться на мысли неба и земли, когда послѣднія будутъ бесѣдовать съ нимъ".

Относительно внѣшней эволюціи, которая на Западѣ носитъ названіе историческаго процесса, рѣчь будетъ въ слѣдующемъ письмѣ.

Другъ читателя.

Какъ масло находится въ сѣмени кунжута; какъ масло находится въ кисломъ молокѣ; какъ вода находится въ водныхъ потокахъ; какъ огонь находится въ деревѣ, такъ и Я созерцается въ Я тѣмъ, кто стремится познать Его черезъ посредство всеобъемлющей любви и власти надъ тѣломъ и духомъ.

Въ воздухѣ не остается слѣда отъ пролетѣвшей птицы; въ водѣ не остается слѣда отъ проплывшей рыбы; такъ-же неисповѣдомы пути познавшаго Я.

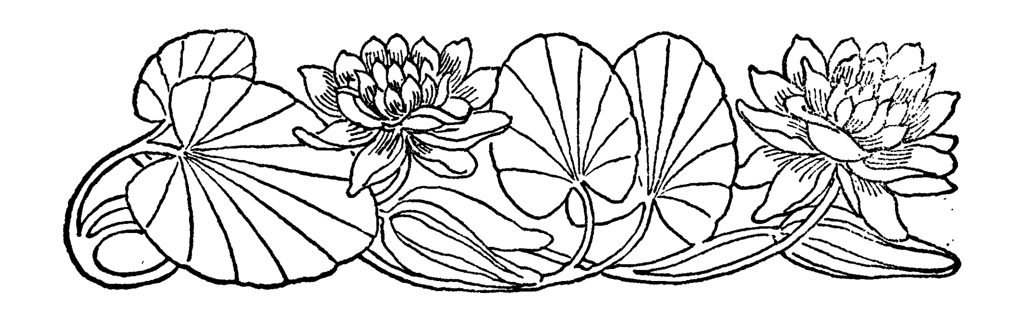
Кто постигнетъ Духовное Сознаніе, вознесется надъ смертью и пріобрѣтетъ безсмертіе.

Познаніе своего Я не нуждается ни въ какомъ другомъ знаніи; само Я есть совершенное знаніе; лампа не нуждается для горѣнія въ огнѣ другой лампы.

Единое вѣчно-лучезарное скрыто въ каждомъ существѣ. Оно проникаетъ каждую вещь и есть Внутреннее Я всего. Оно—свидѣтель всяческаго дѣянія, всеобъемлющее прибѣжище бытія, безстрастный зритель, всеобъемлющая мысль, единое, не имѣющее свойствъ.

Побѣждаетъ одна только Истина, не ложь.

(Изреченія изъ „Упанишадъ").

Теософія и Богостроительство.

I ч.

Необходимость опредѣлить, что такое Теософія и необходимость освободить Теософію отъ ложныхъ представленій. Вытекающіе отсюда тезисы:

1. Теософія не есть нео-буддизмъ.
2. Теософія не есть матеріалистическій пантеизмъ.
3. Теософія не есть искусственно созданная экклектическая религіозно-философская система.
4. *Теософія есть вселенскій научно-религіозный синтезъ.*

а) Ученіе о Логосѣ
в) Ученіе о Пути
с) Міровыя основы этики

} какъ базисъ этого синтеза.

II ч.

1 *Богостроительство и Теософія.*
2. Важность переживаемаго момента.
3. *Миссія Теософіи.*

ЧАСТЬ I.

Прежде чѣмъ коснуться позиціи, занимаемой Теософіей по вопросу о Богостроительствѣ, совершенно необходимо прежде всего опредѣлить, *что такое Теософія*, и освободить ее отъ тѣхъ ложныхъ представленій и несправедливыхъ предубѣжденій, которыя мѣшаютъ русскому обществу понять все ея значеніе, какъ движенія, имѣющаго свое опредѣленное мѣсто въ исторіи духовной

эволюціи человѣчества. Разумѣется, въ краткомъ рефератѣ нельзя очертить во всей полнотѣ такое всеобъемлющее міросозерцаніе, какъ Теософія, и я заранѣе извиняюсь, если многихъ сторонъ едва коснусь, нѣкоторыхъ не коснусь вовсе. Я здѣсь попытаюсь лишь указать на ея объединяющую силу и на міровое ея значеніе, на всю глубину ея научно-религіознаго синтеза и на тѣ источники, изъ которыхъ она черпаетъ свое вдохновеніе. Но предварительно попытаюсь выяснить суть тѣхъ недоразумѣній, о которыхъ сейчасъ упоминала. Теософію не знаютъ и потому ее постоянно смѣшиваютъ то съ нео-буддизмомъ, то съ пантеизмомъ. Одни видятъ въ Теософіи опасную и научно-необоснованную мистику; другіе— тонкій раціонализмъ, лишенный всякой мистики; третьи—наивную попытку создать новаго рода экклектическую систему, которая представляетъ ничто иное, какъ механическое соединеніе чуждыхъ другъ другу, но искусственно подведенныхъ подъ теософическій синтезъ, самыхъ разнообразныхъ элементовъ. Всѣ эти предубѣжденія вытекаютъ изъ полнѣйшаго недоразумѣнія. Попытаемся ихъ разобрать.

1. Теософія не есть нео-буддизмъ.

Предубѣжденіе противъ Теософіи, какъ системы, порожденной буддизмомъ, получило отчасти свое начало въ извѣстной статьѣ В. Соловьева, написанной 17 лѣтъ назадъ, когда Теософическое движеніе лишь возникало. Оно поддерживалось и заглавіемъ книги г. Синетта „Эзотерическій будхизмъ“, долго считавшейся настольной книгой теософовъ. Въ то время не было еще многочисленныхъ теософическихъ трудовъ Анни Безантъ, Ч. Ледбитера, д-ра философіи Р. Штейнера и д-ра философіи Т. Паскаль. Классическое сочиненіе самой Е. Блаватской, „Secret Doctrine“ (Тайное ученіе) было написано значительно позже и появилось въ печати передъ самой ея смертью (въ 1891 г.). III томъ появился даже послѣ ея смерти. Заглавіе книги г. Синетта ввело многихъ въ заблужденіе, ввиду того, что для пониманія его было необходимо знаніе санскритскихъ корней. Дѣло въ томъ, что это заглавіе (отъ корня budh—мудрость) надо читать, какъ „Сокровенная Мудрость“, а не какъ „сокровенный буддхизмъ“ (отъ корня Buddh'a) въ смыслѣ религіозно-философской системы Гаутамы Буддхы. Это недоразумѣніе подробно выясняется въ „Введеніи къ Тайной Доктринѣ“, которое уже появилось на русскомъ языкѣ въ

Сборникѣ, посвященномъ памяти Е. П. Блаватской. Въ этомъ же сборникѣ печатается письмо ея къ покойному В. Прибыткову, редактору Ребуса, въ которомъ она горячо протестуетъ противъ обвиненія, будто бы она и другіе теософы проповѣдуютъ буддизмъ. Она указываетъ на §§ устава Теософическаго Общества, который вообще воспрещаетъ теософамъ что-либо проповѣдывать или провозглашать одно ученіе выше другого, такъ какъ это шло бы въ разрѣзъ съ обѣщаніемъ терпимости, которое даетъ каждый теософъ, поступая въ Теософическое Общество.

Въ настоящее время, когда богатая теософическая литература уже доказала, съ какой любовью и серьезностью Теософія изучаетъ эзотеризмъ всѣхъ великихъ религій, какъ Брахманизма, Буддхизма и Заростріанизма, такъ и Христіанства, такой упрекъ въ замаскированной пропагандѣ буддизма уже невозможенъ по крайней мѣрѣ для тѣхъ, кто болѣе или менѣе знакомъ съ движеніемъ.

2. Теософія не есть матеріалистическій пантеизмъ.

При переходѣ къ вопросу о пантеизмѣ не надо забывать, что пантеизмъ есть двоякій: 1) матеріалистическій, признающій, что внѣ міра нѣтъ Божества, Богъ какъ бы вылился въ свое твореніе и тамъ пребываетъ; 2) глубоко-духовный пантеизмъ, признающій весь міръ, какъ проявленіе Единаго, проявленіе Той Вѣчной Жизни, которая скрывается за покровомъ всѣхъ формъ. По этому міровоззрѣнію Божественный Источникъ жизни пребываетъ надъ міромъ, внѣ его. Въ Св. Писаніи Индіи Богъ говоритъ: „Отдавъ частицу Себя на проявленіе міра, Я остаюсь“.

Перваго вида пантеизмъ по существу тождественъ съ матеріалистическимъ монизмомъ. Съ нимъ Теософія ничего общаго не имѣетъ.

Второй пантеизмъ Теософія принимаетъ, такъ какъ по ея ученію *вселенная есть частичное и періодическое проявленіе Всеединаго*: она утверждаетъ существованіе Вѣчнаго Начала, познаваемаго черезъ Его проявленія. Ритмически смѣняются періоды дѣятельности и покоя. Въ первичной субстанціи жизнь раскрывается 2-мя полюсами: духъ—матерія. Всюду передъ нами единая жизнь и единый законъ, не хаосъ въ вихрѣ безцѣльно несущихся атомовъ, а закономѣрно развивающійся космосъ. Сама смерть есть лишь новая форма проявленія жизни, наступающая тогда, когда

жизнь, износивъ одинъ физическій покровъ, разрываетъ его и облекается въ новый.

Такимъ образомъ, Теософія признаетъ единство Божества и закономѣрное развитіе міра и человѣчества. Эволюція человѣка состоитъ въ томъ, что Эго пріобрѣтаетъ опытъ и что физическій проводникъ его дѣлается все болѣе и болѣе способнымъ отвѣчать голосу живущаго въ немъ духа, пока не обрѣтетъ полную свободу и не сольется съ Божествомъ. Очевидно, что такая задача не можетъ быть выполнена въ теченіе одной жизни. Отсюда ученіе о перевоплощеніи, тѣсно связанномъ съ ученіемъ о Кармѣ, т. е. о непреложномъ законѣ причинности, по которому слѣдствіе неизбѣжно слѣдуетъ за рождающей его причиной и въ свою очередь дѣлается причиной новыхъ слѣдствій.

Карму можно съ полнымъ правомъ назвать и закономъ причинности и закономъ сохраненія энергіи въ мірѣ духовномъ. Неизбѣжнымъ выводомъ изъ ученія о Единомъ Міровомъ Духѣ, общемъ источникѣ всего существующаго, является положеніе о глубокой солидарности человѣка съ человѣкомъ, т. е. о реальности всемірнаго братства Сыновъ Божіихъ безъ какихъ-бы то ни было перегородокъ, искусственно воздвигаемыхъ между людьми, перегородокъ расовыхъ, національныхъ, религіозныхъ, классовыхъ, половыхъ и т. п. Таковъ тотъ свѣтлый, одухотворенный пантеизмъ, который именуетъ себя Теософіей и который можно назвать *идеалистическимъ монизмомъ*.

3. Теософія не есть искусственно созданная экклектическая религіозно-философская система.

Теософія утверждаетъ, что идеалистическій монизмъ, какъ цѣлостная доктрина, существовала въ древности, что она заключается въ сокровенной части всѣхъ религій міра, въ ихъ эзотеризмѣ, который раскрывался посвященнымъ въ мистеріяхъ. Въ рядахъ этихъ посвященныхъ мы находимъ Платона, Пиѳагора, Эвклида, Демокрита, Фалеса, Солона, Аполонія, Ямвлиха и нѣкоторыхъ учителей ранней христіанской Церкви. Когда позже, съ торжествомъ церковнаго начала, древняя мудрость была забыта, отъ времени до времени не переставали являться въ христіанскомъ мірѣ посланники, ученики, великіе мистики, которые во имя „духа живаго“ боролись съ „мертвящей буквой“ и вливали живую струю въ грозящую закристаллизоваться вѣру. Эти мистики владѣли „гно-

зисомъ", т. е. пили у источника Эзотеризма и передавали духовное вѣдѣніе дальше, своимъ ученикамъ.

Если такая тайная мудрость во всѣ вѣка существовала, а ея существованіе безусловно доказывается какъ традиціей мистиковъ, такъ и сравнительнымъ изученіемъ религій, то само собой падаетъ и обвиненіе въ томъ, что Теософія есть какая-то искусственная экклектическая система, механическое соединеніе несоединимыхъ элементовъ. Теософія *есть эта вѣковая мудрость* и миссія Теософіи въ настоящее время дать человѣчеству ключъ къ ея сокровенному источнику.

4. Теософія есть вселенскій научно-религіозный синтезъ.

Изъ всего вышесказаннаго ясно вытекаетъ, что Теософія есть вселенскій научно-религіозный синтезъ, *научный* потому, что она опирается на законы, признанные наукой (законъ сохраненія энергіи, законъ причинности, законъ эволюціи),—*религіозный* потому, что, кладя въ свою основу изученіе религіознаго эзотеризма всѣхъ временъ и всѣхъ народовъ, она тѣмъ самымъ объединяетъ и всѣ міровыя религіи. Въ основѣ этого религіознаго эзотеризма лежатъ слѣдующія истины:

1. Единое, Вѣчное, Непознаваемое, Реальное Бытіе. Это Первоисточникъ безъ предиката, То, что назвать нельзя и передъ чѣмъ можно лишь молча и благоговѣйно преклониться.

2. Изъ Него—проявленный Богъ, раскрывающійся изъ единства въ двойственность, изъ двойственности въ Троицу.

3. Человѣкъ, какъ отраженіе проявленнаго Бога, въ основѣ своей тоже троиченъ. Его истинное и реальное „Я" вѣчно и едино съ „Я" вселенной.

4 и 5. Эволюція человѣка путемъ постепеннаго раскрытія его божественныхъ свойствъ. Познавъ міровой законъ любви и слившись съ нимъ, человѣкъ дѣлается божественнымъ въ проявленіи, какъ онъ былъ всегда божественъ въ скрытомъ состояніи.

Наиболѣе ярко вырисовывается основное единство міровыхъ религій при анализѣ ученія о Логосѣ, ученія о Пути и вдумчивомъ изученіи міровой этики. Разсмотримъ, во-первыхъ: *а) Міровое ученіе о Логосѣ.*

Въ Христіанской Космогоніи 2-ое лицо Св. Троицы именуется *Логосомъ.* Принято считать, что христіанское ученіе о Логосѣ заимствовано у философа Александрійской школы, Филона,

въ свою очередь заимствовавшаго его у Грековъ. У Гераклита (460 л. до Р. Х.) мы встрѣчаемъ это ученіе ясно формулированное. Греческіе философы вѣрили, что Верховный Разумъ, Логосъ, осѣняетъ матерію и что частица Его находится въ душѣ каждаго человѣка. Логосъ сталъ посредникомъ Трансцедентной Первопричины и феноменальнаго міра, какъ-бы мостомъ между Богомъ и міромъ. Въ рукахъ Филона это ученіе получило новое развитіе. Божественный Разумъ былъ имъ названъ „Единороднымъ Сыномъ Божьимъ", „Божественной Мыслью", сдѣлавшеюся плотью. Въ IV Евангеліи это выраженіе употребляется по отношенію къ Христу, а не къ Іисусу изъ Назарета, Сыну Маріи, къ Христу, который являлъ Собою воплощеніе Божественнаго Разума въ человѣкѣ.

„Въ началѣ бѣ Слово и Слово бѣ Богъ".

Но задолго до Нео-Платониковъ и задолго до возникновенія Греческой философіи, мы находимъ въ Св. Писаніи Индіи, въ Ведахъ, опредѣленіе Бога, какъ „Господа Слова, Господа Мысли и Разума", т. е. Логоса. Такъ, санскритское слово „Brihaspati" образовалось изъ глагола „Brih" или „Barh", что означаетъ: проявляться; изъ этого корня произошли латинское слово „Verbum" и англійское слово „Word". „Pati" означаетъ Отецъ, Господь. Слѣдовательно, „Brihaspati" значитъ „Господинъ, или Отецъ Слова". Его синонимъ „Vâchaspati" имѣетъ совершенно тождественное происхожденіе. „Vâchas" или „Vâk" (отсюда латинское Vox) означаетъ слово. „Vâchaspati" означаетъ: Господинъ или Отецъ Слова. Въ одной изъ Упанишадъ *) мы читаемъ: „Vâk va Brâhma", т. е. „Слово было Брахманомъ" (Слово было Богъ—абсолютомъ). Далѣе такое опредѣленіе: „То, изъ чего всѣ вещи родились и чѣмъ живы, когда родились и куда онѣ возвращаются и вступаютъ послѣ смерти или разрушенія, есть Брахманъ". Тамъ же: „Посредствомъ Своего Разума, Онъ соединился со Своимъ Словомъ". Еще интересны слѣдующія мѣста:

„Въ началѣ Божественное Vâk, или Вѣчное Слово, безъ начала и конца, состоящее изъ Мудрости, было произнесено Самосущимъ Единымъ, отъ Котораго начались всѣ дѣятельности".

„Всѣ мыслимыя вещи имѣютъ начало въ словѣ, или вѣчной идеѣ Божественнаго Разума".

Въ поэмѣ „Mâхâбхáрата" мы читаемъ: „Тотъ, Кто Существуетъ Самъ Собой, сперва изрекъ Слово, Божественное Слово

*) Brihadâranyaka Upanishad.

безъ начала и конца, о которомъ мы читаемъ въ Ведахъ. Отъ него же зачалось все развитіе міра".

Подъ „Словомъ" Ведическіе мудрецы подразумѣвали не только звукъ, но и Божественную Мысль Творческаго Разума. Разумъ былъ Отецъ; Слово было его Единороднымъ Сыномъ. Въ свѣтѣ этого ученія, Божественное Совершенство на землѣ является воплощеніемъ Слова. Рама, Кришна, Буддха чтимы въ Индіи, какъ Божественные люди, воплощеніе Слова.

Такимъ образомъ, мы видимъ, что ученіе о Словѣ (Логосѣ) имѣетъ арійское происхожденіе:

Мы читаемъ въ Rig-Veda:

„Единородный, передъ началомъ матеріальныхъ явленій, былъ принесенъ въ жертву. Девы, боги и ангелы пришли, чтобы привести Единороднаго въ жертву. Они пригвоздили Его къ жертвеннику, освятили Его и, распявъ Его въ вѣчномъ пространствѣ, они принесли Его въ жертву. Отъ этой жертвы возникло все, что существуетъ на землѣ и на небесахъ".

Извѣстно, что древній жертвенникъ имѣлъ форму креста.

Оріенталистъ Джонъ Лэнди въ своемъ философскомъ трудѣ „Памятники христіанства" такъ комментируетъ это мѣсто Ведъ: „Это очень похоже на Агнца, закланнаго до основанія міра, которому поклоняются всѣ ангелы Господа".

Эту идею о божественномъ жертвоприношеніи мы находимъ въ различной формѣ въ древнемъ Египтѣ, въ религіи Заратустры, въ Іудействѣ, въ философіи Эллады и въ школахъ Пиѳагорейскихъ, Платониковъ и Нео-Платониковъ.

Такимъ образомъ, мы имѣемъ право сказать, что ученіе о Логосѣ, есть ученіе всемірное, присущее религіозному эзотеризму всѣхъ временъ и всѣхъ народовъ.

Теперь перейдемъ къ *в) основамъ міровой этики.*

Переходя отъ метафизической части міровыхъ религій къ мистической, къ міровому ученію о Пути, мы должны прежде всего указать на основныя черты этики эзотеризма по отношенію къ этикѣ экзотерической.

Всѣ Учители міра имѣли два ученія: одно для толпы, другое для ближайшихъ учениковъ, посвящавшихъ себя апостолату. Одно было ученіе для человѣка, которому надо было до совершенства развить все *человѣческое*; другое—для человѣка, который сознательно и свободно становился на Путь *Богочеловѣчества.* И потому первое является основой для міровой этики; второе—для міровой мистики.

Въ чемъ же заключается основа міровой этики? Во всемъ томъ, что должно помочь человѣку погасить свою дурную Карму, нейтрализуя ее новыми добрыми силами (т. е. благородными мыслями, чувствами и дѣяніями). Иными словами: во всемъ томъ, что должно освободить человѣка отъ низшаго его полюса, звѣря, чтобы тяготѣніе къ высшему, Богу, могло получить реальное осуществленіе. И потому, во всѣхъ религіяхъ міра, очищеніе помысловъ и желаній, любовь, чистота и милосердіе, составляютъ азбуку духовной жизни. Слѣдующая ступень заключается въ замѣнѣ зла добромъ.

„Чистыя мысли, чистыя слова, чистыя дѣла", говоритъ Заратустра, и его слова дѣлаются священной формулой, повторяющейся во всѣхъ молитвахъ Парсовъ.

„Благословляйте проклинающихъ васъ", говоритъ Кришна.

„Ненависть не побѣждается ненавистью, ненависть побѣждается только любовью", говоритъ Буддха.

„Отвѣчайте добромъ на ненависть", говоритъ Лао-Тсе, „разсматривайте трудность, когда она еще легка. Обращайтесь съ большой вещью, когда она еще мала".

„Кто герой? Превращающій въ друга врага своего", говоритъ Талмудъ.

„Состраданіе есть законъ вѣчной гармоніи, законъ вѣчной любви", говоритъ Рамакришна.

„Совершеннѣйшій изъ людей тотъ", говоритъ Магометъ, „кто любитъ всѣхъ ближнихъ своихъ и дѣлаетъ имъ добро безъ разбора, хороши-ли они или дурны". Девизъ Магомета былъ: „Совершенство религіи состоитъ въ желаніи добра другимъ".

„Благословляйте проклинающихъ васъ и молитесь за оскорбляющихъ и гонящихъ васъ", сказалъ І. Христосъ.

Почему такое поразительное сходство въ религіозной этикѣ всѣхъ націй и временъ? Потому что эта этика не красивый и случайный вымыселъ той или другой яркой индивидуальности или плодъ углубленной работы нѣсколькихъ геніальныхъ мечтателей: она есть неизбѣжное проявленіе въ жизни того духовнаго вѣдѣнія, которое ясновидцы духа обрѣли на высшихъ планахъ бытія. Точно такъ, какъ изъ элементовъ даннаго уравненія непремѣнно должна вылиться та или другая математическая формула, такъ и изъ знанія космическихъ законовъ неизбѣжно вытекаетъ незыблемая основа міровой этики. Тамъ, гдѣ этика колеблется и гдѣ под-

рываются ея основы, тамъ, очевидно, утеряно знаніе тѣхъ міровыхъ законовъ, на которыхъ она зиждется.

Совершенно ясно, что тамъ, гдѣ это вѣдѣніе есть, этика проникнута глубокимъ единствомъ своихъ требованій. И потому религіозный эзотеризмъ всѣхъ временъ и народовъ учитъ человѣка закону любви.

Теперь перейду къ міровому *с) ученію о Пути (къ міровой мистикѣ).*

По ученію эзотерическому личность человѣка, также какъ и физическое тѣло, умираетъ, но высшее, сверхличное „я“ не умираетъ: оно собираетъ цѣнный опытъ, накопленный въ теченіе многихъ воплощеній, и совершенствуется, готовясь къ восхожденію по пути къ сверхчеловѣку, по пути Богочеловѣчества, по выраженію Влад. Соловьева. Весь смыслъ мистики, т. е. ученія объ этомъ Пути, заключается въ выясненіи методовъ, которые ведутъ человѣка къ высшему типу. Для всякой эволюціонной ступени есть свои опредѣленные законы жизни; по этимъ законамъ развивается высшій типъ и эти законы лежатъ въ основѣ міровой мистики.

У обыкновеннаго человѣка главнымъ мотивомъ его жизни является его *личное начало.* У человѣка высшаго типа такимъ центральнымъ мотивомъ дѣятельности является „духовное“, т. е. *сверхличное начало.* Эволюція въ душѣ человѣка этого сверхличнаго начала и есть путь восхожденія къ „богочеловѣку“: она заключается въ постепенномъ перемѣщеніи центра сознанія въ область высшихъ, сверхличныхъ переживаній, въ укрѣпленіи его и затѣмъ сліяніи всѣхъ внутреннихъ силъ человѣка съ этимъ образовавшимся духовнымъ центромъ. Отсюда полное тождество всѣхъ ученій о Пути, тождество восходящихъ ступеней: на Востокѣ онѣ именуются: *Очищеніе, Просвѣтленіе, Сила единенія.* Названія ихъ на Западѣ: *Purgativa, Illuminativa, Unitiva* (или съ гр.: очищеніе, наученіе, дѣйствіе). Къ нимъ ведутъ „Семь Вратъ“. Эти „Семь Вратъ“ или „Семь Ключей“ мы находимъ и въ Восточной и въ Западной мистикѣ. Для полнаго выясненія этого важнаго вопроса я приведу 2 схемы, какъ онѣ рисуются въ эзотерическомъ буддхизмѣ и въ Ведантѣ и сопоставлю ихъ съ христіанскими ступенями, какъ онѣ намѣчены у нашего Православнаго подвижника, О. Феофана *).

---

*) Письма о христіанской жизни (Очищеніе Сердца).

Ступени, намѣчаемыя въ Ведантѣ:

1. Viveka—различіе между вѣчнымъ и преходящимъ.

2. Vairagya—отреченіе отъ всякой награды въ этомъ мірѣ и будущемъ.

3. Shama—власть надъ умомъ (сюда входятъ спокойствіе, сосредоточенность, терпѣніе).

4. Dama—власть надъ поступками (сюда входятъ терпимость, незлобивость, отреченіе).

5. Полная вѣра (Shâddha).

6. Полное равновѣсіе (Samadhâna).

7. Стремленіе къ освобожденію (Moksha) (Mumoksha).

Ступени въ эз. буддхизмѣ:

1. Ключъ милосердія и любви безсмертной (Dâna).
2. Ключъ гармоніи между словомъ и дѣломъ (Shila).
3. Кроткое терпѣніе, ничѣмъ не возмутимое (Kshânti).
4. Безстрастіе, побѣжденіе иллюзій (Vairâgya).
5. Непобѣдимая энергія (Vîrya).
6. Непрестанное созерцаніе (Dhyâna).
7. Достиженіе богоподобія, Слава (Praguyâ).

Христіанскія ступени: (es. orth. qrec).

1. Богупреданность (неизмѣнный законъ для идущихъ къ Богу).

2. Трезвеніе, подвигъ вниманія. (Оно распадается на: а) Стояніе умомъ въ сердцѣ въ присутствіи Божьемъ, в) углубленіе, вниканіе).

3. Мирное расположеніе ко всѣмъ, даже къ врагамъ.

4. Нерасхищеніе мыслей.

5. Согласіе внѣшняго человѣка съ внутреннимъ.

6. Неустанный трудъ.

7. Завершеніе подвига („Тогда станешь владыкою своихъ силъ“ *).

---

*) Въ др. мѣстѣ есть варіантъ: № 6 и 7: необремененіе заботами житейскими и непривязанность ни къ чему земному.

Во всѣхъ этихъ схемахъ мы видимъ полную аналогію требованій, хотя порядокъ требуемыхъ свойствъ нѣсколько измѣненъ.

Такъ какъ путемъ выработки этихъ свойствъ нужно не только перемѣнить и установить новый центръ сознанія, но и укрѣпить его, то „ученику" (какъ принято называть подвижника въ Теософической литературѣ) предстоитъ *неустанная духовная брань* до самаго достиженія послѣднихъ вратъ, послѣ которыхъ человѣкъ дѣлается уже *болѣе чѣмъ человѣкомъ*. Объ этой духовной брани мы встрѣчаемъ однѣ и тѣ же описанія въ мистикѣ Запада и Востока.

Такъ, у О. Феофана, въ главѣ „Очищеніе Сердца" *), христіанинъ уподобляется воину, выступающему во всѣхъ своихъ доспѣхахъ и вооруженіи на полѣ сраженія. Тонкимъ и глубокимъ символизмомъ проникнуто это описаніе вооружающагося воина. Затѣмъ О. Феофанъ говоритъ о результатахъ сраженія. Плоды брани: крѣпость духовная, духовная мудрость, чистота... Христіанинъ восходитъ на степень освященныхъ: ничто не препятствуетъ больше благодати раскрыться въ немъ въ полной мѣрѣ. „Кончится ли когда сія брань здѣсь?" спрашиваетъ подвижникъ и отвѣчаетъ отрицательно. Поэтому онъ совѣтуетъ воину никогда не останавливаться, не отдыхать и не засыпать. Снова и снова возобновляется битва: на землѣ ей нѣтъ конца.

Въ параллель къ этому описанію возьмемъ отрывокъ изъ книги „Свѣтъ на Пути", ярко отразившей настроеніе Восточной мистики:

„Снова и снова битва должна быть выиграна: природа можетъ затихнуть только на время"... А дальше: „Стой въ сторонѣ, когда настанетъ битва, и хотя ты будешь сражаться, не ты будь Воиномъ. Найди Воина и пусть онъ сражается въ тебѣ... Воинъ этотъ ты самъ, но ты—преходящій и подлежишь заблужденіямъ, а онъ вѣченъ. Онъ есть вѣчная истина. Если онъ разъ проникъ въ тебя и сталъ твоимъ Воиномъ, никогда уже не покинетъ онъ тебя вполнѣ; а въ день великаго Мира онъ сольется съ тобой воЕдино".

Этихъ цитатъ достаточно для выясненія того единства, которое лежитъ въ основѣ міровой мистики, т. е. той части религіознаго эзотеризма, который является *духовнымъ дѣланіемъ* и символизуется въ религіозной мистикѣ словомъ *Путь*, тотъ Путь, „врата котораго узки и тѣсны" по выраженію Евангелія.

---

*) Письма о Христіанской жизни.

На основаніи всего сказаннаго, мы утверждаемъ, что *Теософія есть вселенскій научно-религіозный синтезъ.* Во II части мы остановимся на ея позиціи *по отношенію къ русскимъ духовнымъ исканіямъ и на ея миссіи.*

ЧАСТЬ II.

Для II части своего доклада я воспользуюсь выдержками изъ своей статьи: „Миссія Е. П. Блаватской", которая помѣщена въ Сборникѣ, посвященномъ ея памяти, такъ какъ въ этой статьѣ я касаюсь вопроса, которому посвященъ этотъ докладъ. Прежде всего для того, чтобы вѣрно очертить позицію Теософіи по отношенію къ современнымъ русскимъ духовнымъ исканіямъ, надо ясно поставить вопросъ объ объединяющемъ творчествѣ Теософіи. Въ силу этой своей черты она никогда ничего не противопоставляетъ, а находитъ мѣсто и примиреніе всѣмъ исканіямъ свѣта. Такъ „Богоисканіе" и „Богостроительство", которымъ было посвящено столько бесѣдъ въ Религіозно-Философскомъ обществѣ въ Спб. и которые такъ рѣзко противопоставлялись нѣкоторыми ораторами, находятъ свое примиреніе въ Теософіи, которая учитъ, что для гармоническаго раскрытія развивающейся жизни въ историческомъ процессѣ *ростъ сознанія долженъ совершаться параллельно съ эволюціей формы.* Духъ долженъ раскрываться и тянуть за собой форму; форма должна совершенствоваться, повинуясь растущему въ ней сознанію. И потому міровая этика одинаково охватываетъ, какъ личную мораль, такъ и общественную. Разъединеніе и противопоставленіе ихъ, съ точки зрѣнія Теософіи, не выдерживаетъ критики, такъ какъ она лишь проявленіе здѣсь духовнаго вѣдѣнія, обрѣтеннаго на высшихъ планахъ.

Разъединять и противопоставлять другъ другу эти части одного цѣлаго, какъ это постоянно дѣлаетъ наша журналистика, такъ же несообразно, какъ вынимать камни изъ строящагося дома и противопоставлять ихъ этому дому. Такое противопоставленіе указываетъ на непониманіе неразрывной связи законовъ и міровыхъ явленій и на полную оторванность человѣка отъ вселенной, оторванность, изъ которой вытекаетъ весь трагизмъ ду-

шевныхъ переживаній современнаго человѣчества. Тщательно отстраняя все то, что не поддается непосредственному чувственному воспріятію, и искусственно разъединяя физическій міръ отъ всѣхъ соприкасающихся съ нимъ сферъ, мы наводимъ на него, какъ въ фокусѣ, яркій свѣтъ электрическаго фонаря, а затѣмъ ужасаемся и недоумѣваемъ, почему этотъ ярко-освѣщенный обрывокъ дѣйствительности, который мы такъ искренно мечтаемъ превратить въ рай, вызываетъ въ насъ такое глубокое чувство неудовлетворенности, и невольно напрашивается тоскливый вопросъ: „Будетъ ли когда-нибудь человѣкъ счастливѣе?"

Люди съ сильнымъ общественнымъ чувствомъ обыкновенно отвѣчаютъ: „Будетъ ли человѣкъ счастливѣе или нѣтъ, мы не знаемъ: это не наше дѣло; наше дѣло—строить домъ, чтобы было, гдѣ укрыться отъ непогоды. Мы не мечтатели, а только строители".

По силѣ любви и отреченію, трудъ „строителей" несомнѣнно отмѣчается печатью свыше, печатью духа. Эта печать и даетъ имъ право на гордое наименованіе „богостроителей". Каковы бы ни были утилитарныя платформы строителей, творчество ихъ несомнѣнно имѣетъ религіозный источникъ, такъ какъ движущій ихъ категорическій императивъ есть мотивъ сверхличный, т. е. сила идеальная. Но какъ бы идеально не были настроены строители, ихъ работа не можетъ быть прочной, если они не будутъ ясно видѣть, *что* кладутъ въ основу своего зданія. Для разумнаго строительства зрѣніе нужно не меньше энтузіазма. А видятъ ли пламенные строители, на чемъ они строятъ, если они такъ упорно разъединяютъ явленіе съ его источникомъ, если, не признавая Бога, они хотятъ осуществить Его правду?

Отдѣлять Бога отъ Его Правды, Любовь отъ проявленій любви, это то же, что желать отдѣлить Солнце отъ его лучей. Богъ есть духовное Солнце вселенной, и тѣ силы, которыми мы пытаемся замѣнить Его (любовь, красота, правда),—ничто иное, какъ видимые лучи Его. Тѣ, кто ищутъ Бога и не пытаются внести Его Правду въ жизнь, не знаютъ Бога; и тѣ, кто пытаются осуществить Его Правду на землѣ, отрицая Его Самого, также не знаютъ Его. Богоисканіе и богостроительство неудержимо сливаются воедино въ душѣ того, кто нашелъ Бога въ себѣ, кто нашелъ незримыя нити, соединяющія нашего скрытаго Бога съ Богомъ вселенной. Ибо богоисканіе и богостроительство сливаются въ богопознаніи, а познать Бога человѣкъ можетъ, только познавъ самого себя. Познавъ себя, свое „высшее я", человѣкъ свободно и сознательно становится на тотъ путь истиннаго богостроитель-

ства, который В. Соловьевъ называетъ „богочеловѣческимъ процессомъ“, а Теософія именуетъ „путемъ ученичества“.

Для исцѣленія и обновленія жизни нужно нѣчто большее, чѣмъ любовь и состраданіе: нужны знаніе и вдохновеніе. Не только художники и поэты, но и дѣятели во всѣхъ сферахъ жизни должны стать жрецами и пророками. Это относится и къ нашимъ строителямъ. Величайшее изъ всѣхъ искусствъ, *искусство строить жизнь*, требуетъ для своей творческой работы боговдохновенныхъ строителей, не простыхъ архитекторовъ-любителей, а пророковъ и жрецовъ, способныхъ видѣть и понимать тѣ силы, которыя они будутъ вкладывать въ свое творчество; сознательно управляя ими, они будутъ вполнѣ сознательно и творить новую жизнь.

Лучшіе русскіе люди не способны безъ отчаянія отдѣлять Бога отъ воплощенія Его правды. Истина безъ Добра и Красоты для нихъ такъ же невозможна, какъ и Добро безъ Красоты или Красота безъ Добра. Не въ этомъ ли кроется тайна тоски, такъ сильно гнетущей душу многихъ нашихъ общественныхъ дѣятелей?

Мы переживаемъ совершенно особое время; время, когда рушатся вѣками утвержденные авторитеты, когда происходитъ переоцѣнка всѣхъ цѣнностей, всѣхъ идеаловъ, а надъ кажущимся хаосомъ разрушенія уже проносится вѣяніе новой, могучей жизни. Утеря путей, страстное исканіе, колебаніе между гордымъ самоутвержденіемъ и столь же пламеннымъ самоотрицаніемъ, все это явные признаки того, что въ человѣчествѣ совершается какой то кризисъ, что оно стоитъ на порогѣ новыхъ и чрезвычайно важныхъ переживаній. Разсудочная культура, достигшая на Западѣ своего апогея, не въ силахъ болѣе удовлетворить человѣка; она должна уступить мѣсто новой, высшей культурѣ. Каждой культурѣ соотвѣтствуетъ извѣстная ступень сознанія, а раскрытіе новаго сознанія сопровождается настоящими родовыми муками духа, муками, при которыхъ неминуемо происходитъ полная утрата гармоніи. Возьмемъ одинъ изъ многихъ признаковъ этого перелома: такъ называемый „кризисъ индивидуализма“. Этотъ кризисъ, отмѣченный и въ соціологіи, и въ психологіи, и въ литературѣ, есть ничто иное, какъ явно выраженный переходъ отъ обособленной жизни къ единенію всечеловѣческому, отраженіе въ общественной психологіи великаго космическаго момента. Въ этомъ свѣтѣ и соціалистическія теоріи и стремленія суть лишь проэкція на физическомъ планѣ того великаго духовнаго преображенія, которое готовится совершиться въ иныхъ сферахъ бытія. Зарождающіяся формы общественности неизбѣжно выльются въ жизнь вслѣдъ за новымъ

сознаніемъ человѣчества, но соціальное преображеніе установится на твердыхъ основахъ только тогда, когда оно выльется, какъ естественное послѣдствіе обновленія, одухотворенія человѣчества, а не тогда, когда оно опередитъ сознаніе. „Міръ не долженъ быть спасенъ насильно", сказалъ В. Соловьевъ. Мы бы сказали: „міръ не *можетъ* быть спасенъ насильно", ибо условіе духовнаго творчества есть свобода. Свободно и радостно творить новую жизнь можетъ только религіозное сознаніе.

Въ свѣтѣ Теософіи раскрытіе сознанія совершается въ томъ же порядкѣ, какъ и раскрытіе Божества, ибо человѣкъ есть храмъ Бога живаго „градъ Брахмы". Сперва проявляется Св. Духъ дѣятельности; затѣмъ рождается Сынъ Божій, мудрость (знаніе и любовь), Св. Софія; наконецъ проявляется Воля Отца, Которая совершаетъ то, что духу раскрылось въ знаніи и любви. Таковъ вѣнецъ эволюціи.

Св. Духъ дѣятельности уже раскрылся въ человѣчествѣ. Въ высшей степени ярко сказался онъ въ Западно-Европейскомъ творчествѣ. Въ настоящій моментъ мы стоимъ наканунѣ раскрытія новаго начала, того, о которомъ молится апостолъ Павелъ въ словахъ: „Дѣти мои... я снова въ мукахъ рожденія, доколѣ не изобразится въ Васъ Христосъ" (посл. къ Галатамъ, IV, 19; ср. также посл. къ Ефесянамъ, IV, 13). Христосъ которому суждено родиться въ насъ, это тотъ пламенный духъ единенія, который разбиваетъ всѣ стѣны между націями и людьми и который творитъ новую жизнь, основанную на братствѣ и любви. Этому духу одинаково чужды и партійныя распри, и національная вражда, и религіозный фанатизмъ, потому что всѣ стѣны пали, всѣ—люди братья: одни просвѣтленные, другіе еще не прозрѣвшіе, но всѣ—дѣти единаго Бога.

Достоевскій и В. Соловьевъ, которымъ былъ близокъ Духъ Христовъ, говорятъ о „вселенскомъ христіанствѣ" въ противуположность „домашнему и храмовому" христіанству, т. е. внѣшнему. „Истинная Церковь, которую проповѣдывалъ Достоевскій, говоритъ В. Соловьевъ, есть *всечеловѣческая* прежде всего въ томъ смыслѣ, что въ ней должно въ конецъ исчезнуть раздѣленіе человѣчества на соперничествующіе и враждебные между собою племена и народы. Всѣ они, не теряя своего національнаго характера, а лишь освобождаясь отъ своего національнаго эгоизма, могутъ и должны соединиться въ одномъ общемъ дѣлѣ всемірнаго возрожденія".

Всѣ религіи міра призывали къ этому всечеловѣческому единенію, надъ всѣми виталъ св. духъ единенія, духъ „Христа“ и каждая религія давала, въ зависимости отъ историческаго момента и особенностей данной культуры, божественное откровеніе объ этомъ славномъ единеніи, объ этомъ рожденіи Христа грядущаго. Экзотерически всѣ религіи разныя; въ сокровенной своей глубинѣ онѣ даютъ одно и то же духовное вѣдѣніе, одну и ту же Теософію. Неисповѣдимость Первопричины, имманентность проявленнаго Бога, ученіе о духовной эволюціи и вытекающее отсюда ученіе о Богочеловѣчествѣ, таковы основы религіознаго эзотеризма всѣхъ временъ и всѣхъ народовъ. Центральное мѣсто въ немъ занимаетъ ожиданіе Христа, ученіе о „св. дитяти, которому суждено родиться въ сердцѣ человѣчества“, о „скрытой жемчужинѣ въ глубинахъ человѣческаго сердца“, о „бѣломъ лотосѣ“, который „дремлетъ подъ водами Майи“ и которому суждено „подняться надъ Майей“ и распуститься въ цвѣтокъ божественной красоты и славы. Этотъ *цвѣтокъ*, эта *жемчужина*, это *святое дитя*, это то высшее начало, которое уже раскрылось въ апостолахъ и пророкахъ и которое готовится къ рожденію въ душѣ всего человѣчества.

Истина многогранна и сверкаетъ въ каждомъ духовномъ движеніи, въ каждомъ искреннемъ порывѣ человѣческаго сердца. Въ безконечности разнообразны проявленія этихъ отдѣльныхъ лучей, но всѣ они изъ единаго бѣлаго Свѣта. Пока человѣчество развивало св. духъ дѣятельности и работа творческаго разума проявлялась въ созиданіи разсудочной культуры, то естественно и неизбѣжно на первомъ планѣ стоялъ духъ анализа, критицизма, самоутвержденія и обособленія. Эгоцентрическая тенденція ярко сказывалась и въ культѣ личности, и въ націонализмѣ, и въ религіозной розни. Все это проявленіе самости во всѣхъ сферахъ бытія, на всѣхъ „планахъ“, по теософической терминологіи. Въ свѣтѣ Теософіи все это явленія данной ступени, ибо въ проявленномъ мірѣ нѣтъ абсолютнаго зла и добра, а есть лишь Правда осуществляющаяся и Истина, къ которой мы двигаемся. То, что идетъ съ эволюціей—добро; то, что противится ей—зло, иного опредѣленія нѣтъ. Человѣчеству нужно было пройти черезъ періодъ крайняго обособленія и самоутвержденія, потому что въ немъ должно было во всей полнотѣ своей раскрыться личное, интеллектуальное начало. Но теперь, когда человѣчество подходитъ къ поворотному пункту и вступаетъ въ новый фазисъ развитія, оно должно подняться надъ *эгоцентрическимъ* сознаніемъ и вступить въ сферу *сверхличныхъ* переживаній. Вотъ почему *син-*

тезъ долженъ былъ замѣнить *анализъ*; настало время привести воедино разбросанныя сокровища Добра и Красоты, собрать разсѣянные лучи божественнаго многогранника и зажечь ими ту звѣзду, которая всегда загорается на небѣ въ минуты великихъ историческихъ кризисовъ, въ часъ космическаго перелома. Такую минуту мы переживаемъ, и въ ней кроется вся сила и значеніе Теософическаго движенія.

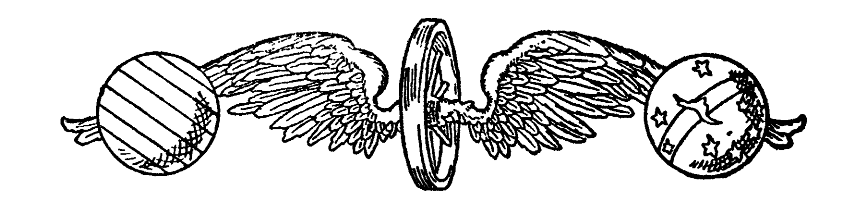
Въ современной русской литературѣ не мало было споровъ о „человѣкобожествѣ“ и „Богочеловѣчествѣ“, при чемъ первое ставилось какъ идеалъ, выразитель современныхъ броженій; второе—какъ совершившійся историческій фактъ. Но для теософа то, что въ исторіи было исключительнымъ подвигомъ Богочеловѣка, является лишь прообразомъ того высшаго Пути, на который суждено сознательно и свободно стать всему человѣчеству. Учители состраданія уже совершили этотъ путь; мы стоимъ на порогѣ его. И именно потому, что мы стоимъ на порогѣ, именно потому явилась въ мірѣ Е. П. Блаватская и создала Теософическое движеніе, которое не отнимаетъ ни у одной религіи своего вѣнца и потрясающей силой своего синтеза заставляетъ всѣхъ признать загорѣвшуюся на небѣ звѣзду духовности и всѣмъ протянуть руку, какъ братьямъ по духу, какъ дѣтямъ одного Отца. Вмѣстѣ съ Vade mecum Pastoral *), Е. Блаватская могла бы произнести:

„Вмѣстѣ съ язычниками, поклоняющимися восходящему солнцу, и съ магометанами, молящимися съ вершинъ своихъ минаретовъ, съ евреями, обращающими всѣ молитвы къ Новому Іерусалиму, и съ христіанами, которые молятся передъ Распятіемъ, я каждое утро повергаюся ницъ передъ зарей и громко восклицаю: Восходящее на Востокѣ Солнце Правды, Свѣтъ міра, я поклоняюсь тебѣ!“

Alba.

*) См. В. Теософіи 1908 г., № апрѣль, Теософія во Франціи.

Теософія и Богостроительство.

(Стенографическій отчетъ засѣданія Религіозно-Философскаго Общества 24 ноября 1909 года).

Д. В. Философовъ. Предсѣдательствовать будетъ Константинъ Дмитріевичъ Кудрявцевъ.

К. Д. Кудрявцевъ (Предсѣдатель). Я смущенъ, господа, той неожиданной честью, которая выпала на мою долю,—предсѣдательствовать въ столь важномъ, съ моей точки зрѣнія, засѣданіи Религіозно-Философскаго Общества; смущенъ я потому, что этой чести я совершенно не ожидалъ и еще менѣе заслужилъ ее. Съ своей стороны, предварительно выслушанію того доклада, который поставленъ на повѣстку, я считаю потребностью своего сердца высказать серьезную, глубокую признательность и благодарность Совѣту Религіозно-Философскаго Общества за ту возможность, которую онъ далъ всѣмъ намъ,—выслушать докладъ о Теософіи и по мѣрѣ возможности разсѣять всѣ тѣ недоумѣнія или недоразумѣнія, которыя витаютъ около слова „Теософія". Теперь мы попросимъ Анну Алексѣевну Каменскую изложить ея докладъ.

А. А. Каменская (читаетъ докладъ: Теософія и Богостроительство, см. выше на стр. 62).

К. Д. Кудрявцевъ (Предсѣдатель) (по прочтеніи I-й части доклада).

Мы не будемъ дѣлать перерыва сейчасъ, дослушаемъ весь докладъ до конца, а потомъ сдѣлаемъ перерывъ.

А. А. Каменская. „Для второй части своего доклада я воспользовалась"... (читаетъ).

К. Д. Кудрявцевъ (Предсѣдатель). Желающихъ участвовать въ преніяхъ я попросилъ бы записаться во время перерыва. Теперь объявляю перерывъ на 10 минутъ.

(Перерывъ).

Господа, прошу занять мѣста; мы сейчасъ начнемъ. Часъ поздній; времени мало у насъ. Будьте добры занять мѣста. Засѣданіе продолжается. Слово принадлежитъ Вячеславу Ивановичу Иванову.

В. И. Ивановъ. Я не знаю, будутъ ли мои замѣчанія носить характеръ возраженій или, быть можетъ, скорѣе, по формѣ, недоумѣній и вопросовъ. Какъ бы то ни было, мнѣ хотѣлось бы высказать нѣсколько мыслей, которыя мнѣ явились при выслушаніи доклада. Мнѣ кажется, что въ этомъ докладѣ недостаточно ясно была проведена грань, которая раздѣляетъ термины „теософія" и „теософическое общество". Быть можетъ, и у нѣкоторыхъ изъ слушателей могли возникнуть по этому поводу сомнѣнія. Слову „теософія" мы можемъ придавать или тотъ, постоянный, смыслъ, въ какомъ это слово употреблялось во всѣ вѣка,—смыслъ мистическаго „гнозиса" вообще, или же мы можемъ соединять со словомъ „теософія" значеніе того ученія, которое мы находимъ въ теософическомъ обществѣ. Судя по тому изложенію, какое мы выслушали, нужно скорѣе думать, что намъ представлено нѣкоторое синтетическое и обобщающее изображеніе принциповъ, господствующихъ въ современномъ теософическомъ обществѣ. Правда, цѣлью доклада было указать, что теософія всегда была единой по существу. И, однако, если даже мы перечислимъ цѣлый рядъ общихъ чертъ, все-же мы будемъ логически не вправѣ сглаживать или игнорировать черты различій между отдѣльными доктринами издревле существовавшей теософіи и, слѣдовательно, остережемся преждевременно отожествлять ихъ, помня, что такое отожествленіе можетъ оказаться обезличеніемъ и искаженіемъ. Итакъ, поскольку мы имѣемъ дѣло съ теософическимъ ученіемъ,—я употребляю слово „теософія" въ его старинномъ, исконномъ смыслѣ, напр., беру ученіе Эккардта и Бэме, неоплатониковъ, герметиковъ, индійскихъ мудрецовъ и т. д.,—мы имѣемъ передъ собой разнообразные типы теософическаго мышленія, теософическаго міросозерцанія, и, конечно, эти типы теософическаго міросозерцанія между собой отнюдь не тожественны. Можно, конечно, сдѣлать попытку объединить всѣ теософскія ученія и школы и подчеркнуть общія черты, которыя существовали во всѣхъ теософическихъ ученіяхъ и школахъ. Но въ результатѣ такого объединенія мы едва ли будемъ имѣть тотъ синтезъ единомыслія, который мы только что выслушали; едва ли можно будетъ, напримѣръ, охарактеризовать всю теософію въ ея міровомъ смыслѣ, какъ непремѣнный „идеалистическій монизмъ", или притти въ опредѣленіи Божества и нѣкоторыхъ истинъ, связанныхъ съ ученіемъ о Божествѣ, именно къ той формулировкѣ, какую мы выслушали. Нѣтъ, различія здѣсь, вѣроятно, будутъ преобладать надъ сходствами во всемъ, что касается чистаго философствованія. Напротивъ,

сходство будетъ поразительное, когда вопросъ будетъ идти о „Пути" какъ ученіи о задачахъ и организаціи внутренняго опыта. Въ вопросѣ о Пути можно утверждать, что всѣ эзотерическія ученія говорятъ объ одномъ Пути и что стадіи этого Пути характеризуются приблизительно одинаково, точно также, какъ приносятъ одинаковые плоды просвѣтленія личности и ея возвышенія. Но, несомнѣнно, частныя доктрины существенно различны въ такой степени, что даже въ вопросѣ о Пути по существу безусловно единомъ для всѣхъ, мы замѣтили однако — я имѣю въ виду свѣдѣнія, сообщенныя въ самомъ рефератѣ, — ощутительную разницу между буддійскимъ ученіемъ съ одной стороны, съ другой—христіанскимъ. Такимъ образомъ, мы услышали въ этомъ докладѣ изложеніе, отвѣчающее, быть можетъ, удовлетворительно на вопросъ: что такое теософическое общество по своей идейной платформѣ или догматическому содержанію,—но отнюдь не изложеніе всей теософіи, какъ совокупной доктрины вмѣстѣ и Будды, и Магомета, и Заратустры, и Пиѳагора, и христіанскихъ мыслителей и т. д. въ ея основныхъ чертахъ, общихъ всѣмъ мистическимъ ученіямъ. Желаніе непремѣнно и во что бы то ни стало все соединить несомнѣнно сопряжено, какъ всякій синкретизмъ, съ большой опасностью. Мы можемъ не оставить неискаженнымъ ни одного изъ этихъ ученій, если мы такъ неметодично, такъ просто субъективно будемъ смѣшивать одно ученіе съ другимъ. Но, понятно, Путь духовнаго роста и высвѣтленія личности одинъ, и основные этапы его одинаковы.

Послѣ этой оговорки я позволю себѣ обсуждать дальше, каково Credo теософическаго общества. И здѣсь начинаются у меня не возраженія, а недоумѣнія. Мнѣ бы хотѣлось, чтобы Анна Алексѣевна опредѣленно сказала прежде всего, что такое теософическое общество по своей природѣ. Оно являетъ, при ближайшемъ разсмотрѣніи, такія черты, которыя, повидимому, обличаютъ притязанія теософическаго общества выступить въ роли церкви. Итакъ, я бы спросилъ: церковь ли теософическое общество, или не церковь. Это вопросъ рѣшающій: не зная этого, я не могу говорить собственно объ остальномъ. Если это церковь, тогда, слѣдовательно, она либо отдѣльная отъ другихъ религіозныхъ общинъ община, либо церковь, обнимающая собою, какъ нѣчто высшее, всѣ другія частныя церкви—низшія, потому что онѣ представляютъ собою неполноту истины; и это послѣднее утвержденіе заставитъ тѣхъ, кто знаетъ иную церковь, отвратиться отъ теософическаго общества, какъ только они поймутъ, что послѣднее приписываетъ ихъ „церкви" значеніе относительное и служебное, а не безусловное и окончательное. И это надо выяснить, чтобы дать возможность свободно выбирать между теософическимъ обществомъ и церковью. Вотъ мнѣ и

хотѣлось бы, чтобы мы были поставлены передъ необходимостью этого выбора. Я не боюсь возбудить подозрѣніе, что такимъ предложеніемъ вношу духъ разногласія и объявляю себя какъ будто несочувствующимъ тѣмъ высокимъ принципамъ, которые теософическое общество выставляетъ на своемъ знамени, говоря о братствѣ всѣхъ народовъ, всѣхъ людей. Излишне говорить, въ какой мѣрѣ это для религіозной мысли, для религіознаго чувства желательно; но если я христіанинъ, то знаю, что полнота истины обрѣтается только въ одной христіанской церкви, и моя воля ко вселенскому единенію въ Богѣ становится волею къ воспріятію всѣми людьми истины въ ея полнотѣ, т. е. ко вселенскому торжеству церкви Христовой. Такъ я буду разсуждать, если я христіанинъ. И если я буду видѣть, что остальные люди не могутъ принять истину въ ея полнотѣ, это не помѣшаетъ мнѣ все же братски общаться съ ними, стремиться усвоить себѣ плоды ихъ достиженій и въ свою очередь дѣлиться съ ними результатами моего внутренняго опыта, ибо внутренній опытъ одинъ. Однимъ словомъ, братское общеніе съ нехристіанами нисколько не устраняется вѣрностью церкви, какъ высшему и безусловному откровенію и осуществленію божественной правды; но особое и таинственное общеніе членовъ единаго тѣла Христова, каковымъ ощущаетъ себя христіанская церковь, само собою разумѣется, невозможно съ нехристіанами для христіанъ. Если бы христіанинъ поступалъ иначе, то это былъ бы христіанинъ безъ церкви, индивидуально чувствующій и тѣмъ самымъ не вполнѣ христіанинъ, но нѣкто, пріемлющій только часть благодати; ибо истинный христіанинъ не можетъ себя чувствовать иначе, какъ однимъ изъ атомовъ того тѣла Христова, которое есть Градъ Божій. Не можетъ христіанинъ одновременно принадлежать церкви христіанской и внѣ-христіанскому союзу, утверждающему себя какъ церковь. Если же теософическое общество представляетъ собой только общество, полезное для разработки важныхъ предметовъ, касающихся религіознаго сознанія, мистическаго опыта и т. д., тогда спорить съ теософическимъ обществомъ нельзя. А между тѣмъ, чувствуешь себя какъ-то неспокойно въ своемъ душевномъ отношеніи къ теософическому обществу. Происходитъ это оттого, что оно недостаточно ясно себя опредѣляетъ. Я не знаю, желательно ли было бы теософамъ, чтобы христіане разсматривали теософическое общество, какъ подготовительную ступень для тѣхъ, кто родился въ кругахъ, которымъ недоступно христіанство, чтобы мы смотрѣли на нихъ, какъ на внѣшнюю, хотя и усовершенствованную школу — школу катехуменовъ? Я думаю, нѣтъ. „Нѣтъ религіи выше истины“, говорятъ они. Они говорятъ, что необходимо уничтожить искусственно воздвигнутыя рамки, разграничивающія народы и религіи, т. е., напр., мусуль-

манство и христіанство. Но христіанство не согласится признать свою ограду искусственнымъ огражденіемъ. Если церковь ограждаетъ себя отъ вторженія постороннихъ тѣлъ, то это суть темныя тѣла; она не хочетъ, чтобы они мѣшали: тогда истинное тѣло пропадетъ. Теософическое общество склонно трактовать религіи такъ, что она ихъ абсолютныя цѣнности превращаетъ въ относительныя и условныя. Я полагаю, что это было бы измѣной со стороны христіанина, если бы онъ вступилъ въ теософическое общество подъ условіемъ такого компромисса и такого примиренія, при которомъ христіанство сравнивалось бы съ другими религіями, какъ равная цѣнность. Это не духъ фанатизма, это радость на обрѣтенную жемчужину; такъ именно, какъ радостно обрѣтеніе жемчужины, должно быть и христіанство для христіанина, и не должно говорить о такъ радующемся, что онъ фанатикъ. Но разъ христіанинъ будетъ заниматься и чужими истинами и отъ братскаго общенія не уклоняется, то онъ не фанатикъ. Такимъ образомъ, я утверждаю, что теософическое общество либо есть просто общество, какъ напр. психологическое, для изученія истинъ духовной жизни, или теософическое общество есть община, объединяющая все человѣчество, обладающая знаніемъ истины, имѣющая въ себѣ присутствіе Духа Святаго и располагающая таинствами: въ первомъ случаѣ принадлежность къ нему совмѣстима, во второмъ несовмѣстима съ принадлежностью къ христіанской церкви. Хотя эти таинства и посвященія не открыты всѣмъ теософамъ, но тѣмъ не менѣе, именно существованіе этихъ мистерій подчеркивается членами теософическаго общества, какъ нѣкая высшая санкція ихъ духовнаго дѣланія. На этомъ зиждется и іерархическое подчиненіе Учителямъ,—и уже эти черты, мнѣ кажется, достаточны для того, чтобы характеризовать теософическое общество, какъ церковь. Всѣ предикаты, которыми мы опредѣляемъ нашу церковь, находятся и въ теософическомъ обществѣ. Мнѣ хочется это установить. Я или христіанинъ, или членъ теософическагс общества, какъ общины духовной. Я—христіанинъ и, поэтому, я не членъ теософической общины, поэтому быть мнѣ тамъ не должно и не по душѣ при всемъ братскомъ общеніи.

К. Д. Кудрявцевъ. Вячеславъ Ивановичъ поставилъ рядъ вопросовъ. Такъ какъ я думаю, что другіе ораторы выдвинутъ еще нѣсколько вопросовъ и удобнѣе на всѣ вопросы отвѣтить сразу, то я предложу выслушать слѣдующихъ записавшихся ораторовъ и затѣмъ уже, когда накопится нѣсколько вопросовъ, тогда отвѣтить на нихъ сразу. Слово принадлежитъ К. Ѳ. Жакову.

К. Ѳ. Жаковъ. Я вполнѣ согласенъ съ главными положеніями многоуважаемой докладчицы, но съ другой стороны, предвидя безчи-

сленныя возраженія, которыя еще не устранены, былъ бы очень радъ и было бы очень интересно узнать, какъ это устранится. Во первыхъ, съ точки зрѣнія гносеологической еще, говорятъ, недоказано, что существуютъ объективныя вещи, даже не доказано, что существуетъ чужая душа; мы знаемъ только свои ощущенія, свое я. Если бы оставить такъ это положеніе, то какъ говорить о какой то церкви, о какомъ то знаніи? Можетъ быть, кромѣ моего „я" ничего нѣтъ. Слѣдовательно, каждый теософъ долженъ опровергнуть это. Я полагаю, что я опровергъ только для себя. Сейчасъ я не буду толковать, какъ я это опровергаю, а только думаю, что наши познанія должны стремиться къ предѣлу, т. е. къ знанію вещей, такъ какъ мы знаемъ только приблизительно. Это мой отвѣтъ, а интересно, какъ другіе отвѣтятъ, тѣ, которые исповѣдуютъ теософію: это мы сегодня послушаемъ. Затѣмъ возраженія со стороны науки. Говорятъ ученые, что планеты упадутъ на солнце и солнца другъ на друга и образуется всемірная планета и будетъ высочайшая жизнь. Но астрономы говорятъ, что это явленіе механическаго происхожденія, а не божественнаго. Какъ устранить это? Конечно, есть совершенствованіе міра, но это не Логосъ, а механическое осложненіе строенія міра. Науки говорятъ, что вещества нѣтъ и силы нѣтъ, а есть энергія и тенденція къ развитію. Какъ доказать, что развитіе дѣло мірового разума? Интересно знать, какъ думаютъ теософы. Да, это очень важно. Есть возраженія такого характера; вѣдь мы видимъ въ мірѣ нѣсколько категорій—пространство, время, вещество, гдѣ же единство, гдѣ же Богъ? Есть энергія, есть пространство, есть духъ, а нѣтъ Бога. Надо разнообразіе свести къ единому. Соловьевъ и другіе говорили, что это единое выражается въ мірѣ постепенно, и это нужно доказать, потому что атеизмъ сейчасъ развивается очень быстро и отвѣчать только чувствомъ всѣхъ нельзя. Такимъ образомъ мы видимъ, что существуютъ необыкновенно важныя возраженія. Да, многіе допускаютъ прогрессъ въ томъ смыслѣ, какъ теософы говорятъ, но возможенъ взглядъ соціологическій, а не міровой, говорятъ, что мы стремимся любить другъ друга, но это только на землѣ. Это есть соціологія и недоказательно для всего міра. Какъ мы слышали сейчасъ въ возраженіи В. И. Иванова, начинается борьба религій. Гдѣ гарантія того, что одну религію можно вознести до высшей религіи? Вѣдь эгоизмъ такъ силенъ, что даже проявляется въ защитѣ своей собственной религіи; каждый говоритъ: „моя религія вѣрна, а твоя не вѣрна". Какъ мы преодолѣемъ этотъ эгоизмъ, который существуетъ даже въ высшихъ формахъ нашего духа? Съ своей стороны, конечно, я думаю, что все это будетъ устранено теософіей. Я полагаю, что это именно есть формула вселенской церкви. Я для того говорю, чтобы указать, какъ лучше

побѣдить эти затрудненія, потому что о нихъ приходится много думать, и надо думать слѣдующее: что философія въ видѣ теософіи есть уже послѣдняя стадія мысли. Какъ ни странно, наша мысль приходитъ къ концу. Если это будетъ подтверждено, если это абсолютное знаніе, то намъ некуда идти, намъ остается тогда изучать отдѣльныя планеты, отдѣльныхъ людей и тогда принципъ будетъ ясенъ. А разъ это вѣрно, то совершенно вѣрно сказала докладчица, что тогда начнется миссіонерство. Кабинетная мысль сдѣлала свое дѣло. Соловьевъ такъ и думалъ, начнется проповѣдническая дѣятельность, чтобы собрать всѣ церкви въ одну, побѣждающую эгоизмъ. Конечно, если это ясно, то мы преодолѣемъ и вражду религій, вражду сословій, и многоуважаемая докладчица совершенно права: только этимъ путемъ мы разрѣшимъ всѣ вопросы. Кромѣ того, насколько я постигъ Достоевскаго, Соловьева и другихъ, они находятъ, что именно Россія должна дать починъ въ этомъ дѣлѣ. Славянофилы говорили, въ чемъ наша миссія, миссія народовъ славянскихъ, отличающихся широтою своей натуры они предвидѣли нашу дѣятельность—соціальную, моральную и религіозную. И, повидимому, Достоевскій и Соловьевъ, великіе люди Россіи, такого именно направленія; и можно вполнѣ надѣяться, что теософія найдетъ у насъ почву, и, можетъ быть, намъ дано завершить это культурное дѣло: распространить принципъ такой сверхличной религіи, сверхличнаго Бога на всѣ народы и объединить ихъ въ одно, потому что у всѣхъ народовъ была своя миссія, а мы ничего не совершили; это принадлежитъ славянской натурѣ, склонной къ поэзіи и къ религіозному вдохновенію. И тогда мы дѣйствительно увидимъ одинъ языкъ, одно чувство и мысль при разнообразіи языковъ внѣшнихъ, увидимъ гармонію индивидуальностей. Однимъ словомъ, увидимъ то, о чемъ мечтали великіе умы всѣхъ вѣковъ. Позволю себѣ сказать, что мы приближаемся къ той горѣ великой, которой вершина лобызается лучами восходящаго солнца, но у меня нѣтъ ни словъ, ни образовъ, чтобы указать, какой подъемъ долженъ быть, если проникнуться принципами теософіи. Хотя я не принадлежу къ этому обществу, но къ удивленію слышу то, о чемъ думалъ я всю жизнь; поэтому я предоставляю вамъ самимъ, милостивые государи, проникнуться величіемъ грядущаго, которое завершитъ исторію земли; я чувствую огонь дыханія этого грядущаго, которое вознесетъ насъ въ горніе предѣлы и дастъ намъ то безконечное чувство, которое при этомъ возможно, и несомнѣнно это будетъ вмѣстѣ съ познаніемъ принципа, что мы безсмертны, что мы странники не одной земли, а всей вселенной.

К. Д. Кудрявцевъ. Д. С. Мережковскій хотѣлъ поставить нѣсколько вопросовъ докладчицѣ.

Д. С. Мережковскій. Это засѣданіе наше есть результатъ отчасти моей оплошности, т. е. того, что я въ прошломъ году сказалъ нѣсколько совершенно для меня самого неожиданно вырвавшихся жестоко оскорбительныхъ словъ по поводу теософіи, которую я въ сущности не зналъ и не имѣлъ ни малѣйшаго основанія говорить этихъ словъ, и (я буду каяться), съ тѣхъ поръ я совершенно не познакомился съ теософіей, хотя имѣлъ нѣкоторые случаи, читалъ статьи въ присланныхъ журналахъ, но почему то это меня не интересуетъ совершенно. Выслушалъ я сегодня докладъ этотъ и все-таки у меня осталось, какъ Бодлеръ говоритъ,—мрачное нелюбопытство; не тянетъ меня туда. Мнѣ бы хотѣлось узнать, почему меня не тянетъ, но нѣкоторыя интонаціи возбуждаютъ во мнѣ неистовство, желаніе говорить вещи нетерпимыя, фанатическія. Для чего? Люди о добрѣ говорятъ; за что я на нихъ воспламеняюсь какой то непонятной мнѣ самому ненавистью? Но долженъ признаться, что сегодняшнее наше засѣданіе было не вполнѣ безплодно и для меня въ этомъ отношеніи, а именно—прекрасная рѣчь Вяч. И. Иванова мнѣ кое что выяснила, и тяжесть гнета моей вины, которая, сознаюсь, остается, она съ души моей сняла хоть отчасти. Я начинаю кое что понимать, мнѣ забрежжило уже пониманіе, въ чемъ тутъ дѣло, почему дѣйствительно добрые на добрыхъ могутъ вдругъ такъ разъяряться; я начинаю понимать. И вотъ мнѣ бы хотѣлось сообщить въ видѣ вопроса, не потому ли это, что мы не понимаемъ другъ друга, и нельзя ли столковаться въ томъ отношеніи, что хотя теософы безпощадно любезны и всѣхъ принимаютъ въ свои объятія, и я подвергаюсь участи попасть въ ихъ объятія, но они могутъ понять, почему я не желаю подвергаться этому и, можетъ быть, если я начну дѣйствовать, то могу возбудить съ ихъ стороны нѣкоторое дѣятельное отталкиваніе. (Смѣхъ въ публикѣ). Такъ вотъ это выясненіе взаимныхъ отношеній можно, мнѣ кажется, продолжать. Я вовсе не считаю теософію явленіемъ незначительнымъ; мнѣ кажется, это явленіе существенное и значительное; движеніе теософическое, хотя я совершенно извнѣ смотрю, но ясно вижу, что оно захватываетъ не только въ Западной Европѣ большіе круги, но и у насъ, и это недаромъ. Мнѣ кажется, что совершенно соотвѣтственнымъ этому теософическому движенію является другое, параллельно съ этимъ развивающееся въ Европѣ, но еще не начавшееся у насъ, о которомъ мы только что начинаемъ смутныя вѣсти получать; это движеніе въ Европѣ недостаточно и неопредѣленно называется прагматизмомъ. И вотъ мнѣ кажется, что сравнивая эти два вѣянія—движеніе теософическое и прагматическое, можно, господа, понять значеніе обоихъ ясно. Сущность прагматизма слишкомъ долго объяснять, но мнѣ кажется,

она станетъ понятна, если одно слово дать, какъ руководящее: это есть не столько философія, какъ религія; это явленіе не философское, а психологическое, это есть по преимуществу религія дѣйствія, т. е. такая религія, которая первымъ моментомъ считаетъ дѣйствіе; отнюдь это не исключаетъ сознанія, созерцанія; нельзя дѣйствовать слѣпо, но тѣмъ не менѣе прагматизмъ говоритъ, что въ религіи первый моментъ есть не созерцаніе, не пониманіе, а воля. Т. е., для того, чтобы понять какую нибудь самую абстрактную, отвлеченную догматическую истину, для этого недостаточно услышать ученіе о ней или умственно воспринять, а для этого надо ее пережить на опытѣ. Въ каждой религіозной истинѣ есть волевая сущность и, собственно говоря, сущность ирраціональная, которую свести къ полному сознанію нашему, безусловному сознанію, нельзя, а есть нѣкоторыя ирраціональныя сущности, которыя и составляютъ главное ядро этой истины, и тутъ то вся динамика, и тутъ заключеніе въ сторону воли, въ сторону дѣйствій: только на основаніи того, что я сдѣлаю, я пойму, что это истина. Я могу обманывать себя, я могу думать, что я знаю истину, но пока я не совершилъ дѣйствія, это иллюзорно. Я долженъ сдѣлать для того, чтобы понять эту истину. Мнѣ кажется, что въ этомъ отношеніи теософія полярно противоположна прагматизму. Конечно, теософы будутъ это отвергать; они будутъ утверждать, что для нихъ дѣйствіе самое важное, столь же важное, какъ созерцаніе. Но здѣсь неясность. Тутъ для людей, въ дѣйствіи находящихся, ясно видна позиція другихъ людей, и, мнѣ кажется, въ нѣкоторыхъ намекахъ теософическаго ученія все таки ясно, что именно эта противоположность сохраняется, что она реальна, что это не есть тенденція. Дѣйствительно, въ томъ докладѣ, который мы только что выслушали, была такая фраза, что все-таки безъ сознанія дѣйствовать нельзя, что нуженъ первый моментъ — сознаніе, а затѣмъ — дѣйствіе, сначала созерцаніе, а потомъ дѣйствіе. Вотъ, мнѣ кажется здѣсь и заключается центральный пунктъ, какъ можно дѣйствовать безъ сознанія. Думаю, что здѣсь мы подходимъ къ самому коренному вопросу о первомъ дѣйствіи, объ источникѣ всѣхъ остальныхъ дѣйствій. Если не было такого дѣйствія, которое выходитъ изъ порядка причинъ, причинности, если не было источника всѣхъ дѣйствій, единаго дѣйствія, то понятно, что намъ нельзя дѣйствовать безъ сознанія; т. е., я хочу сказать, что если не было дѣйствія единаго, сверхъестественнаго, чудеснаго, то намъ причащаться къ дѣйствіямъ иначе нельзя, какъ черезъ созерцаніе, черезъ пониманіе, черезъ разумъ, сознаніе. Но если было одно дѣйствіе, котораго разумъ нашъ вмѣстить въ полнотѣ не можетъ, одно дѣйствіе, которое совер-

шилось, но противъ разума, но помимо разума, то понятно, эта точка зрѣнія находится только въ этомъ единомъ дѣйствіи. Мы уже потомъ можемъ отъ него переходить и къ дальнѣйшему развитію нашего сознанія. Если былъ совершенъ одинъ опытъ внѣ всякихъ другихъ опытовъ реальныхъ, мы можемъ уже переходить изъ этого первичнаго дѣйствія къ дальнѣйшимъ, къ слѣдующимъ дѣйствіямъ помимо сознанія. Это въ сущности есть вопросъ о томъ, что такое явленіе Христа. Тутъ я и хотѣлъ бы предложить вопросъ совершенно конкретный и ясный: есть ли для теософовъ явленіе Христа дѣйствіе единственное, или это только одно изъ дѣйствій, т. е., есть ли лицо Христа среди всѣхъ лицъ человѣческихъ единственное, не только сравнительно съ простыми смертными, но и со всѣми проявленіями, хотя бы Логоса, т. е. того, что теософы называютъ Логосомъ, Магометомъ, Шакіа-муни, различныхъ толкователей различныхъ откровеній, есть ли лицо Христа лицо единственное, или это одно изъ звеньевъ? Можетъ быть, Онъ выше Орфея, Магомета, Сократа и т. д.? Но, можетъ быть, являются новыя дѣйствія, тоже понимаемыя созерцаніемъ, но выше, нежели Христосъ? т. е. законченъ ли главный процессъ этого единенія дѣйствія? Совершилось ли одно дѣйствіе, абсолютно освобождающее человѣчество отъ закона причинности? Явился ли въ мірѣ новый феноменъ, новое Явленіе? Конечно, Явленіе это съ большой буквы, т. е. Явленіе всѣхъ явленій. Дѣйствіе всѣхъ дѣйствій. Лицо всѣхъ лицъ. Я—единственное Я. Тутъ я позволю себѣ сравненіе. Что такое, собственно говоря, Богочеловѣчество вотъ какъ дѣйствіе, не какъ пониманіе, а какъ дѣйствіе, какъ реальное откровеніе? Мнѣ кажется это можно было бы сравнить, или провести аналогію съ процессомъ, который совершается, въ сущности говоря, во всей міровой эволюціи, даже съ процессомъ евангелическимъ. Современные психологи будутъ, конечно, оспаривать точку зрѣнія абсолютнаго индивидуализма; они будутъ утверждать, что въ человѣкѣ много „я", не только 2, 3 или 4, а безконечное число „я", и что наше единое я—точка я, я—послѣдняя точка пирамиды, что это иллюзорно, что это есть, какъ свобода, воля, какъ Богъ, какъ безсмертіе души и т. д. И психологи совершенно по своему правы, но я не хочу утверждать, что никакое религіозное міросозерцаніе немыслимо безъ утвержденія этого единаго Я въ человѣкѣ, т. е. этой единой монады, которая подчиняетъ всѣ остальныя монады въ моемъ тѣлѣ. Я, можетъ быть, говорю слишкомъ отвлеченно?

Г-жа Писарева. Да, да, очень.

Д. С. Мережковскій. Что же дѣлать? Мы заняты теософіей... Но постараюсь говорить понятнѣе. Нужна такая религіозная, въ сущности научно невмѣняемая, но религіозно совершенно необходимая

единая монада въ человѣкѣ для того, чтобы человѣкъ могъ жить; какъ нужна свобода, воля, такъ нужно понятіе о Богѣ, потому что тогда только можетъ начаться творчество. Для религіи, ясно, нужно понятіе „я", и нужно не только я, но еще, чтобы человѣкъ созналъ себя, т. е. имѣлъ нѣкоторый взоръ, на себя обращенный; какъ у Толстого гдѣ-то сказано: „Я — я". Вотъ собственно главнѣйшій моментъ, т. е., чтобы онъ созналъ себя, чтобы его я обратилось на себя, потому что недостаточно одного я, а нужно вторичное я. Что же собственно, въ этомъ смыслѣ Дѣйствіе всѣхъ дѣйствій. Явленіе всѣхъ явленій—Богочеловѣкъ? Мнѣ кажется, по аналогіи съ отдѣльными организмами очень многое выясняется и для всемірной исторіи. Я думаю, что центральной монадой всего человѣчества, единственной и является Христосъ, Онъ есть Лицо, впервые явившееся въ человѣчество. Онъ точно также, какъ и рожденіе Адама, это то и есть рожденіе Адама, Адамъ есть человѣкъ, который себя угадалъ, который говоритъ: „Я — я"; то, что совершилось въ человѣчествѣ, то, что Онъ есть рожденіе Адама, есть вмѣстѣ съ тѣмъ рожденіе Христа въ человѣчествѣ; но это не есть рожденіе Младенца Христа въ видѣ прообраза. Это я утверждаю, на этомъ я настаиваю. Разумѣется, не прообразъ для насъ наше личное я, т. е., что я Дмитрій Мережковскій. Если бы это сдѣлалось для меня прообразомъ, я бы устремился совершенно по другой линіи религіозныхъ переживаній, я бы тотчасъ же началъ отрицать свой прообразъ и утверждать, такъ какъ я не хочу быть прообразомъ, а хочу быть истиной, то не буду я въ себѣ, а буду въ Богѣ, истинномъ Я; и тогда начнутся соотвѣтственныя переживанія, будетъ самоотверженіе, самопожертвованіе, сліяніе съ Богомъ; посколько я себя отрицаю, постолько я сливаюсь съ Богомъ. Мое самоотреченіе — это есть скала буддійскихъ переживаній, имѣющихъ очень много общаго съ христіанскими, но совершенно нехристіанскихъ. Какъ часто самое параллельное опасно для подлиннаго, такъ точно нѣтъ ничего опаснѣе для христіанства, чѣмъ буддійскія переживанія, отрицающія Я. Вѣдь Христосъ есть ученіе абсолютнаго Я, Я единственнаго; мало того, во Христѣ — никто съ этимъ спорить не будетъ, это слишкомъ ясно даже при теперешнемъ пониманіи христіанства,—во Христѣ дано совершенно абсолютное причащеніе; во Христѣ мы всѣ лица и притомъ лица вѣчныя, неуничтожаемыя, неуничтожаемыя до такой степени, что утверждается не только наше бытіе духовное, но даже наше бытіе тѣлесное, наше бытіе во плоти, т. е. утверждается абсолютная личность въ максимумѣ, утверждается максимумъ всякой личности, ея единственность, незамѣнимость, ея не прообразность, а ея воплощенность, то, что всякая личность есть единственная, вѣчная, незамѣнимая грань какъ бы без-

конечнаго многогранника—вотъ этого Лика Христова. Теперь совершенно ясно, для меня по крайней мѣрѣ ясно, и, если можно, я объясню, почему мнѣ представляется теософія явленіемъ въ совершенной степени параллельнымъ христіанству и совершенно ему враждебнымъ. Вячеславъ Ивановичъ спрашиваетъ, такъ или не такъ. Я думаю, что предлагать вопросы теософамъ безполезно: именно потому, что они теософы, они всегда будутъ отвѣчать, что это не такъ, что они на самомъ дѣлѣ съ христіанствомъ согласны, и тутъ, конечно, начинается безнадежность, тутъ надо обращаться не къ теософамъ, а къ тѣмъ, кто приближается къ теософіи, кто имѣетъ въ сторону ея уклонъ. Мнѣ кажется, здѣсь надо предостерегать безъ жестокихъ словъ, но предостерегать: смотрите, вы идете не туда, куда нужно; вамъ предлагается нѣчто подобное христіанству, но это личина, за этой личиной совершенно другое лицо, лицо, которое сами теософы не видятъ, и у нихъ мелькаетъ много лицъ—то Магометъ, то Будда, то Шакія-Муни. И вотъ я думаю, самое поразительное въ теософіи, и тутъ конкретное отличіе ея отъ христіанства, это то, что составляетъ нервъ христіанства, самый жизненный нервъ, это—проблема о злѣ. Проблема зла такъ поставлена въ христіанствѣ, какъ ни въ одной религіи не поставлена. Здѣсь я приведу вамъ примѣры: въ исторіи буддизма вопросъ о злѣ устраненъ, онъ весь углубленъ въ созерцаніе; сущность язычества, какъ намъ представляется, это анархическая свобода. И дѣйствительно, понятіе о злѣ нигдѣ такъ не углублено, какъ въ христіанствѣ, и въ христіанствѣ дано понятіе, повидимому, очень грубое, которое мы теперь иногда считаемъ какъ бы варварствомъ; это понятіе — вѣчная погибель, понятіе ада, тьмы кромѣшной. Устраняется ли оно изъ теософіи? Нѣтъ, и тамъ есть карма, и тамъ есть страданіе безконечное, почти безконечная отвѣтственность, но чего то дѣйствительнаго нѣтъ, нѣтъ того ужаса особаго, специфическаго, который только въ христіанствѣ существуетъ, нѣтъ того раскрытія лица зла, которое, мнѣ кажется, все таки существенно нужно для прагматической религіи, нѣтъ именно этой возможности вѣчной погибели. Это не значитъ, что неразрѣшимъ вопросъ о вѣчныхъ мукахъ. У Оригена было предчувствіе, что и въ христіанствѣ этотъ вопросъ разрѣшится; у мистиковъ, кончая Достоевскимъ, можно указать предчувствіе, что вопросъ о вѣчной погибели долженъ быть разрѣшаемъ не такъ, какъ въ Церкви разрѣшается. Но вотъ что существенно: христіанство объ этомъ всегда молчитъ, а теософія, собственно говоря, на знамени своемъ написала: „всѣ спасены, всѣ прощены, не бойтесь“. Вотъ весь тембръ голоса у теософовъ. Христіанство по существу трагично и пессимистично, оно говоритъ: „бойся, очень страшно, неблагополучно“. Выслушавъ сегодня

докладъ, у меня было именно такое ощущеніе: все благополучно, всѣ спасутся; пройдемъ всякіе фазисы, но всѣмъ намъ будетъ хорошо. Можетъ быть и всѣмъ, но сейчасъ я этого знать не могу и не только не могу, но не долженъ, и не только не долженъ, но и не хочу. Почему я этого не хочу? Потому что есть знанія... (обращаясь къ кому то изъ публики) Вы не согласны? Вы хотите говорить? Пожалуйста. Можетъ быть, вы возразите что нибудь очень существенное. Итакъ, я продолжаю. Здѣсь, напр., была сказана такого рода фраза, что теософы простираютъ свои объятія всѣмъ. И вотъ я сейчасъ спускаюсь съ неба на землю и въ реальномъ положеніи при теперешнихъ нашихъ силахъ въ борьбѣ со зломъ я откровенно говорю, что или это добро—пустая фраза,—а нѣтъ ничего опаснѣе, какъ пустое добро,—или же это такая святость, которая мнѣ абсолютно недоступна, т. е., до такой степени не доступна, что просто дѣлайте со мной, что хотите, но я абсолютно не понимаю, какъ я простру мои объятія Іудѣ Предателю, какъ я простру объятія Азефу. Я не только не простру имъ объятій, но у меня возникаетъ желаніе убить, убить какъ бѣшеную собаку, я считаю, что это желаніе есть самое святое, и все, что мѣшаетъ мнѣ это сдѣлать и говорить: „успокойся, не горячись", все, что даетъ, такъ сказать, валеріановыя капли, мнѣ кажется какимъ то ядомъ, ядомъ паралича, который уничтожаетъ самую сущность, самый нервъ религіи. И я все-таки не жестокимъ голосомъ, а совершенно спокойно, съ полнотою добра, съ полною откровенностью утверждаю, что за маской теософіи скрывается духъ небытія совершенно такой же, какой духъ небытія скрывается за маской соціалъ-демократической религіи, за „Богостроительствомъ". Совершенно тоже самое происходитъ и въ соціалъ-демократическомъ „Богостроительствѣ", и въ теософіи,—происходитъ уничтоженіе личности и тамъ, и здѣсь, ибо самое ненавистное для духа небытія есть лицо, лицо единое, единое Я, и всѣми силами они стараются разрушить это лицо милліонами величинъ, пролетающихъ передъ нашими глазами. И вотъ одна изъ этихъ безчисленныхъ величинъ — есть теософическое общество, ложная Церковь. (Рукоплесканія)

К. Д. Кудрявцецъ. Слово принадлежитъ Е. Ф. Писаревой.

Е. Ф. Писарева. Предо мною такое огромное количество всякихъ вопросовъ и особенно яркіе послѣдняго оппонента г-на Мережковскаго; начну съ самаго начала: съ оппонента г. Вячеслава Ивановича Иванова. Г-нъ Ивановъ ставитъ такой вопросъ: церковь ли теософія или общество? и затѣмъ, если она есть церковь (кажется такъ), то въ какомъ отношеніи она находится къ христіанской церкви? Теософія не есть церковь, теософія есть синтезъ всѣхъ религій, основанный на эзотерическихъ ученіяхъ этихъ религій, тотъ синтезъ, ко-

торый такъ раздражаетъ г-на Мережковскаго; на заявленіе В. И. Иванова, который чрезвычайно твердо поставилъ вопросъ, что разъ онъ христіанинъ, то онъ не можетъ быть теософомъ, я—какъ разъ наоборотъ, заявляю: я христіанка и именно вслѣдствіе этого для меня гораздо ближе была теософія, и я перешла къ теософіи именно черезъ этотъ мостъ; если бы я была матеріалисткой, если бы я не чувствовала себя человѣкомъ религіознымъ и ищущимъ религіи, то я не могла бы перейти къ теософіи. И поэтому я считаю этотъ вопросъ чистѣйшимъ недоразумѣніемъ со стороны В. И. Иванова. Кромѣ себя, я знаю много истинныхъ христіанъ, которые, не довѣряя догматамъ, приводящимъ въ смущеніе разумъ, какъ напримѣръ догмату о вѣчныхъ мученіяхъ за короткую жизнь, мучились, такъ называемыми, проклятыми вопросами жизни, не освѣщенными христіанскою церковью, и знаю, что для этихъ людей, которые не успокоились на существующихъ догматахъ церкви, теософія имѣетъ огромное значеніе: она имъ помогла перейти черезъ этотъ мостъ, помогла, нисколько не отдаляя отъ той религіи, къ которой клонились они и своимъ воспитаніемъ, и кровью, и нервами, и всѣмъ, что дѣлаетъ личность человѣка національной,—помогла имъ вернуться въ Церковь, но вернуться увѣренными, что есть Богъ, и что всѣ догмы, которыя отвращали ихъ отъ Церкви, не болѣе какъ догмы человѣческаго ума, несовершеннаго, а потому и съузившаго истину, но который, все болѣе и болѣе эволюціонируя, познаетъ подъ конецъ божественную правду въ такой степени, чтобы дать себѣ полный отчетъ въ томъ, во что онъ вѣритъ. Вотъ что приблизительно мнѣ хотѣлось отвѣтить на этотъ вопросъ В. И. Иванову. Затѣмъ г-нъ Ивановъ говорилъ о радости обрѣтенной жемчужины...

К. Д. Кудрявцевъ. На этотъ спеціально вопросъ В. И. Ивановъ хочетъ внести поправку.

В. И. Ивановъ. Я сказалъ, что я не могу быть членомъ теософическаго общества, потому что я христіанинъ. Мое впечатлѣніе такое, что теософическое общество присваиваетъ себѣ черты Церкви, но если бы оно притязало быть только обществомъ, занимающимся изслѣдованіемъ многихъ вопросовъ, которыми занимались и мыслители церкви, тогда, конечно, ничто не помѣшало бы мнѣ въ томъ; и я полагаю, что теософіей слѣдуетъ заниматься для того, чтобы сдѣлаться лучшимъ христіаниномъ, но принадлежать къ теософическому обществу я считаю несовмѣстнымъ съ принадлежностью къ христіанской церкви.

Е. Ф. Писарева. Но это недоразумѣніе.

В. И. Ивановъ. Вы говорили о вашихъ занятіяхъ теософіей.

Е. Ф. Писарева. Я повторяю, что это недоразумѣніе. Но теперь мнѣ поможетъ слѣдующій диспутантъ — г. Жаковъ, который со-

вершенно такъ же ставитъ вопросъ и совершенно правильно его разрѣшаетъ въ противоположность В. И. Иванову, который смертельно боится стать не единственнымъ сыномъ Господа Бога и желаетъ отмежевать христіанство, какъ наиболѣе привиллегированную религію, отъ всѣхъ другихъ, менѣе привиллегированныхъ или можетъ быть совершенно отдаленныхъ отъ Господа Бога. Г-нъ Жаковъ ставитъ этотъ вопросъ широко и говоритъ, что человѣчество должно идти ко вселенской Церкви, что это идеалъ, который поставилъ самъ Христосъ, идеалъ, къ которому человѣкъ будетъ стремиться тогда, когда онъ начнетъ очищаться отъ разныхъ ограниченій:—отъ семейной исключительности, отъ честолюбія, отъ своей расы, своей церкви, своихъ симпатій, наконецъ, отъ своихъ индивидуальныхъ страстей; когда человѣкъ начнетъ становиться выше личности, онъ придетъ необходимо къ вселенской церкви. Что это значитъ—къ вселенской церкви? Вселенская церковь означаетъ ту церковь, которая приняла бы всѣхъ безъ различія. Объ этомъ идеалѣ, несомнѣнно, мечтали всѣ лучшіе русскіе люди. Нельзя иначе понять ни мечтаній Достоевскаго, ни мечтаній Вл. Соловьева, какъ мечты о соединеніи въ одну великую церковь всѣхъ церквей. Это вовсе не значитъ, чтобы буддистъ, браманистъ или поклонникъ талмуда совершенно измѣнили тѣмъ откровеніямъ, черезъ которыя каждый изъ нихъ подошелъ къ Богу; это значитъ, что всѣ тѣ лучи религіозные, которые существуютъ въ настоящее время во всемъ мірѣ и проявились въ видѣ откровенныхъ религій, что они сольются въ полноту, и въ этомъ смыслѣ теософія даетъ такой отвѣтъ, что Христосъ есть наибольшее проявленіе этой полноты уже потому, что Христосъ появился болѣе зрѣлому человѣчеству.

Это отчасти объясняетъ и чрезвычайно интересный вопросъ, затронутый г-мъ Мережковскимъ, который дѣлаетъ такое сопоставленіе: что теософы на своемъ знамени написали: „всѣ спасены“, а Христосъ написалъ: „бойтесь“. Да, теософія говоритъ, что всѣ будутъ спасены, но чтобы понять весь смыслъ этого ея утвержденія, нужно указать на ученіе теософіи объ эволюціи. Теософія смотритъ на всю жизнь, какъ на единую, и на всѣ этапы ея какъ на отдѣльныя страницы единой книги, тогда какъ западное міровоззрѣніе въ своемъ ослѣпленіи увѣрено, что христіанство есть все, а остальныя религіи—ничтожные придатки; но теософія выдѣляетъ христіанство изъ всѣхъ остальныхъ потому, что когда Христосъ явился человѣчеству, послѣднее достигло большей зрѣлости, оно стало болѣе самостоятельно, и въ немъ, въ порядкѣ внутренняго раскрытія, насталъ моментъ, когда начала развиваться личность, личное начало, и это развитіе было необходимо. Въ этомъ рѣзко выразившемся личномъ началѣ

западныхъ христіанъ и кроется причина того негодованія и отчасти той нелюбви къ буддизму и браманизму, съ которыми христіане относятся къ древнимъ религіямъ. Но это не есть конецъ эволюціи; конецъ впереди, онъ настанетъ именно тогда, когда яркое индивидуальное начало, не исчезнувъ, поднимется надъ личнымъ началомъ. И г. Мережковскій ошибается, когда говоритъ, что теософіей долженъ уничтожиться одинъ изъ краеугольныхъ камней христіанства. Теософія—какъ разъ ведетъ къ личному самопознанію, къ развитію самосознающаго духовнаго центра. Это, можетъ быть, отчасти и думали, когда говорили о монадѣ въ той рѣчи, которую я не совсѣмъ могла уловить, потому что она была немножко неясна для меня.

Затѣмъ мнѣ хотѣлось бы отвѣтить на одинъ вопросъ, который меня чрезвычайно больно кольнулъ. Это было тогда, когда г. Мережковскій говорилъ, что онъ не желаетъ идти въ наши объятія, и что наша проповѣдь ведетъ къ тому, что мы готовы обнять Азефа. На это мы можемъ сказать: да, наши взгляды дѣйствительно разнятся, мы сосредоточиваемся не на мысляхъ ненависти, а на томъ, что мы сами виноваты въ томъ, что Азефы существуютъ. И вотъ это сознаніе единства и отвѣтственности всѣхъ, черезъ которое проводитъ теософія, вѣроятно и вызываетъ въ васъ то недоразумѣніе, по которому вы все время склонны были доказывать, что мы не болѣе какъ созерцатели. Вездѣ, гдѣ теософія распространилась, а она распространилась по всему міру, все требованіе сводилось къ тому, чтобы она была той дѣйственной силой, которая бы освѣщала и поднимала жизнь; иначе она будетъ такимъ же балластомъ, такой же прибавкой къ схоластикѣ, которой люди и безъ того достаточно сыты; къ тому же схоластикой никто не могъ бы зажечь сердца, а мы знаемъ, что теософія зажигаетъ сердца и вмѣстѣ съ тѣмъ освѣщаетъ весь смыслъ самаго бытія и всѣхъ сторонъ жизни, которыя требуютъ перестройки и передѣлки.

Затѣмъ вы говорили о „личинѣ“ нашей, — какое лицо у теософіи, о проблемѣ зла, и вы говорили, что вѣчная погибель — есть нѣчто трагическое и даже красивое. Мнѣ кажется, что отвѣтомъ на это можетъ служить то, что я раньше сказала о различныхъ возрастахъ человѣчества, что теософія подошла къ человѣку тогда, когда человѣкъ достигъ зрѣлаго состоянія, когда она могла раскрыть ему эту тайну, что никто не погибнетъ, что всѣ люди спасутся. Если есть Богъ, то для Бога всѣ должны быть равноцѣнны и для всѣхъ должна быть раскрыта возможность спасенія. Но человѣку незрѣлому не слѣдуетъ этого говорить. И дѣйствительно, въ средніе вѣка, когда люди были мало развиты, для нихъ считали важнымъ и нужнымъ вѣру, что за короткую жизнь Господь Богъ въ со-

стояніи ввергнуть въ вѣчныя мученія. Это — идея совершенно невозможная, и я думаю, что именно она отвратила множество благородныхъ сердецъ отъ христіанской церкви. Нельзя помириться съ такой справедливостью Бога, которая ниже человѣческой. Ни одна мать не станетъ наказывать ребенка за его проступокъ на всю жизнь, а не то что Богъ. Такъ что я полагаю, тѣмъ, которые пройдутъ черезъ огромную внутреннюю работу теософіи, черезъ великій трудъ и напряженіе ея духовнаго пути, скучно въ небесахъ не будетъ, какъ боится г. Мережковскій. На этомъ пути есть свои глубины и свои подъемы, свои терзанія и свои невыразимыя радости.

Д. С. Мережковскій. Я хочу возразить что я, разумѣется, никогда не могъ сказать, что на знамени Христа написано: „бойтесь". *Я сказалъ это о христіанствѣ.* Въ преддверіи христіанства стоитъ Іоаннъ Предтеча, который говорилъ: „опомнитесь, покайтесь"! И это есть начало христіанства, ознаменованіе пришествія Христа. Я полагаю, что теософы думаютъ, что его видятъ, но оно далеко. Тамъ стоитъ: страха никакого, дерзайте, вы сыны Божіи. Мы этого не видимъ, но у теософовъ обратное: ихъ Іоаннъ Предтеча говоритъ: „не бойтесь, будьте благополучны"! Затѣмъ я никогда не утверждалъ, что въ вѣчной погибели есть что нибудь красивое. Это мнѣ столь чуждо, отвратительно до послѣднихъ предѣловъ...

Голосъ изъ публики. Почему отвратительно?

Д. С. Мережковскій. Намъ очень трудно говорить. г-жа Писарева говоритъ, что каждая мать пожалѣетъ своего ребенка и не осудитъ на вѣчную муку. Въ этомъ то и начало всякой религіи, что она прежде всего сбиваетъ со здраваго смысла, она человѣка обезумливаетъ, лишаетъ здраваго сознанія. Это ясно, какъ $2\times2=4$, которое есть ходячая лавочная монета. Что значитъ, мать не осудитъ ребенка на вѣчную муку? Это я знаю, это всѣ знаютъ, это $2\times2=4$. Но вѣдь сказано въ Евангеліи: „идите отъ меня проклятые въ муку вѣчную". Это не такъ просто брошенныя слова. Мать тутъ совершенно не причемъ. Тутъ такой чудовищный туманъ, что я не знаю, что съ этимъ дѣлать; тутъ вопросъ метафизики и совершенно ничего неимѣющій общаго съ физіологіей, а то, что вы говорите, это физіологія, физика, но не метафизика. Есть явленія, которыя мы вѣчной ненавистью ненавидимъ. (Г-жѣ Писаревой): Вы упомянули, что вамъ это не совсѣмъ понятно, и будто я сомнѣваюсь, что вы также относитесь отрицательно къ такимъ чудовищнымъ явленіямъ, какъ Іуда предатель и Азефъ. Я ни одной секунды не сомнѣваюсь, что вы добрые, въ высшей степени благородные люди. Меня это не интересуетъ; тутъ вопросъ не въ вашей добротѣ, не въ томъ, что теософическое общество состоитъ изъ поря-

дочныхъ добрыхъ людей, а я сомнѣваюсь въ поразительномъ фактѣ: общество состоитъ изъ добрыхъ людей, а дѣлаетъ весьма вредное дѣло. Это вопросъ, вовсе не относящійся къ логикѣ...

К. Д. Кудрявцевъ. Вячеславъ Ивановичъ Ивановъ хотѣлъ еще предложить вопросы, но Е. Ф. Писарева не кончила своей рѣчи и я прошу ее продолжать.

Е. Ф. Писарева. Я хотѣла сказать Вячеславу Ивановичу, что мы другъ друга не поняли. Мнѣ кажется, тутъ есть масса недоразумѣній. Когда вы говорите о Церкви, о томъ, чтобы жемчужину сохранить, и о томъ, что, какъ вы выразились, есть извѣстная грань, которая дорога для человѣка, то мы это прекрасно понимаемъ. Вы говорите о сознаніи себя частицей живаго тѣла Церкви, но вы говорите такъ, какъ могли бы говорить только христіане первыхъ вѣковъ христіанства, когда Церковь стояла высоко въ духовномъ отношеніи; теперь же, когда вы говорите о церкви христіанской, какъ не требующей измѣненія, не требующей эволюціи, намъ это совершенно непонятно. Ваша рѣчь носила такой характеръ: такъ какъ я христіанинъ и состою въ этомъ тѣлѣ и чувствую себя органической клѣткой этого христіанства, то я не могу быть теософомъ. Я наоборотъ говорю: я тоже состою въ этомъ тѣлѣ, но нахожу въ немъ много нездоровыхъ клѣточекъ, и думаю, что оно требуетъ новаго вдохновенія, новой мысли и расширенія.

В. И. Ивановъ. Это очень важный пунктъ, который вы изволили затронуть. Конечно, я не разумѣлъ наличной эмпирической церкви; безъ сомнѣнія, она находится въ состояніи болѣе, чѣмъ неудовлетворительномъ. Мы говоримъ о самой Церкви точно такъ же, какъ я говорилъ о самомъ теософическомъ обществѣ. Я говорилъ о теософическомъ обществѣ въ смыслѣ мистическаго тѣла,—есть ли у него мистическое тѣло или нѣтъ? Мнѣ кажется, вы скажете: „да, есть“. Мнѣ кажется, тамъ есть такіе предикаты, которые, позволяютъ утверждать присутствіе этого мистическаго тѣла. Не думаю, чтобы теософы стали спорить относительно присутствія въ теософическомъ обществѣ вотъ этого мистическаго тѣла. Если теософическое общество, какъ внѣшнее мистическое тѣло, вмѣщаетъ въ себѣ Церковь христіанскую, живое Тѣло Христово, да подастъ ему Богъ помощь; но оно въ моихъ глазахъ означаетъ тогда все-же нѣкоторую низшую ступень, поскольку является только оболочкой, облекающей живого Младенца. Кто ищетъ пріобщиться Тѣлу Младенца, тотъ уже не хочетъ быть въ Его оболочкѣ. Но я вообще нахожу, что теософическое общество грѣшитъ нецѣльностью: оно утверждаетъ извѣстныя особенности, которыя характеризуютъ его какъ Церковь, и въ то же время не желаетъ опредѣленно

утвердить этихъ особенностей. Оно говоритъ; „оставайтесь каждый въ своей вѣрѣ"—и затѣмъ дальше теософы говорятъ: „мы даемъ вамъ высшее въ смыслѣ Пути; впрочемъ, очень хорошо, если вы останетесь религіозными людьми въ формѣ вашей общины; но, конечно, нашъ Путь выше". Такимъ образомъ, абсолютной цѣнности приданъ характеръ цѣнности относительной. Я уважаю личность, въ религіозномъ смыслѣ, въ особенности тѣхъ теософовъ, которые разрѣшаютъ вопросъ о религіозной жизни выборомъ опредѣленной формы исповѣданія. Ибо теософическое общество даетъ внутренніе импульсы и познанія, но собственно религіозной жизни не даетъ, таинствъ для всѣхъ тамъ нѣтъ, нѣтъ тамъ даже молитвы въ спеціальномъ культовомъ и практическомъ, а не созерцательномъ, теоретическомъ смыслѣ этого слова. Но они говорятъ: „вы молитесь, и каждый по своему. Конечно, это не такъ важно, какъ то, что даетъ теософическое общество, но это цѣнно, какъ естественная и начальная форма внутренняго опыта".

Голосъ. Значитъ, теософическое общество важнѣе, чѣмъ таинства?

В. И. Ивановъ. Мнѣ кажется, что таинство въ глазахъ теософическаго общества есть видъ или моментъ мистерій. И я противъ этого въ принципѣ ничего не имѣю, но я утверждаю, что таинства, какъ напр. sui generis таинство священства, въ теософическомъ обществѣ есть; мнѣ кажется напротивъ, что соборной организаціи религіозной жизни въ прямомъ и собственномъ смыслѣ этого слова—не жизни мистической, а чисто религіозной, той, которая не исчерпывается элементами познавательнымъ и созерцательнымъ,—у теософовъ нѣтъ. Поэтому въ моихъ глазахъ заслуживаетъ уваженія то, что нѣкоторыми теософами, которые опредѣленно вотируютъ за буддизмъ или браманизмъ, это замѣчено. Ревность христіанина едва ли когда нибудь будетъ ревностью теософа; или же онъ будетъ христіанинъ, и возьметъ изъ сокровищницы теософическаго общества нѣкоторые нужные ему элементы только. Мнѣ скажутъ, что д-ръ Штейнеръ христіанинъ. Тогда онъ недостаточно и только въ силу внѣшнихъ связей членъ теософическаго общества. Миссисъ Безантъ, которая отличается цѣльнымъ характеромъ, рѣшительно присоединилась къ браманизму. Основательница общества Блаватская, сочиненія которой окрашены антихристіанскою тенденціею, открыто обратилась въ буддизмъ. Буддистомъ сталъ и Ольکоттъ. Почему теософическое общество не сдѣлается просто индуистской церковью? Къ этому я провоцирую, и тогда мы раздѣлимся. Тяготѣніе членовъ теософическаго общества явно устремляется въ эту сторону: къ религіямъ Индіи. Въ Германіи, гдѣ президентъ секціи общества—Рудольфъ Штейнеръ, господствуетъ, въ нѣкоторой оппозиціи съ другими національными секціями,

независимое штейнеріанское направленіе, которое ищетъ опредѣлить себя, какъ христіанское...

Е. Ф. Писарева. Простите пожалуйста, я состою лично ученицей Штейнера и г-жи А. Безантъ и нахожусь въ обществѣ теософическомъ, и могу засвидѣтельствовать, что никакого антагонизма по существу тамъ нѣтъ.

В. И. Ивановъ. Извѣстный антагонизмъ существуетъ въ самой Германіи между ложами чисто Безантистскими и ложами Штейнера.

Е. Ф. Писарева. Это не по существу.

В. И. Ивановъ. Я говорилъ о фактахъ, а не по существу.

Е. Ф. Писарева. Вы говорите о религіи; тогда надо брать религіозныя цѣнности.

В. И. Ивановъ. Мы видимъ, что доктрина теософическаго общества теорія индусская; точно также мы видимъ изъ его первыхъ членовъ-основателей двухъ буддистовъ и одну браманистку.

К. Д. Кудрявцевъ. Мнѣ хочется спросить собраніе: сейчасъ стрѣлка подходитъ къ 12 час. ночи, записаны слѣдующіе ораторы: (читаетъ); затѣмъ должно послѣдовать возраженіе докладчицы и мое резюмэ,—какъ намъ быть?

Голоса. Окончить въ слѣдующемъ засѣданіи.

Д. В. Философовъ. Мы, къ сожалѣнію, не можемъ отложить до слѣдующаго засѣданія, потому что на всѣ ближайшія засѣданія у насъ рефераты расписаны.

Голоса. Ограничить рѣчи 3-мя минутами.

К. Д. Кудрявцевъ. Слово принадлежитъ В. П. Протейкинскому.

В. П. Протейкинскій (къ Д. С. Мережковскому). Вы, Димитрій Сергѣевичъ, сегодня очень много говорили, сказали много интереснаго, дѣлали интересныя сопоставленія относительно христіанства и теософіи, прагматизма и теософіи, и проч. Но начали Вы съ рѣшительнаго заявленія, что Вы будто бы „совершенно не познакомились съ теософіей", а затѣмъ—что все Вами читанное и слышанное о ней „почему-то Васъ не интересуетъ совершенно". И вотъ въ подобномъ Вашемъ заявленіи, въ такихъ Вашихъ словахъ чувствуется мнѣ, что если дѣйствительно Васъ пока все это „почему-то не интересуетъ", то въ будущемъ заинтересуетъ... Вы ужъ такой человѣкъ, такая ужъ у Васъ душа, думается мнѣ...—Также въ самомъ началѣ Вы высказались еще, что „сегодняшнее засѣданіе есть отчасти результатъ Вашихъ нѣсколькихъ совершенно для Васъ самихъ неожиданно вырвавшихся на одномъ изъ прошлогоднихъ засѣданій нашего общества жестоко оскорбительныхъ словъ по поводу теософіи, которую (—продол-

жаю приводить Ваши собственныя выраженія—) Вы въ сущности не знали и относительно которой не имѣли ни малѣйшаго основанія говорить такія слова“. Но опредѣляя далѣе прагматизмъ, Вы указали, что для него первѣе не созерцаніе, не пониманіе, а воля и дѣйствіе, что есть нѣкоторыя ирраціональныя сущности, и проч. Съ своей стороны, позволю себѣ упомянуть, что часто слова, сказанныя неожиданно, безсознательно, ирраціонально, являются своего рода дѣйствіями, содержатъ въ себѣ корни будущихъ дѣйствій и событій и даютъ фактическія послѣдствія. Такъ и Ваши, въ прошломъ году неожиданно для Васъ самихъ, такъ-сказать безсознательно вырвавшіяся у Васъ слова, дѣйствительно, привели къ факту сегодняшняго нашего собранія...—Наконецъ, скажу, и сегодня, кажется, у Васъ „вырываются“ также безсознательно, ирраціонально, нѣкоторыя выраженія и опредѣленія, и въ числѣ ихъ такія, какъ напримѣръ „я буду каяться“, или „рѣчь В. И. Иванова сняла съ души моей часть тяжести гнета моей вины, которая, сознаюсь, остается“. И думается, многія изъ нихъ приведутъ Васъ въ будущемъ опять къ нѣкоторому покаянію по отношенію къ теософіи и вообще создадутъ опять нѣкоторыя благопріятныя для нея послѣдствія...

(Рукоплесканія).

К. Д. Кудрявцевъ (проситъ не аплодировать).

К. Ѳ. Жаковъ. Я скажу нѣсколько словъ. Мнѣ кажется, что опытъ и логика суть методы познанія и нужно, чтобы опытъ и логика были не противъ мистицизма. Сейчасъ здѣсь идетъ споръ двухъ школъ. Одна говоритъ: все дѣло въ мистицизмѣ, а разумъ ни къ чему. Другая это отвергаетъ. Религіи подлежатъ эволюціи и вообще только та религія универсальна и глубока въ высшемъ отношеніи, гдѣ опытъ, логика и мистицизмъ совпадаютъ. Развѣ жизнь природы не показываетъ, что все развивается? Почему христіанство было не въ началѣ и не въ концѣ человѣчества? Это было явленіе юному человѣчеству и оно имѣетъ логическія основанія. Мистики совершенно игнорируютъ разумъ человѣческій. У теософіи есть мистицизмъ, но есть и разумъ. Слушая безпристрастно эти школы, я прихожу къ выводу, что въ христіанствѣ есть противорѣчія, и если принимать за истину теософію, то нѣтъ сомнѣнія, что теософія есть будущая религія, а всѣ прочія—неясно выраженныя стадіи одной универсальной и вселенской религіи, къ формуламъ которой стремится Теософія. Близокъ, близокъ часъ объединенія народовъ и изъясненія правды Божіей!

Н. А. Рейтлингеръ. Господа, я буду кратокъ: я хотѣлъ-бы сказать только нѣсколько словъ, которыя, надѣюсь, могли бы быть словами примиренія. Тутъ выяснились два направленія, враждебныя

между собою и довольно рѣзко противоположныя: одно — за теософію, другое—противъ; по всей вѣроятности и въ аудиторіи, присутствующіе здѣсь раздѣляются на тѣ-же двѣ группы. Можетъ быть то, что я намѣренъ высказать, способно будетъ примирить, согласовать эти два направленія. Я позволяю себѣ надѣяться на это потому, что самъ я— не теософъ, т. е. не состою членомъ теософическаго общества, я—считаю себя христіаниномъ, и тѣмъ не менѣе я во враждебное отношеніе къ теософіи стать не могу, и вотъ почему. Христіанство можно понимать очень различно и едва-ли всѣ мы понимаемъ Евангеліе такъ, какъ его надлежитъ понимать. Несомнѣнно, что Христосъ говорилъ неодинаково, не то же самое, своимъ ученикамъ, оставаясь наединѣ съ ними, и толпѣ, состоящей изъ менѣе развитыхъ и менѣе подготовленныхъ слушателей (на это имѣются прямыя указанія въ Евангеліи), ибо есть вещи, которыя могутъ быть объяснены человѣчеству лишь въ извѣстномъ, болѣе зрѣломъ періодѣ его развитія, а въ тѣ періоды, когда оно недоросло духовно—онѣ отъ него скрываются. Это все равно, какъ преподаваніе исторіи, которое идетъ концентрическими кругами: въ младшихъ классахъ гимназіи проходятъ ее по какому-нибудь сокращенному курсу Иловайскаго, потомъ по болѣе подробному учебнику, наконецъ — въ университетѣ еще полнѣе и глубже; и то, и другое, и третье — та же исторія, однако какая разница въ ея пониманіи! Вотъ то-же и съ Евангеліемъ. Помните, что тамъ сказано: „то, что было тайно, то сдѣлается явнымъ". И вотъ мнѣ кажется, что та эпоха, которую мы теперь переживаемъ, эпоха замѣчательная, особенная, знаменательная тѣмъ, что многія вещи, которыя долго держались въ тайнѣ, дѣлаются явными, разъясняются. Было время, когда человѣчеству было довольно имѣть христіанство, такъ сказать „по Иловайскому"; теперь ему дается болѣе углубленное пониманіе христіанства. Въ этомъ состоитъ одна изъ заслугъ и сила, между прочимъ, и теософическаго движенія. Конечно, теософія не есть единственный путь, единственный проводникъ, черезъ который происходитъ раскрытіе тайнъ, долго скрывавшихся отъ болѣе широкихъ круговъ; есть разныя теченія и организаціи, выполняющія эту задачу въ тѣхъ предѣлахъ, въ какихъ это признано необходимымъ и своевременнымъ: имѣются центры восточнаго оккультизма, западнаго, и другіе, помимо теософическаго общества, но всѣ они приводятъ къ одной цѣли, а именно къ болѣе глубокому пониманію истинъ религіозныхъ вообще и евангельскихъ въ частности. Вотъ въ этомъ смыслѣ я и хотѣлъ возразить Д. С. Мережковскому въ прошломъ году, когда онъ на одномъ изъ засѣданій религіозно-философскаго общества обмолвился нѣсколькими рѣзкими словами по адресу теософіи. Смыслъ его рѣчи сводился къ тому, что онъ какъ бы

говорилъ такъ: „вотъ дверь, надъ которой стоитъ надпись: Теософія. Туда не ходите. — Вы тамъ ничего не найдете!“ Тогда мнѣ не была дана возможность ему отвѣтить. Но я могу это сдѣлать теперь, ибо вижу, что Дмитрій Сергѣевичъ за этотъ годъ повидимому „ничего не забылъ и ничему не научился“ (по отношенію къ теософіи) и повторяетъ то-же, что высказалъ тогда. И если я позволяю себѣ сказать здѣсь слово въ пользу теософіи, — не смотря на то, что тутъ на-лицо представители теософическаго общества, — то дѣлаю это именно потому, что они будутъ говорить, защищая, такъ сказать, „leur propre cause“, между тѣмъ какъ я могу выступить какъ человѣкъ безпартійный, и вотъ, въ качествѣ такого безпартійнаго лица, безпристрастной третьей стороны, я говорю: не отворачивайтесь отъ той двери, а которой написано „Теософія“; возможно, что войдя въ нее, вы *не все* тамъ найдете, не всю истину, но быть можетъ то, что вы тамъ встрѣтите, натолкнетъ васъ на тотъ путь, посредствомъ котораго вы придете къ болѣе истинному и расширенному пониманію Евангелія, Христіанства, Религіи вообще. Многіе шли *этимъ* путемъ и обрѣли неоцѣнимыя сокровища....

М. В. Ладыженскій. Тутъ важенъ вопросъ: можетъ ли истинный христіанинъ быть истиннымъ теософомъ? Возможно ли такое совмѣщеніе? Мнѣ кажется, что возможно. Я буду говорить о христіанствѣ съ точки зрѣнія практическаго примѣненія. Что такое христіанство? Въ нашемъ дѣтствѣ это молитва нашей матери, молитва наша, это счастье быть въ этой религіи, жить въ нашей религіи, которая выражена на нашемъ славянскомъ языкѣ. Мы начинаемъ жить сердцемъ и тутъ то и вселяется въ него это чувство, это желаніе, стремленіе къ тому Единому, о которомъ говорятъ теософы,—инстинктивно вселяется. Итакъ, мы растемъ, мы умнѣемъ, мы входимъ въ понятіе догматовъ, и видимъ массу противорѣчій. Съ одной стороны мы сроднились духовно со всѣмъ этимъ, это наша инстинктивная мистика, которая въ насъ есть съ дѣтства, съ другой стороны, все это является другимъ, когда развивается нашъ умъ, когда мы видимъ эти противорѣчія, напр., о вѣчныхъ мукахъ за небезконечныя дѣйствія, а дѣйствія, происшедшія во времени; когда мы видимъ такое невозможное противорѣчіе, мы начинаемъ страдать, а разстаться съ нашимъ дорогимъ, съ тѣмъ, что мы получили, невозможно:—я съ этимъ разстаться не могу. Это сдѣлало мою жизнь цѣльной и, можетъ быть, это единственно то, что дѣлаетъ мнѣ дорогой жизнь.

Здѣсь говорили о тѣлѣ Церкви, но я бы спросилъ: гдѣ оно, это тѣло Церкви? Въ теоріи многоуважаемая г-жа Писарева хотѣла поправить и говорила о тѣлѣ христіанства. Я могу представить первое

христіанство, но теперь мы видимъ остовъ его, мы видимъ догматы, но многіе отвратились отъ него. Что же мнѣ дѣлать, если я привыкъ молиться по Іоанну Златоусту, по Марку Евангелисту! это есть вторая моя натура! И вотъ я иду въ храмъ теософіи и меня этотъ храмъ удовлетворяетъ. Я началъ прежде всего съ религіи чувства: она создала все мое существо, и я иду за примиреніемъ, и что же я вижу? Что такъ, какъ я, молится индусъ. Я ѣздилъ кругомъ свѣта и видѣлъ: они лучше насъ молятся. Я видѣлъ брамина на молитвѣ; и они переживаютъ тѣ же стремленія. У насъ слабѣе религія. Желательно, чтобы мы такъ понимали Единаго, какъ они понимаютъ. Почему же мнѣ думать непремѣнно, если я сынъ Государства, гдѣ 150 милліоновъ, что моя религія выше? Я думаю, всякая молитва, разъ она стремится къ Богу, высока и велика. И кто мнѣ объ этомъ сказалъ? Теософія. И въ этомъ можно найти примиреніе цѣлой жизни, а не во внѣшнихъ догмахъ.

Вотъ тутъ говорили, что школы разныя ссорятся; и въ первыя времена христіанства это было, и апостолъ Павелъ ссорился, но то было время не такое, какъ теперь, а послѣ Нерона. Если мы всѣ не будемъ ссориться и будемъ стоять на этой общей почвѣ, то здѣсь мы найдемъ примиреніе.

Д. С. Мережковскій. Я, разумѣется, не каялся въ своихъ мысляхъ; я каялся, что сказалъ рѣзко, но въ мысляхъ своихъ не могъ покаяться, потому что мысли мои остались до сихъ поръ незыблемыми. Я сказалъ, что я не чувствую интереса, это были слова вѣжливыя; я могу сказать откровеннѣе: я чувствую именно отвращеніе и ненависть. Я не думаю, что тутъ дверь, на которой написано: „не ходите туда, тамъ ничего не найдете". Я говорю: не ходите, потому что тамъ яма, тамъ ужасъ. И вотъ одно изъ поразительныхъ явленій этого ужаса то, что дѣйствительно странно въ теософіи. Когда я читаю теософическія книги, меня всегда это поражаетъ: люди говорятъ вдохновенно, я совершенно ясно вижу, что они горятъ, но когда я начинаю думать объ этомъ, то я вижу, что это общія мѣста. Эта теософія, какъ она преподается,—это вдохновеніе общихъ мѣстъ. Все необыкновенно вѣрно, но все необыкновенно старо. И дѣйствительно думается: люди такъ оголодали, до такой степени они лишены всего питательнаго, что бросаются на кору. Да,—и корой можно заглушить голодъ, но вѣдь есть хлѣбъ, и для того, кто понюхалъ, чѣмъ пахнетъ хлѣбъ, ясно, что это есть кора. Я, дѣйствительно, мало читалъ теософическихъ книгъ, но по тому, что говорилъ Вячеславъ Ивановичъ, я убѣждаюсь, что мой инстинктъ былъ совершенно вѣренъ, что я понялъ инстинктомъ, гдѣ здоровое и нездоровое. Я вспоминаю мое личное впечатлѣніе отъ одного

изъ учителей теософіи, г. Штейнера; я видѣлъ его въ Парижѣ и говорилъ довольно долго по вопросамъ весьма кардинальнымъ для меня и для него. Онъ говорилъ, что въ Россіи ему предстоитъ дѣятельность; онъ много надеждъ возлагалъ на Россію; и это свиданіе было не случайное. То впечатлѣніе, которое вынесъ Вячеславъ Ивановичъ изъ болѣе глубокаго изученія его сочиненій, совершенно совпадаетъ съ этимъ моимъ впечатлѣніемъ отъ Штейнера. Я почувствовалъ въ Штейнерѣ, что это не только теософъ, но и оккультистъ, т. е., что есть въ теософіи еще, можетъ быть, очень важная сторона, о которой мы не говорили, именно сторона оккультная, и, можетъ быть, слѣдовало бы продолжить засѣданіе для того, чтобы поговорить объ оккультной сторонѣ теософіи. Тогда бы выяснилось поразительное явленіе, что люди утверждаютъ: я добрый христіанинъ, какъ же вы не видите, что я добрый христіанинъ? Да, можетъ быть, они и добрые христіане, но тайны, куда ихъ ведутъ, они не знаютъ; а это впечатлѣніе, что тутъ тайна, у меня опредѣленное. Я думаю, что Вячеславъ Ивановичъ былъ совершенно правъ, когда говорилъ объ уклонѣ отъ христіанской Церкви. Эти церкви, что у Блаватской и другихъ,—опредѣленной тенденціи и очень значительной; и это еще болѣе значительно потому, что мы видимъ равнодушіе истинныхъ христіанъ, которые попадаютъ въ эту страшную ловушку.

К. Д. Кудрявцевъ. Ораторовъ больше нѣтъ. Теперь слово принадлежитъ докладчицѣ А. А. Каменской.

А. А. Каменская. Здѣсь было затронуто такъ много вопросовъ, что я затрудняюсь отвѣтить на всѣ вопросы и думаю отвѣтить на самые главные, тѣмъ болѣе, что на нѣкоторые уже были даны отвѣты. Я ставлю Вячеслава Ивановича послѣднимъ въ своемъ отвѣтѣ, а сейчасъ я начну съ отвѣта г. Мережковскому. Я хочу ему только отвѣтить на его обвиненіе: почему люди, которые, повидимому, такъ добры, дѣлаютъ какое то вредное дѣло? Я ему напомню, что въ данномъ случаѣ совершенно не доказано, что дѣло вредное. Если судить о дѣлахъ, то, можетъ быть, будетъ наиболѣе вѣрно, если мы признаемъ слова Спасителя: „по плодамъ судите о деревѣ". Теософическое общество очень молодо, и говорить, какіе плоды оно дало въ Россіи, слишкомъ рано. Но міровое теософическое движеніе, несомнѣнно, эти плоды уже дало, и въ тѣхъ странахъ, гдѣ работало Теософическое движеніе, мы видимъ возрожденіе идеализма, возбужденіе религіознаго чувства и активное служеніе жизни, потому что каждый теософъ, который проникается идеями теософіи, считаетъ необходимымъ, въ силу своего единства съ міромъ, вносить въ міръ частицу своего творчества. Можно допустить, что человѣкъ пассивный подходитъ къ Теософіи, но

нельзя сдѣлаться теософомъ и продолжать быть пассивнымъ. Теософія вызываетъ настроеніе въ высшей степени активное и всегда прогрессивное. Ибо съ точки зрѣнія Теософіи, все что идетъ съ эволюціей,—добро; все, что идетъ противъ нея—зло. Такъ что Теософія должна непремѣнно помогать тому, что прогрессируетъ, помогать эволюціи. Относительно недоразумѣнія, что мы въ своемъ избыткѣ добрыхъ чувствъ готовы безъ всякаго различія относиться ко всѣмъ явленіямъ міра и ко всѣмъ людямъ,—(въ такомъ случаѣ, гдѣ будетъ зло и борьба со зломъ?) то здѣсь кроется недоразумѣніе, съ которымъ приходится постоянно встрѣчаться Теософіи, когда подходятъ неофиты. Проповѣдь любви и мира, ученіе, которое заставляетъ видѣть брата въ каждомъ человѣкѣ, въ разбойникѣ, въ убійцѣ, въ преступникѣ, въ человѣкѣ падшемъ, совершенно не требуетъ, чтобы мы относились пассивно къ этимъ явленіямъ. Въ этомъ отношеніи самой правильной формулой была бы такая: *борьба, но не вражда.* И вотъ научиться бороться, укладывать всю свою энергію въ эту борьбу, но не тратя ее на враждебныя и злыя эмоціи, считая—ихъ за дѣло, тогда какъ онѣ нисколько не двигаютъ впередъ дѣла, вотъ этому дѣйствительно учитъ Теософія. Такъ что отношеніе къ человѣку, черезъ котораго происходитъ отрицательное явленіе, должно быть милосердное, но самое явленіе должно вызывать опредѣленное активное отношеніе. На это отрицательное я и хотѣла отвѣтить.

Затѣмъ я бы хотѣла сказать относительно двухъ—трехъ замѣчаній Вячеслава Ивановича, которыя въ сущности были не по существу, но нужно разсѣять недоразумѣнія, которыя съ ними связаны. Вячеславъ Ивановичъ говорилъ, что, повидимому, у насъ—теософовъ даже нѣтъ молитвы, и что въ Теософическомъ Обществѣ нѣтъ настоящаго религіознаго настроенія, а есть искусственно притянутая религіозная жизнь. Я на это отвѣчу. На изученіи молитвы останавливались мистики всѣхъ временъ; обращаясь къ христіанству мы видимъ, что подвижники, которые посвятили себя изученію молитвы, разбиваютъ молитву на многія категоріи. Есть молитва внѣшняя, есть внутренняя молитва, умная, и мистики признавали, что самая высокая молитва не та, когда человѣкъ опредѣленно проситъ у Бога чего-нибудь: такая молитва не есть актъ вѣры, ибо такой человѣкъ проситъ, какъ ребенокъ, который не довѣряетъ отцу, что отецъ лучше знаетъ, что надо,—а та молитва внутренняя, которая старается подняться къ Богу; эта высшая молитва, несомнѣнно, существеннѣе первой; о ней есть опредѣленное ученіе въ Теософіи, какъ мы находимъ его въ мистикѣ всѣхъ временъ. Что же касается внѣшней молитвы, то она не отрицается теософами, но считается ступенью элементарной молитвы.

Теперь относительно того замѣчанія, что будто бы наши главные лидеры оставили христіанство. Здѣсь недоразумѣніе, которое вытекаетъ изъ незнанія Востока. Совершенно вѣрно, что Е. П. Блаватская вступила въ буддизмъ и Генри Олькоттъ также; но это не значитъ, что они отреклись отъ христіанства. Мы, европейцы, настолько фанатики, что требуемъ отреченія отъ своей религіи отъ вступающихъ въ нашу религію, но буддизмъ не требуетъ отреченія отъ другой религіи. Мнѣ пришлось заграницей встрѣтиться съ нѣсколькими буддистами, увлеченными христіанствомъ и желавшими вступить въ христіанство, но когда христіанскій священникъ потребовалъ отреченія отъ ихъ религіи, то они возмутились и отказались вступить въ христіанство. Они говорятъ: „почему же мы васъ принимаемъ безъ такого отреченія, а вы насъ не можете принять"? И Е. П. Блаватская, и Генри Олькоттъ только потому и могли принять буддизмъ, что тамъ не требуется отреченія отъ своей религіи. Они остались христіанами, пріобщившись къ буддійской общинѣ. Относительно миссисъ Анни Безантъ, тотъ, кто знаетъ браманизмъ, знаетъ, что сдѣлатся браманистомъ невозможно, потому что браманизмъ не имѣетъ права принимать въ свои нѣдры, и если бы европеецъ желалъ вступить въ браманизмъ, то его бы не могли принять, ибо это было бы противъ закона страны. То, о чемъ говоритъ Вячеславъ Ивановичъ, касается другихъ сторонъ затронутаго вопроса, т. е. тѣхъ внутреннихъ линій, по которымъ душа идетъ, но съ точки зрѣнія Теософіи—это дѣло личное каждаго человѣка и никого не касается. Теософія признаетъ въ этомъ отношеніи безграничную свободу; хочу,—иду по линіи браминской, по линіи буддійской, по линіи Суфи или христіанской. Это дѣло моей совѣсти, того Бога, который сокрытъ въ моей душѣ, до котораго никому нѣтъ дѣла, но до котораго у насъ въ въ Европѣ такъ страшно много дѣла, потому что мы нетерпимы. И такъ въ этомъ вопросѣ неправильное пониманіе, а съ оффиціальной стороны перехода въ браманизмъ даже и не можетъ быть. Но я прибавлю: насколько совмѣстимо глубокое пониманіе христіанства, при увлеченіи индуизмомъ, доказываетъ тотъ знаменательный фактъ, что можетъ быть самая глубокая книга, которая въ настоящее время написана по христіанству, эта книга миссисъ Анни Безантъ „Эзотерическое Христіанство". Я могу только желать, чтобы всѣ интересующіеся прочли эту удивительную книгу. Чтеніе васъ убѣдило бы, къ какимъ глубинамъ приводитъ Теософія, которая умѣетъ понимать сокровенный смыслъ религій, и какъ она расширяетъ понятія. А затѣмъ самое главное возраженіе, мнѣ кажется, въ самомъ отвѣтѣ В. Иванова. Въ вопросѣ, съ которымъ онъ обратился ко мнѣ, въ сущности есть коренное недоразумѣніе, я бы сказала—противорѣчіе, потому что Вячеславъ

Ивановичъ какъ будто недоумѣваетъ, какимъ образомъ можно соединять такія разныя по своей физіономіи, по своимъ вѣрованіямъ религіи, какъ буддизмъ и христіанство; онъ опасается, что такое соединеніе ведетъ къ умаленію христіанства, которое теряетъ свою абсолютную цѣнность. Вмѣстѣ съ тѣмъ, подчеркивая очень въ своей рѣчи, что есть различія, онъ ихъ совершенно не доказалъ. Онъ говорилъ, что, не смотря на выставленное тождество, различны формы пониманія въ разныхъ вѣрахъ. Для меня это совершенно не доказано, но я допускаю, одну секунду, что это такъ. Вячеславъ Ивановичъ говоритъ, что эти религіи настолько чужды другъ другу, что совершенно несоединимы, и затѣмъ прибавляютъ „Разумѣется, что касается вопроса о Пути (т. е. міровой мистики), то здѣсь будетъ полное тождество", говоритъ онъ. А я васъ спрашиваю: что такое Путь? что такое міровая мистика, какъ не Путь къ высшей эволюціи, путь на которомъ создается высшій типъ человѣка, къ которому звалъ Вл. Соловьевъ, къ которому звали всѣ великіе учители, къ которому звалъ Іисусъ Христосъ? Это путь Богочеловѣчества, путь, на которомъ мы должны перейти отъ переживаній личныхъ, къ переживаніямъ сверхличнымъ. Своими словами В. Ивановъ указалъ, что главнымъ, центральнымъ мѣстомъ въ Теософіи является тотъ путь, то поле міровой мистики, на которомъ могутъ объединяться всѣ религіи; слѣдовательно здѣсь и кроется корень того вселенскаго синтеза, о которомъ была рѣчь въ моемъ докладѣ. И мнѣ кажется, если мы признали, что дѣйствительно въ русскомъ народѣ, въ славянахъ есть особая склонность къ мистикѣ, то мы допустимъ, что дѣйствительно черезъ насъ пойдетъ и новое слово, новое откровеніе, въ силу того, что мы, какъ мистики, чувствуемъ потребность въ единствѣ и возможность синтеза. Вотъ объ этой то возможности, о необходимости безотлагательнаго синтеза говорили не только лучшіе люди въ прошломъ, но и современные корифеи литературы, которые говорятъ, что жажда этого безотлагательнаго синтеза чувствуется всѣми. Мнѣ кажется, что она именно вытекаетъ по существу изъ состоянія мистика, который ощущаетъ это единство. У насъ уже синтезъ осуществленъ въ одной очень тонкой и своеобразной формѣ,—я беру идею національную. Мнѣ кажется, что нигдѣ идея національная не была возведена на такую высоту, какъ у насъ, гдѣ она людьми мыслящими, передовыми, я имѣю въ виду Достоевскаго, Соловьева и передовую интеллигенцію, была такъ удивительно выражена—идею о *всечеловѣкѣ*. Эта идея синтетическая вытекаетъ изъ жажды Вселенской Правды, ниже которой, говорятъ Достоевскій и Соловьевъ, помириться русскому человѣку нельзя: должна быть вселенская правда. Эта вселенская правда можетъ осуществиться только черезъ высшій путь, о которомъ говорятъ религіозные учители

всѣхъ народовъ и всѣхъ временъ. Намъ думается, что въ Россіи, гдѣ такъ сильна эта жажда, будетъ осуществленъ этотъ синтезъ въ области религіозной. На это есть много указаній. Мы переживаемъ совсѣмъ особое время разлада и исканій. Мы чувствуемъ, что мы отошли отъ стараго и не пришли къ новому и именно потому мы такъ близко подошли къ Теософіи. Я бы очень многое могла сказать по этому поводу, но боюсь въ данномъ случаѣ быть слишкомъ многословной. Было сказано въ одной рѣчи, что теософы какъ будто „горятъ". Да, мы, теософы, дѣйствительно горимъ; мы горимъ потому, что мы убѣждены въ томъ, что Теософія имѣетъ великую миссію у насъ въ Россіи, гдѣ такая необыкновенная почва; передъ Теософіей стоитъ великая задача и эту задачу она исполнитъ!

К. Д. Кудрявцевъ. Господа, прежде чѣмъ перейти къ резюмэ рѣчей въ сегодняшнемъ засѣданіи, позвольте мнѣ сказать нѣсколько словъ отъ себя и объяснить, почему я примкнулъ къ теософическому движенію. Съ 1902 года я посѣщаю собранія религіозно-философскаго общества. Чтобы не останавливаться на всѣхъ деталяхъ, напомню нѣсколько первыхъ собраній. Вспомните докладъ В. В. Розанова о благодати священства. Два — три вечера велась жаркая бесѣда, жаркій споръ, и въ концѣ концовъ вопросъ остался не выясненнымъ. Вспомните докладъ о свободѣ совѣсти: послѣ двухъ вечеровъ, посвященныхъ обсужденію этого вопроса, представители духовенства признали, что гдѣ Христосъ, тамъ и свобода, но что Церковь сама не свободна. На этомъ вопросъ остановился. Вспомните докладъ о бракѣ и споръ о томъ, что выше — бракъ или безбрачіе? споръ кончился тѣмъ, что предсѣдательствовавшій—лицо духовнаго сана—сказалъ, что аргументы интеллигенціи настолько убѣдительно доказываютъ, что бракъ выше безбрачія, что онъ ничего не имѣетъ возвратить, но такъ какъ въ Священномъ Писаніи содержится прямое указаніе, что безбрачіе выше, то онъ на этой точкѣ зрѣнія и остается; и тогда небезызвѣстный вамъ В. М. Скворцовъ сдѣлалъ небезъинтересное и грустное для меня признаніе. Онъ сказалъ, что всѣ эти вопросы, которые волнуютъ насъ сейчасъ и которые мы не можемъ разрѣшить, въ первые вѣка христіанства даже не возникали; никакого недоразумѣнія, никакого спора они не возбуждали; теперь же эти споры происходятъ потому, что ключъ къ пониманію этихъ истинъ нами утерянъ. Это горькое признаніе! Когда я шелъ на собесѣдованіе, я ожидалъ все, что угодно, я ожидалъ, что намъ скажутъ: вы еще не можете понять: вы еще не доросли. Но когда вамъ говорятъ: „ключъ утерянъ", тогда остается пойти и поискать, гдѣ же находится этотъ ключъ. И я вступилъ на путь поисковъ; я искалъ отвѣта у старчества, думая, что тамъ найду ключъ. Поиски

остались безрезультатны. Былъ я на Валаамѣ; тишины я тамъ не нашелъ; и вотъ на пути моемъ встрѣтилась Теософія, которая внесла миръ во всѣ тѣ „проклятые" вопросы, которые на протяженіи нѣсколькихъ лѣтъ оставались неразрѣшенными. Мнѣ открылась возможность болѣе яснаго, болѣе глубокаго пониманія христіанства. Дмитрій Сергѣевичъ говоритъ, что онъ индифферентенъ къ Теософіи, что его не интересуетъ Теософія, что онъ удовлетворяется догмами церковными. Да будетъ ему благо! Ни одной секунды я не посягаю на его внутренній міръ, потому что будить человѣка, пока его внутренніе запросы не пробудились, не слѣдуетъ, — но въ тотъ моментъ, когда человѣкъ не удовлетворяется болѣе этими догмами только потому, что онъ ихъ не понимаетъ, и изъ-за этого непониманія хочетъ порвать со своей вѣрой, тогда я скажу: „обожди! За этими мертвыми словами есть внутренній смыслъ; символъ можетъ ожить". И поэтому я и многіе другіе углубляли свое пониманіе христіанства въ Духѣ и Истинѣ и остались христіанами. Именно сегодня былъ поставленъ вопросъ о томъ, совмѣстима ли теософія съ христіанствомъ; и было выяснено, что совмѣстима вполнѣ. Этотъ тезисъ былъ достаточно выясненъ, и инициаторъ этого вопроса В. И. Ивановъ призналъ, что противъ теософіи, какъ изслѣдованія вопросовъ религіознаго свойства, онъ лично ничего не имѣетъ и противъ этого, вообще, онъ не возражаетъ.

Второй тезисъ, который былъ здѣсь сегодня затронутъ, это вопросъ относительно молитвы, причемъ Д. С. Мережковскій сегодня сказалъ, что теософія не знаетъ молитвы. Но этимъ онъ кореннымъ образомъ разошелся съ тѣмъ, что онъ сказалъ годъ тому назадъ. Годъ тому назадъ имъ было въ этомъ помѣщеніи сказано: „теософія учитъ только молиться и ничего не дѣлать". Изъ этого и вытекалъ сегодняшній его тезисъ, что теософія есть созерцаніе, а не дѣланіе. Относительно этой фразы, что теософія учитъ только молиться и ничего не дѣлать, можно сказать, что здѣсь глубокое заблужденіе, но если бы, дѣйствительно, въ Теософіи не было бы ничего, кромѣ молитвы, то и тогда слѣдуетъ сказать, что молитва, сама по себѣ, есть величайшее дѣланіе. Если бы мы умѣли молиться, то не было бы тѣхъ многочисленныхъ эпидемій, отъ которыхъ страдаетъ современное человѣчество. Какое важное дѣло молитва видно изъ того, что первые христіане, при встрѣчѣ, не спрашивали другъ друга, „какъ здоровье", а спрашивали: „какъ дѣлается молитва?" И вотъ къ этому молитвенному дѣланію и призываетъ теософія. Но, кромѣ того, теософія еще говоритъ: зачѣмъ ты говоришь о Богоисканіи и ищешь Бога въ народѣ, въ красотѣ и т. д., въ чемъ то внѣшнемъ, когда Бога можно найти только въ собственной душѣ? Въ этомъ отношеніи Вячеславъ Ивано-

вичъ очень близко подошелъ къ Теософіи. Бога можно только найти въ собственной душѣ и правильно построить свою жизнь можно только тогда, когда познаешь Бога въ сердцѣ своемъ. Вотъ къ этому и призываетъ теософія. Въ 1903 году была издана прекрасная брошюра Новоселова „Забытый путь опытнаго Богопознанія". Г-нъ Жаковъ сегодня говорилъ, что теософы должны доказать бытіе Бога, доказать бытіе Души. Доказать этого нельзя. Всякая религія, какъ и всякая наука зиждется на опытѣ; нужно вспомнить про этотъ забытый путь опытнаго Богопознанія, и тогда вамъ не придется говорить о Богоисканіи, потому что вы всѣмъ своимъ существомъ *опытно* узнаете, что Христосъ былъ, есть и будетъ; и когда это будетъ достигнуто, то вѣра ваша будетъ построена на твердомъ камнѣ, и вы неизбѣжно вступите на путь активнаго служенія въ жизни, вступите на путь того дѣланія, въ отсутствіи котораго въ Теософіи упрекали сегодня теософовъ. Другого пути быть не можетъ: сначала внутреннее:—созерцаніе, Богомудріе; затѣмъ внѣшнее:—работа на благо другихъ.

Третій вопросъ, затронутый здѣсь,—о проблемѣ зла. Несомнѣнно, на этой платформѣ никогда теософы съ Д. С. Мережковскимъ не столкуются; никогда для нихъ не будетъ радости и не будетъ величайшаго священнаго дѣйствія въ томъ, „чтобы убить Азефа, какъ бѣшенную собаку". Теософія учитъ, что

Зло побѣдится не звономъ мечей,
А дивною силой Господнихъ рѣчей
И тайной святой, неизмѣнной.

Вотъ къ этой тайнѣ В. И. Ивановъ подошелъ 30 декабря прошлаго года. Въ преніяхъ по его докладу „о Русской идеѣ" онъ говорилъ, что все хранится въ мистеріяхъ, но что мистеріи были надстройкой — теософіей, и не проникли въ душу народа. Насколько это вѣрно, что мистеріи не проникли въ душу народа? Я съ этимъ согласиться не могу. Нужно вспомнить христіанскія легенды, сказки, миеологію, чтобы всюду найти мистическій элементъ. Несомнѣнно, что давать народу теософію, пока не пробудился его пытливый духъ, не слѣдуетъ; въ жизнь широкой волной ее вливать нельзя; но теософія, какъ Богомудріе, какъ опытное Богопознаніе, является не надстройкой; она является тѣмъ существомъ, которое объединяетъ и даетъ ключъ къ пониманію всѣхъ религій и все приводитъ къ единству. Вотъ къ этому самому единству, къ признанію его и призываетъ Теософія; при наличности этого единства нельзя взять Азефа за шиворотъ и уничтожить его, когда чувствуешь, что его грѣхъ — нашъ грѣхъ: тутъ чувствуется вина всѣхъ, какъ правильно сказалъ Достоевскій: „воистину.

всякій передъ всѣми за всѣхъ и за все виноватъ". Вотъ эта нить единства очень ярко и выпукло проходитъ и звучитъ черезъ все ученіе Теософіи, понимаемой не въ смыслѣ Церкви, а въ смыслѣ возстановленія забытаго христіанскаго гнозиса, того гнозиса, который претворяетъ мертвую букву въ духъ и жизнь.

В. И. Ивановъ. Церковьли теософическое общество или нѣтъ?

К. Д. Кудрявцевъ. Нѣтъ! На этотъ вопросъ данъ былъ прямой и категорическій отвѣтъ нѣсколькими ораторами.

Затѣмъ позвольте только два слова сказать въ заключеніе о „благополучіи" теософіи. Дмитрій Сергѣевичъ ужасно волнуется и, какъ тогда по поводу реферата В. И. Иванова онъ ужасался, что у Вячеслава Ивановича все благополучно, такъ и теперь онъ видитъ какое-то безстрашіе со стороны теософовъ, какое то, такъ сказать, благополучіе, увѣренность, что всѣ спасутся. Несомнѣнно, страхъ Божій долженъ быть, но страхъ Божій не въ смыслѣ боязни, а въ смыслѣ благоговѣнія. Но всѣ-ли спасутся? Да, несомнѣнно, спасутся всѣ, потому что въ Посланіяхъ сказано: Богъ „хочетъ, чтобы всѣ люди спаслись". Воля Отца есть вмѣстѣ съ тѣмъ и Ея осуществленіе, и, если нѣтъ воли Отца, то, несомнѣнно, никто не погибнетъ; тутъ весь вопросъ только въ томъ, какъ быстро кто исполнитъ задачу жизни. Въ виду поздняго времени, я боюсь васъ утруждать детальнымъ развитіемъ этого вопроса; скажу только, что муки вѣчной для индивидуальной души нѣтъ, и это такъ же вѣрно, какъ и то, что нѣтъ такого догмата, который былъ бы вамъ извѣстенъ съ дѣтскихъ лѣтъ и который не былъ бы вѣренъ, какъ для дѣтскаго возраста, такъ и для зрѣлаго пониманія. Нужно умѣть найти ключъ, нужно умѣть читать, что скрывается за каждымъ изъ этихъ величайшихъ и глубочайшихъ символовъ христіанскаго ученія.

Здѣсь говорилось еще о другихъ церквахъ, и о томъ, которую изъ этихъ церквей теософы ставятъ выше, и не ставятъ ли они теософическое общество выше христіанской Церкви. Изъ преній выяснилось, что самый первый и главный тезисъ теософическаго общества—никого и никакую религію не ставить выше, уважать вѣрованія каждаго человѣка, но, параллельно съ этимъ, именно въ силу этого пониманія, въ силу этого желанія видѣть ту точку, до которой дошелъ человѣкъ въ своемъ духовномъ развитіи, и возможно сліяніе всѣхъ человѣческихъ церквей какъ мы о томъ молимся въ нашихъ храмахъ „о мирѣ всего міра, о благостояніи Св. Божіихъ церквей и соединеніи всѣхъ". Мнѣ кажется, этотъ лозунгъ, этотъ девизъ одинаково проходитъ и черезъ нашу ежедневную молитву, и черезъ Теософію.

Въ заключеніе я не могу не поблагодарить еще разъ устроителей этого собранія—Совѣтъ религіозно-философскаго Общества—за то, что

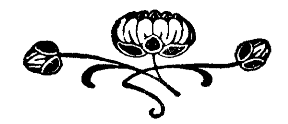
онъ далъ намъ возможность сегодня выслушать докладъ и обмѣняться мнѣніями и возраженіями. Я думаю, что, чѣмъ чаще мы будемъ собираться, чѣмъ больше будемъ говорить, чѣмъ ближе будемъ узнавать другъ друга, тѣмъ больше будемъ любить другъ друга, а въ этомъ есть альфа и омега всего.

(Рукоплесканія).

Объявляю засѣданіе закрытымъ.

Конецъ.

Стенографировала М. Дубино-Княжицкая.
Декабря 7 дня 1909 г.

Формы религіи заключаютъ человѣка въ оковы; только Духовное Сознаніе можетъ разбить ихъ.

Какъ веревка ошибочно принимается въ темнотѣ за змѣю, такъ и Духъ ошибочно принимается за многообразіе этого міра.

Тотъ, кто допускаетъ предѣлъ въ безпредѣльномъ, самъ заключаетъ въ оковы свое Я.

Тотъ, кто будучи сильно привязанъ къ своему тѣлу, желаетъ познать Я, готовится переплыть рѣку на спинѣ крокодила, котораго ошибочно принялъ за бревно.

Все—Единое Я, это Я—міровое Я.

Ты—свѣтъ, которымъ сіяетъ солнце, разгоняя мракъ невѣдѣнія, господствующій внутри; ты—жила, которая проводитъ благоухающій медъ цвѣтка сознанія къ каждой части матеріи... Ты—Единое Божественное! являешься для борящихся съ волнами моря воплощеній Защитникомъ и Опорой!

(Изреченія изъ „Упанишадъ").

Редакторъ-Издательница **А. А. Каменская.**